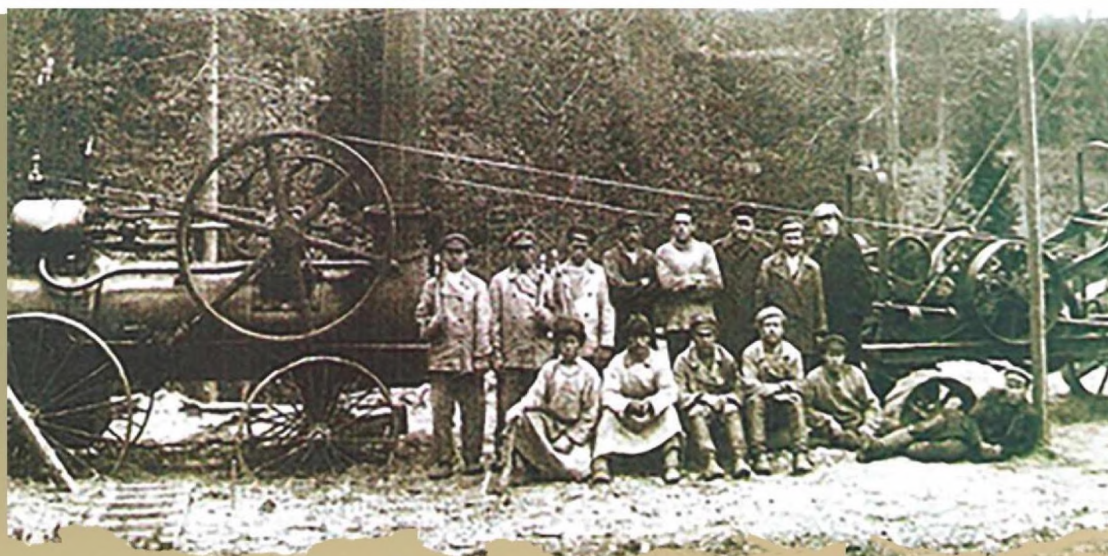


ВИКТОР ФЕДОТОВ



Паровая буровая установка  
ударного действия конца XIX века

# ДИНАСТИЯ — БЕЗ ГРИМА



Дизельная буровая установка ударного  
действия начала XX века.



Буровая установка  
80-х годов XX века.

62.3(216с-6уан-2ур)  
9234

ВИКТОР ФЕДOTOB

ДИНАСТIЯ  
— БЕЗ  
ГРИМА —

**КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ  
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ**  
указанного здесь срока

Вы можете продлить книгу:  
<http://www.megionlib.ru>



Лялязяк Лярыса Леаровна -  
нагаўняку атолка культуры Адміністрацыі  
г. Мелітоў с іскрэнным уважэннем  
і прызнаннем вашага вклада  
в культуру і просвіты  
эту галіну, нефтняк і всех  
жителей горада моей молодости  
(1965-75г.)

В.А.Александров

8.00.215

03/Р  
К 63.3(2Рос-6Уан-2Сур)-8  
9234

ВИКТОР ФЕДОТОВ

# ДИНАСТИЯ БЕЗ ГРИМА

Посвящаю  
200-летию рода  
и 110-летию трудовой  
династии нефтяников  
Федотовых

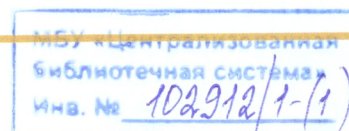
Автор – ветеран-геологоразведчик,  
член Союза журналистов России.  
На то он и Виктор – победитель.  
На то он и Алексеевич – сын Божьего человека,  
На то он и Федотов, чтобы не плутать  
в ответвлениях своего древа,  
корни которого исходят с 1820 года –  
года рождения прадеда Ивана Федотова.  
Острое чувство семьи, чувства породы своей,  
родовое чутье является его жизненным  
ощущением, азбукой житейской науки.  
...Всё прошло, превратилось в легенду,  
Но ведь были и эти года!  
Как хотелось, чтоб знали об этом  
Наши дети и внуки всегда!  
Не любить и не знать свое детство,  
Свою Родину, корни свои...  
Значит, жить мимоходом, без сердца,  
Просто так... С пустотою души...

Бугуруслан-Сургут  
2021



102912001

Мегион ЦБ-КО



УДК 82-312.6  
ББК 84(2)6  
Ф 34

**Федотов В.А.**

«Династия без грима»

Новая книга Виктора Федотова – семейная хроника, посвящённая жизни не только одной семьи, чья история искусно вплетается в историю Российской Империи, Советского Союза и современной России. Перед читателем – панорама жизни десятков, а то и сотен людей, чьи судьбы стали историей государства Российского и запечатлены автором в повествовании, не претендующем на исключительность, ибо за этими судьбами – типичные истории их современников. Повествование перемежается личными воспоминаниями, документальной хроникой, профессиональными комментариями, эмоциональными оценками и жизненными выводами, что располагает читателя к доверительному разговору с автором, которому невозможно не верить.

Каждый, читающий повествование автора о своей семье, с честью называемой «Династией», найдёт отголоски собственной судьбы, судеб своих родных и близких, судеб своей семьи. В этом и ценность данной книги: за частными историями обычных людей, не претендующих на героизм и величие, формируется образ великого народа, главным достоинством которого являются непреходящие ценности и величественная простота.

УДК 82-312.6  
ББК 84(2)6

## ГЛАВА ПЕРВАЯ

### Истоки

Весна 1951 года в Оренбуржье выдалась ранней и жаркой. Уже в начале мая солнце припекало так, что городок нефтяников Бугуруслан утопал в душистом запахе черемухи, сирени и акаций. На крутом берегу разлившейся реки Кинель у конторы Большекинельской нефтеразведочной экспедиции утром Первого мая собрались на демонстрацию работники со своими семьями. Среди общей массы празднично одетых демонстрантов выделялась большая группа – трудовая династия нефтяников Федотовых. У многих из них на груди блистали ордена и медали как за бой, так и за труд во время Великой Отечественной войны.

Матушка семейства – 46-летняя Дарья Алексеевна держала на руках двухлетнего сына Володьку, который ручонками перебирал медали на ее груди. Яркими солнечными бликами сияла самая высокая награда – Золотая Звезда «Мать-Героиня». Накануне, перед самым праздником, от имени Верховного Совета СССР награду вручили на торжественном собрании нефтеразведчиков. Награда вручалась только при условии, что в живых находились все десять детей, а младшему должен был исполниться год.

Семь дочерей и троих сыновей вырастили и воспитали Дарья Алексеевна и Алексей Кузьмич: Лидию (1923), Антонину (1926), Татьяну (1929), Зинаиду (1932), Майну (1934), Тамару (1938), Юлию (1940), Анатолия (1936), Виктора (1947) и Владимира (1949).

Отец – 49-летний Алексей Кузьмич, весь в орденах и медалях, держал на плечах меня, Виктора, и я откуда с любопытством взирал на происходящее вокруг. Рядом оглушающе гремели торжественные марши духового оркестра. Когда колонна с транспарантами, флагами и портретами правительства СССР тронулась к центру города, отец посадил меня на празднично украшенную красным кумачом машину и велел крепко держаться за цифру «1», сказав: «Будь всегда первым, сынок!» Мне было четыре с половиной года, и эти его слова, впоследствии напоминаемые сестрами и старшим братом, запомнились на всю жизнь.

В 1957 году, когда мне исполнилось десять лет, родители повезли нас с Володькой на поезде на свою родину в село Пешелань Арзамасского района Горьковской (Нижегородской) области. В родовом доме нас встретила многочисленная родня: три старшие сестры моего отца – Татьяна, Елизавета и Мария со своими детьми, моими двоюродными братьями и сестрами. Моя 94-летняя бабушка Прасковья Никитична (матушка моего отца) лежала на теплой русской печке и от радости прослезилась – наконец-то она увидела своих внуков, продолжающих родословную Федотовых.

Первым делом было посещение местной церкви и кладбища, где в 1942 году похоронили деда Кузьму. На крепком дубовом кресте запомнилась надпись: «Вечная память. Федотов Кузьма Иванович. 1860-1942 г.».

Его отец, а мой прадед Иван, как поведали мои тети, родился в 1820 году и скончался в возрасте семидесяти пяти лет в 1895 году. Иных сведений о моих предках выяснить не удалось. Прадед Иван батрачил у местного барина-помещика и с отменой крепостного права стал обживать собственностью, построив из сосновых бревен добротный дом-пятистенник. В этом-то доме мы разместились за большим столом и за разговорами и воспоминаниями провели долгожданную встречу. Бабушку Прасковью Никитичну сняли с печи, одели в новый, подаренный моим отцом цветной сарафан и усадили на скамью, обложив подушками. Такой она мне запомнилась, ибо проводив нас домой в Бугуруслан, в том же году осенью со спокойной душой ушла из жизни. После вкуснейшего с дороги деревенского домашнего обеда двоюродные братья показали нам с Володькой подворье и ближайшую околицу. Возвратясь к дому, мы увидели, как у кузницы, стоящей рядом, подковывали коня. Наш отец, вспомнив молодость, когда он был кузнецом-молотобойцем, прибил горячими гвоздями подкову к копыту привязанного в стойле коня. Кузнецы его работу оценили на «отлично». Кузницу у дома поставил дед Кузьма Иванович, который укрепил домашнее хозяйство, завел лошадей, коров, овец, гусей и кур и стал зажиточным крестьянином. На посевную, сенокосную и уборочную страду нанимал он двух работников. Мой отец рассказывал, что при выборе работников посадит дед за стол несколько человек и смотрит, как едят. Кто хорошо и много ел, того и нанимал.

Кузьма Иванович с Прасковьей воспитали пятерых детей: три дочери и два сына. Дочери выучились грамоте в церковно-приходской школе, мой отец закончил четыре класса той же школы, что считалось хорошим образованием, ну а старшего сына Ивана, названного в честь деда, отправили учиться в Санкт-Петербургский университет, где он обучался с 1910 по 1916 год и получил профессию горного инженера. Женившись в конце учебы на дворянке Елизавете, он сначала два года работал на Бакинских нефтепромыслах у Нобеля, затем в Краснодаре, а признав Советскую власть, продолжил работать управляющим Эмбинских нефтяных промыслов в Казахстане.

В 1936 году Ивана Кузьмича репрессировали, сослав в Сибирские ГУЛАГи, где он бесследно пропал – умер от тяжелой работы или расстреляли. Репрессировали его за отказ от предлагаемой работы руководителем нефтеразведки в Западной Сибири. В то время у него было двое малых деток, а жена Елизавета слаба была здоровьем и часто болела. Потеряв мужа, она вернулась с детьми в Ленинград, но не в свою благоустроенную квартиру, которую отобрали, а в маленькую комнату коммунальной квартиры на три семьи.

## ГЛАВА ВТОРАЯ

### Большая родня. Сёстры

Мой отец вырос в селе Пешелань, что рядом с первой в России железнодорожной веткой от Москвы до Нижнего Новгорода. Меня всегда завораживали магические цифры его рождения – 02.02.02 (2 февраля 1902 года). За хороший каллиграфический почерк его после окончания четырех классов в двенадцать лет оставили при церкви писарем. Также он на большие праздники пел в церковном хоре. Видно, с тех времен он приобщился к музыке и, обладая хорошим музыкальным слухом, самоучкой выучился игре на балалайке и мандолине, а после Отечественной войны и на привезенном из Германии трофейном аккордеоне «Gold». Подрастая, он не отставал от своего отца Кузьмича Ивановича в работе на подворье, косил и ворошил сено, кидая вилами в стога, а с пятнадцати лет уже работал молотобойцем в придомовой кузнице. С самого детства отец был приучен к работе с металлом.

После революции 1917 года в семнадцать лет отец посадил его на добротного коня и, перекрестив, отправил на гражданскую войну. Вместе с ивановскими ткачами в легендарной 25-ой дивизии Василия Ивановича Чапаева армии Фрунзе он прошел боевой путь от Самары до низовьев Урала. Это было мудрое решение деда Кузьмы, пославшего сына конармейцем в Красную Армию.

Кузницу и часть скота у деда экспроприировали, но в ссылку как зажиточного крестьянина не отправили. Когда в 1919 году штаб Армии Фрунзе находился в г. Бугуруслане, в соседнем селе Пилюгино произошел решающий бой с белогвардейцами, в котором дивизия Чапаева противостояла «психической» атаке отборных колчаковских царских офицеров. Отец всегда с большим вдохновением рассказывал нам, детям и внукам, об этой победе чапаевцев. Осенью 1919 года в низовьях Урала под Лбищенском в неожиданном ночном бою 25-я дивизия Чапаева понесла большие потери, Василий Иванович погиб, пытаясь переплыть Урал, а мой отец был ранен в руку. Вылечившись, он вернулся в родное село Пешелань и стал работать кузнецом.

В четырнадцать лет я вместе с классом участвовал в шестидневном походе по местам боевой славы дивизии Чапаева. В селе Пилюгино седовласый местный дед-кузнец рассказывал, как перед боем он подковывал коня Чапаеву. Причастность к этому для него была предметом гордости. Я с таким же чувством осознавал, что мой отец, Алексей Кузьмич, тоже причастен к этим великим историческим делам.

По возвращении из похода в Бугурусланском райкоме комсомола первый секретарь Станислав Ряхов, принимая в ряды ВЛКСМ, нацепил мне комсомольский значок, который красовался на груди рядом со значком «Турист СССР». Это были мои первые знаки, первые достижения и награды, своего рода. За время учебы в нефтяном техникуме к ним добавились знак ГТО и знаки II разрядов по легкой атлетике и лыжным гонкам.

Отец повелевал в торжественных случаях не стесняться своих заслуг и сам иногда надевал парадный костюм с множеством орденов и медалей. Он любил подтверждать свою просьбу-указ строчками из поэмы Твардовского «Василий Теркин»: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

Моему деду Кузьме Ивановичу пошел седьмой десяток лет, и все житейские заботы по дому и хозяйству взвалил на себя его сын Алексей. Две его старшие сестры Татьяна и Елизавета вышли замуж и отделились от дома. Сестра Мария жила в родительском доме, воспитывая маленького сына как мать-одиночка. Старший сын Иван Кузьмич, работая в Баку на нефтепромыслах Нобеля, финансово немного помогал родителям.

Летом 1922 года 20-летний Алексей, пропалывая большое картофельное поле, заметил на соседних межах молоденькую девушку. Закончив прополку, уже на закате солнца, они присели на краю поля перекусить. Слово за слово, и они познакомились. Дарья была из близлежащего села Князевка. Начало темнеть, и Алексей предложил Дарье проводить до села. Дарья согласилась, но только до околицы. Так они и встречались до осени на картофельном поле. Такое романтическое знакомство переросло во взаимную любовь, точно из некрасовской поэмы «Мороз, красный нос»: «...А Дарья картофель копала в соседних полос у реки». Так мой отец рассказывал нам о своем первом знакомстве с нашей матушкой. Зимой того же года после уборки урожая по первой пороше на тройке с бубенцами из церкви после венчания молодожены Алексей и Дарья лихо промчались по улицам Князевки и Пешелани и подкатили к родительскому дому. Там у них началась счастливая семейная жизнь, продлившаяся 56 лет. Династию Ивана Федотова, родившегося в 1820 году, продолжили их десять детей, множество внуков, правнуков и новых поколений. Самая младшая представительница династии Федотовых в восьмом поколении родилась в г. Бугуруслане 22 июня 2015 года, и назвали ее Евой.

## ЛИДИЯ.

Седьмого августа 1923 года родилась первая дочь – Лидия. Росла и воспитывалась она в основном под попечительством бабушки Прасковьи, которой в ту пору шел седьмой десяток. От домашнего хозяйства она была освобождена и всю душу вкладывала во внуков. Лидия росла бойкой, любознательной девочкой, вникая в учебу, чтение книг, оказание помощи в приготовлении пищи насущной. Крепкая телом, она работала на огороде, в поле на хлебах и сенокосе.

Когда в 1930 году родители переехали в Казахстан к старшему брату Ивану, Лида оставалась на попечении бабушки в Пешелани, и только в 1940 году присоединилась к своей семье в Бугуруслане, поступив учиться в медицинское училище. Во время Великой Отечественной войны, окончив училище, была медсестрой в прифронтовом военном госпитале.

При освобождении от фашистских захватчиков Украины вышла замуж за офицера, которого в госпитале лечила от многочисленных ран, спасая от неминуемой смерти. После войны они остались жить на Украине в г. Новый Буг Николаевской области. Всю жизнь до выхода на заслуженный отдых Лидия Алексеевна работала старшей медсестрой горбольницы, и еще много лет к ней домой приходили жители города на медицинские консультации и уколы. Она награждалась военными медалями: «За Победу над Германией», «За доблестный труд во время ВОВ», юбилейными медалями как участник войны. Всю жизнь Лидия сдавала кровь для раненых и больных, за что отмечена была двумя медалями «Заслуженный донор СССР». Спасать жизнь десяткам людей – это её и профессиональное, и жизненное правило.

Когда Украина входила в состав СССР, многие наши родственники приезжали к ней в гости, и она с большим добродушием согревала нас, обеспечивая по путевкам отдых на море в здравницах Одессы. На юбилей родителей она приезжала в Бугуруслан, одаривая своим вниманием не только их, но и многочисленных сестер и братьев. У нее не было своих детей ни с первым мужем, который из-за ран рано ушел из жизни, ни со вторым – Иваном, с которым прожили более тридцати лет. Детей любила и многочисленным своим племянникам всегда привозила с Украины чемодан душистых яблок и сумку грецких орехов.

В 2010 году в возрасте 87 лет она скончалась. Об этом нашей династии никто не сообщил сразу, и по сей день никто не знает, где ее могилка, но добрая память о ней, самой старшей сестре, живет в наших сердцах, а на встречах родственников первым делом вспоминаем и рассказываем младшим о ее жизни в то нелегкое время.

## АНТОНИНА.

Вторая дочь – Антонина родилась через три года после Лидии, 19 ноября 1926 года.

Отец в то время работал в строительной артели плотником. Строили дома в Пешелани и Арзамасе. Ему доверяли самые ответственные плотницкие отделочные работы, кроме этого он выполнял заказы по изготовлению мебели. За всю свою жизнь отец не купил ничего из домашней мебели, считался отличным краснодеревщиком и красиво делал и вырезал шкафы, комоды, тумбочки, стулья и табуретки.

Тоню воспитывали не только мать, но и тётки – Татьяна и Елизавета. Они привили ей тактичность и вежливость в общении, красиво и чисто одеваться, готовить пищу. После окончания семилетней школы она, уже на новом месте жительства семьи в г. Бугуруслане Чкаловской (позднее Оренбургской) области, поступает в соседнем городе Бузулуке в педагогическое училище на дошкольное отделение.

Работая воспитателем детского сада в селе Ракитянка Медногорского района, Антонина знакомится с моряком-балтийцем, прибывшим на побывку. Михаил Рыбаков – фронтовик, воевал на Балтике рулевым торпедного катера, имел боевые награды. После его демобилизации из Кронштадта они поженились и стали жить и работать в Прокопьевске, Михаил – шахтёром, а Тоня – в детсаду. Весной 1951 года, в марте у них родился первенец Юрий, а после переезда в 1957 году в Бугуруслан дочь Людмила.

Антонина Алексеевна работала сначала воспитателем, а затем заведующей детским садом, куда ходили дети нефтяников. Так как в городе преобладали нефтяные специальности, Михаил Алексеевич Рыбаков после окончания курсов работал помощником бурильщика, а затем бурильщиком в бригаде знатного бурового мастера, Героя Социалистического Труда Сакадина Алексея Никитовича. Михаил – передовой бурильщик бригады, награждён орденом «Трудового Красного Знамени», медалями и знаками отличия. Антонина за длительное время работы награждена медалями «За трудовую доблесть» и «Ветеран труда». Михаил Алексеевич после тяжелой болезни (шахтерский силикоз легких) скончался, не доработав одного года до пенсии, в 1979 году, так и не дождавшись Олимпийских Игр 1980 года в Москве, где планировал побывать вместе с автором.

Антонина Алексеевна, моя старшая сестра, прожила долгую счастливую жизнь в семье дочери Людмилы, воспитывая по традиции внуков Вадима и Анну. В последний путь я проводил её в Оренбурге: 26 июля 2014 года в возрасте 88 лет она скончалась.

Дочь ее Людмила Михайловна после окончания Оренбургского педагогического университета работает преподавателем истории в старших классах, имея награды «Ветеран труда», «Отличник народного образования». Ее дети – Вадим и Анна – достойные продолжатели нашей династии. Они приумножают ее традиции, получив высшее образование и работая программистом и маркетологом автосервиса. Людмила Михайловна ждёт и надеется ещё при жизни, как и её мать, помянуться с внуками.

Династия на этой ветви дерева продолжается, чего не скажешь про соседнюю родовую ветвь брата Людмилы Юрия Михайловича Рыбакова.

После окончания с золотой медалью школы и красным дипломом Куйбышевского политехнического института Юрий работал на военном заводе в Челябинске, затем в более экологически чистой Самаре. Жил с семьей на берегу Волги. Его жена Ольга после тяжелой болезни рано ушла из жизни, а дочь Александра после окончания Самарского педагогического университета, не работая, ушла из семьи под влияние молодежной секты, перестала общаться с родней, но по завещанию отца приняла семейные ценности. Под тяжелым прессом этих трагических событий Юрий Михайлович, один из достойнейших членов нашей династии, ушел из жизни в результате инфаркта в возрасте 65 лет в октябре 2016 года.

## ТАТЬЯНА.

Мои родители – Дарья Алексеевна и Алексей Кузьмич, ожидая третьим сына, обрели опять дочь – Татьяну, родившуюся в Пешелани 26 января 1929 года.

Отец, предпочитая работать с металлом и механизмами, а не с деревом, устроился на картофелетерочный завод помощником мастера по ремонту оборудования. Матери оставалось рожать и воспитывать дочерей и вести домашнее хозяйство – тяжелейший труд в то голодное время распада сельского хозяйства и раскулачивания. Семья Федотовых, оставив старшую дочь Лидию на попечении бабушки Прасковьи, вынуждена была в 1930 году переехать к старшему брату Ивану Кузьмичу в Казахстан. Он в то время работал начальником участка по добыче нефти в городе Темир на Эмбинском месторождении нефти.

Мой отец вначале работал слесарем, а затем машинистом, а с 1934 года старшим механиком нефтепромысла Шубар-Кудук треста «Актюбнефть», управляющим которого был его брат Иван Кузьмич.

Когда третьей дочери Татьяне исполнилось два с половиной года, мать Дарья Алексеевна впервые в жизни пошла работать на нефтепромысел помощником кочегара. Не проработав и года, 15 августа 1932 года она родила четвертую дочь – Зину, а следом и пятую – Маину, названную по дате рождения – 1 мая 1934 года.

Татьяна, начав учиться, уже в семилетнем возрасте помогала матери по домашнему хозяйству. С детства приученная к труду, она и с возрастом всегда была передовой в работе. После окончания школы, когда закончилась война, она уже в Бугуруслане, куда большая семья Федотовых переехала перед войной, начала работать посудомойкой в ресторане, позже официанткой. Видную шуструю девушку заметил пришедший с войны Василий Илларионович Бавенков. Он был на десяток лет старше Татьяны, но это не помешало им создать дружную семью. Прошедший всю войну, он подвозил водителем «полуторки» снаряды артиллеристам на передовую, был тяжело ранен в грудь, но снова вернулся на фронт. В Бугуруслане после войны он работал водителем грузовой автомашины, развозя запасные части и оборудование по буровым и нефтепромыслам, затем по состоянию ухудшевшегося здоровья – слесарем по ремонту радиаторов машин.

В ноябре 1948 года у Татьяны с Василием родился сын Михаил. Кормя своего малыша грудным молоком, Татьяна подкармливала и моего младшего брата Володю, которого наша матушка Дарья Алексеевна в возрасте 44 лет родила 19 марта 1949 года. В жизни получилось так, что дочь родила сына раньше, чем ее мать родила своего последнего сына, то есть племянник был старше своего дяди, и росли мы, три погодка, вместе до 18 лет. Наши пути

потом разошлись: Владимир и Михаил были призваны в армию, а я после окончания нефтяного техникума уехал жить и работать в Западную Сибирь – в Тюменскую область.

Мой племянник Михаил служил в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ) танкистом и в 1968 году участвовал в подавлении противоправительственного мятежа в Чехословакии. После службы в Армии учился в ремесленном училище, работал вышкомонтажником сначала на Бугурусланском нефтепромысле, затем 25 лет в городе Нефтеюганске Тюменской области. Работая бригадиром монтажников в объединении «Нефтеюганскнефтегаз», руководимом известными своими «делами» Михаилом Ходорковским, пользовался почетом и уважением, награждался медалями за труд в полевых условиях. Своих детей в его семье не было, но он удочерил дочку супруги. Работая в тяжелейших северных условиях на продуваемом ветрами высотном монтаже, застудил легкие и после болезни туберкулезом скончался в возрасте 51 года.

Родители его – Татьяна Алексеевна и Василий Илларионович – не остались одни, у них еще в 1952 году (21 июня) родилась дочь Любовь. У нее, как и у брата Михаила, жизненная судьба была не из легких. После окончания школы она уехала в Тольятти, работала сборщицей на Волжском автогиганте, вышла замуж за работающего сварщиком по комсомольскому призыву после армии украинца Аурела Чипишко. По-русски все его звали Сергеем. В 19 лет, рано родив дочь Светлану, они переехали жить на родину Аурела – западную Украину – сначала у его родителей на хуторе близ границы с Румынией, а затем в областной центр – г. Черновцы. Люба работала швейей на трикотажной фабрике, Аурел по армейской специальности прапорщиком в авиационной части. 19 ноября 1977 года у них родился сын Геннадий. В 1979 году, отдыхая в отпуске в Карпатах, я несколько дней гостил у них в Черновцах, помог им материально приобрести тяжелый мотоцикл с люлькой «Урал». Они сводили меня на концерт тогда еще молодых сестёр Ротару. Съездил с ними на новом мотоцикле к его родителям на хутор. Жили они на хуторе богато – свои полевые уголья, коровы, лошадь с повозкой, отара овец, пруд с рыбой... Но, как крепкие «западенцы», приняли меня с Любой настороженно, можно даже сказать, недоброжелательно. Приехав к обеду, вечером уехали восвояси несолоно хлебавши. Вскоре Люба с двумя детьми без мужа вернулась в Бугуруслан. Она одна воспитывала своих детей, дважды пытаясь обзавестись мужем – отцом чужих детей. По наследству от скончавшейся в 2003 году матери Татьяны Алексеевны Люба получила маленькую квартиру. Достраивая и переделывая её на более благоустроенную, Люба надорвалась физически тяжелой работой и скоропостижно скончалась в возрасте 56 лет в 2008 году. Татьяна Алексеевна, ее мать, ушла из жизни пятью годами раньше – 18 июня 2003 года в возрасте 74 лет, пережив мужа Василия на четверть века.

До последних лет она, как и моя матушка, была набожна, свято верила в Бога и регулярно ходила в церковь и на могилки помолиться.

Татьяна Алексеевна, обладая до преклонных лет феноменальной памятью, много рассказывала мне о нашей династии. Работая диспетчером в автотранспортном предприятии нефтяников, она четко выполняла свою работу, зная наизусть номера трехсот машин, фамилии и имена водителей, их ежедневный маршрут следования и загрузку. После нее три диспетчера смогли выполнять такую работу. На застольях и встречах родственников нашей большой династии она, отплясывая кадрили, могла безостановочно припевать частушки на злободневные темы. Хотя и рано ушли из жизни ее дети, но ее родословная ветвь только расцветает внуками Светланой и Геннадием, правнуками Игорем и Алексеем, праправнучкой Евой, родившейся у Игоря с Анастасией 22 июня 2015 г. Если говорить о нашей трудовой династии нефтяников, то Игорь, которому 30 лет, работает бурильщиком в пятом поколении. Все они помнят и приумножают как родовые, так и рабочие традиции династии Федотовых.

### ЗИНАИДА.

Четвертая дочь моих родителей Зинаида родилась в городе Темир Актюбинской области Казахстана. В школу пошла в 1940 году в Бугуруслане и после семилетки поступила в медицинское училище. Всю жизнь она проработала воспитателем на одном месте – в детсаде-яслях для малолетних детей с круглосуточным содержанием. Родители этих детей работали в нефтяной промышленности посменно, в том числе и в ночное время, так как бурение скважин и добыча нефти – это непрерывный процесс. В молодости Зинаида фанатично увлекалась чтением литературных произведений, особенно зарубежных романов. Приобрести их в то время было очень сложно, да и финансовые возможности не позволяли иметь собственную библиотеку. Вот она и ходила в свободное от учебы время в городскую библиотеку имени А.С. Пушкина. Там она познакомилась со своим будущим мужем – Геннадием Репиным, студентом первого набора Бугурусланского нефтяного техникума. Я в это время, рано выучившись с помощью сестёр и старшего брата чтению, тоже ходил в дошкольную библиотеку. Проходя по улице Московской мимо взрослой библиотеки, я останавливался у ее больших окон и зачарованно с интересом смотрел, как Зина с Генной сидели за столом, покрытом зеленым сукном и освещенным зеленым абажуром лампы и читали одну на двоих книгу, перелистывая страницы. Только в 16 лет, получив паспорт, я смог входить через порог этого старинного здания – особняка-дома купца Сергея Фадеева. Сейчас в этом доме располагается школа искусств. Сразу после окончания учебы Зинаида и Геннадий поженились, и 30 июня 1952 года у них родилась дочь Татьяна. Геннадий начал работу вышкомонтажником, а вскоре и прорабом вышкомонтажной бригады, которая впервые в Бугуруслане по холмистой местности перетаскивала буровые вышки высотой 41 метр, стоя, не разбирая на части.

За это новшество Геннадий Алексеевич был удостоен ордена «Знак Почета». Длительное время он работал начальником вышкомонтажной конторы НГДУ «Бугурусланнефть», а перед выходом на заслуженный отдых – начальником центральной базы производственного обслуживания (ЦБПО). В состав центральной базы входил завод по капитальному ремонту привода буровых установок – 500-сильных польских дизелей «VOLA-H». Со всех нефтяных регионов СССР туда привозили на ремонт силовые агрегаты, в том числе и из нашего Сургутского ордена «Дружбы народов» объединения «Обьнефтегазгеология», где я работал. Это производство (ЦБПО) является гордостью нашей династии: на нем работало не одно поколение.

Маленькая Танюшка росла по-мальчишески шустрой девочкой. Когда ее мать работала в ночное время, а отец частенько бывал в полевых командировках, Танюшку приводили и оставляли у бабушки Дарьи, но так как она еще работала кочегаром (тоже по сменам), то ей занимались мои сестры, да и я частенько был на «страже», хотя мне было 6-8 лет. Зимой на санках, а летом на колёсной тележке, вечерами, уже по темноте, отвозил её домой к родителям. Они снимали комнату в частном доме в верхней части города, и мне приходилось полтора километра в гору по улице Колхозной (Бамбурова – в честь героя войны) тянуть санки с Танюшкой. Зато вниз вихрем летели всего несколько минут. Повзрослев до 14 лет, в награду за поступление в нефтяной техникум, мы с ней две недели самостоятельно без сопровождения взрослых ездили на поезде в Москву к старшему брату – студенту последнего курса института. Ввиду занятости он только один день уделил нам, показывая центр Москвы, а остальное время мы с Танюшкой по туристической карте осматривали исторические достопримечательности. Мой навык туриста вполне пригодился.

После окончания школы Татьяна работала лаборантом-коллектором на буровых в бригадах мастеров – Героев Социалистического Труда Сакадина Алексея Никитовича и Авдошина Алексея Григорьевича. На буровой Татьяна встретила своего будущего мужа – выпускника нефтяного техникума, бурильщика Владимира Кулакова, ставшего впоследствии знатным буровым мастером-орденоносцем. Они вместе воспитали и дали высшее образование по нефтяным специальностям трём детям: Константину (10.04.1972 г.), Евгению (17.09.1974 г.) и Ольге (15.08.1982 г.). Татьяна Геннадиевна после техникума работала экономистом в жилищно-коммунальной конторе НГДУ «Бугурусланнефть», растила детей, а выйдя на заслуженный отдых, занималась воспитанием многочисленных внуков.

Её дочь Ольга после окончания нефтяного техникума и Куйбышевского политехнического института трудилась инженером-экономистом, начальником планового отдела НГДУ «Бугурусланнефть», а с 2015 года главным специалистом департамента экономики отдела добычи и геологии в московском офисе нефтяной компании ОАО «Славнефть-Мегионнефтегаз». Она с мужем, тоже нефтяником, воспитывает двух детей: старшую Татьяну (08.06.2001 г. рождения, названную в честь бабушки) и младшего Дмитрия (30.03.2018 г.р.).

Старшие два сына Татьяны Геннадиевны – Константин и Евгений тоже пошли по стопам своих отцов, дедов и прадедов и достойно приумножают традиции нефтяной династии, особенно в бурении скважин, о чем стоит сказать отдельно.

Росли, учились и работали они погодками с разницей в возрасте два года. Учась в школе и Бугурусланском нефтяном техникуме, занимались спортом – оба играли в футбол за сборную города в команде «Нефтяник». Не единожды становились чемпионами Оренбургской области. Не чурались работы на дачных участках матери и бабушки и по семейным традициям затем построили свои загородные дома – дачи. Работать на производстве начали рано, еще обучаясь в техникуме, Евгений – лаборантом-коллектором на буровых, а Константин – помощником бурильщика. После окончания Куйбышевского политехнического института быстро росли по карьерной лестнице горного инженера-буровика. Евгений работал бурильщиком капитального ремонта скважин (КРС), мастером, главным инженером, начальником участка бурения в объединении «Оренбургнефтегаз». Последние годы и по настоящее время (2021 г.) он – коммерческий директор и руководитель проекта в г. Бузулуке от ООО «Татбурнефть». Как и его родители, следуя традиции династии, воспитывает троих детей (Александр – 2001 г.р., Виктория – 1997 г.р. и Светлана – 2008 г.р.). Супруга Ирина после колледжа работает в банке.

Константин – весь в отца, солидный, настоящий и целеустремленный мужчина. Если поставит себе задачу, будь то житейскую или рабочую, обязательно достигнет поставленной цели. Работая буровым мастером, он встретил также на скважине свою суженую – молодого специалиста после кулинарного техникума – повара буровой бригады. Поженившись, они почти десять лет, отдаваясь тяжелой в полевых условиях работе, не могли иметь детей. Долгожданная дочь Анастасия появилась на свет 18 июля 2005 года. Началась самая счастливая пора их жизни. Работая на высокой должности директора департамента по производству, он построил в г. Бузулуке коттедж, и супруга Ирина, воспитывая дочь, обустроивала дом, создавая в нем уют и семейное счастье. Константин, еще учась в техникуме и институте, за первые годы после института наработал большой опыт практических навыков, став высококвалифицированным буровиком. Хотя в перечне кадровых специальностей нет номенклатуры буровика, но в нефтяной отрасли негласно принято отличного специалиста называть буровиком – это очень значимо и почетно.

В годы максимальной добычи нефти в Тюменской области (нефтяная провинция – третье Баку) – 365 млн тонн в год или 1 млн тонн в сутки (1985-1987 г.) местный поэт Иван Николюкин, прославляя нелегкий труд буровиков, написал стихи о них.

Вот они – герои наших встреч.  
Знают ли они об этом сами?  
Бросив рукавицы между свеч,  
Тянут свечи голыми руками.  
Стройные возводят фонари,  
А под ними скважины кустами.  
Люди, понимающие жизнь,  
Собственными, грубыми руками.  
Вот они, я всюду узнаю  
Их по смелой трудовой сноровке,  
По привычке жить в любом краю,  
По бывалым курткам и ветровкам.  
И я горд, что жизнь меня свела  
С ними на большие расстояния,  
В деле буровиками назвала,  
Самое большое выдав звание.

Пусть современная молодежь назовет их ура-патриотическими, но они полностью отражают действительность того времени – времени трудового порыва, комсомольско-молодёжных ударных строек, освоения необжитой земли, покорения болот и тайги. Участники негласного клуба «Буровик Сибири», в который принимали самых надёжных, удостоверение №1 символично вручили начальнику Главтюменьнефтегаза, Герою Социалистического Труда Муравленко Виктору Ивановичу, №2 – генеральному директору «Сургутнефтегаз», впоследствии Герою России Богданову Владимиру Леонидовичу, №3 – буровому мастеру, Герою Социалистического Труда, впервые в стране пробурившего 100 000 метров глубоких скважин на Самотлоре Лёвину Геннадия Михайловичу. Удостоверение «Буровик Сибири» за №4 вручили мне, как геологу-первооткрывателю Самотлора в 1965 году, главному инженеру Сургутской НГРЭ.

Такое удостоверение заслуженно могли бы вручить Кулакову Константину Владимировичу – директору департамента бурения ООО «Газпромнефть», с уверенностью присвоить ему звание буровика, ведущему буровые работы не только в России, но и во многих странах мира. А начинал он трудовую деятельность в 1990 году восемнадцатилетним пареньком помощником бурильщика 3 разряда, постепенно дойдя до 5 разряда, а с 1994 года бурильщиком 5 и 6 разрядов в Бугурусланском УБР. Затем прошел все ступени от бурового мастера, инженера, ведущего инженера до начальника ПТО ЗАО «Оренбургбурнефть». С 2002 по 2006 год он начальник отдела бурения, заместитель директора департамента, директор департамента по производству ЗАО «РЦСУ-ОНАКО», затем по 2014 год – директор департамента бурения, заместитель генерального директора ОАО «Оренбургнефть» по бурению.

В 2014 году семья переезжает в Санкт-Петербург, и Константин Владимирович назначается заместителем департамента бурения, а в 2017 году директором департамента бурения ООО «Газпромнефть».

Константин Владимирович в нашей иерархической династии нефтяников Федотовых находится на самой высокой ее ступеньке шестого поколения и продолжает работу под руководством Александра Дюкова в ООО «Газпромнефть» и Алексея Миллера в компании «Газпром».

У моей сестры Зинаиды второй родилась дочь Людмила (17 мая 1960 года). Учась в школе, она занималась музыкой и параллельно окончила музыкальную школу по классу фортепиано. После школы закончила Карагандинский индустриально-педагогический техникум и вернулась в Бугуруслан. Музыкально одаренную молодую девушку сразу приметил и оценил курсант Бугурусланского лётного училища Михаил Баранов. В 1984 году они поженились и уехали по направлению в город Киров. Михаил летал в малой авиации народного хозяйства, а Людмила работала в одной из воинских частей Министерства обороны главным специалистом, начальником службы учета фонда. Их отец – Геннадий Алексеевич на свадьбу подарил им новый автомобиль «Жигули», что было большим дефицитом того времени. 23 января 1985 года у Людмилы с Михаилом родилась дочь Наталья. Росла она привычная к строгой военной дисциплине и любви к авиации. После школы закончила Вятский государственный университет по специальности финансы и экономика. Наталью тянуло в авиацию. Она прошла конкурс стюардесс и стала летать на международных рейсах в Московском аэропорту Домодедово. Обзаведясь квартирой, вышла замуж и 18 апреля 2017 года родила сына Дамира, которого воспитывает вместе с бабушкой, возвратившись в Киров. Когда я еду на поезде в Санкт-Петербург или Москву, а это бывает почти ежегодно, то останавливаюсь на денёк у них в Кирове. Если нет такой возможности, то племянница Людмила приходит к проходящему поезду на вокзал, и мы говорим о делах и жизни в нашей большой династии.

Ветвь древа жизни Репиных (Федотовой Зинаиды Алексеевны) – Кулаковых-Барановых-Анфимовых – самая большая в нашей иерархии Федотовых. В ней по крови насчитывается семнадцать продолжателей династии.

В эту династию входит и третий сын моей сестры Зинаиды – Алексей (1.04.1962 г.р.), названный в честь деда. Алексей рос шустрым спортивным мальчишкой. Учась в нефтяном техникуме, он стал чемпионом Бугуруслана в спринте – беге на 100 и 200 метров и участвовал в областных спартакиадах по легкой атлетике.

После техникума он также по механической специальности закончил Уфимский нефтяной институт и более двадцати лет работал на Кунгурском машиностроительном заводе инженером-конструктором, начальником экспериментального цеха по разработке и промышленному производству большегрузных агрегатов по бурению и капитальному ремонту скважин. На шасси тяжелых автомобилей типа «Урал», «КамАЗ», «КрАЗ», «МАЗ» грузоподъемность выпускаемых подъемников достигала 100-120 тонн. Вся эта тяжелая техника работала во всех нефтегазоносных провинциях СССР, а затем и России, а также поставлялась за рубеж.

Алексей Геннадьевич Репин часто выезжал в командировки в разные нефтяные регионы. Основной полигон испытаний и эксплуатации этих машин был в Сургуте в объединениях «Сургутнефтегаз» и «Обьнефтегаз-геология». Я неоднократно встречался с племянником Алексеем как в Сургуте, так и на технических совещаниях в Кунгуре, давая в докладах отзывы о положительном опыте работ с этой техникой непосредственно в полевых условиях на буровых. В Кунгуре, бывая в командировках, я всегда останавливался у них дома, где они с женой и сыном Дániлом (31.10.1988 г.р.) всегда доброжелательно и с уважением относились к своему старшему дяде. Его супруга Виктория в молодости работала секретарем ВЛКСМ в горкоме, а затем командиром-воспитателем в женской колонии строгого режима в звании капитана. Твёрдая по характеру и решительная по жизни, она была милой и обаятельной в домашней обстановке. Жили они в очень благоустроенной квартире в доме, построенном немцами из ГДР в счёт поставляемых туда тяжелых автомобилей – подъёмников для бурения и ремонта нефтяных скважин. Сын Дániла после школы закончил Омское высшее училище милиции и работает в должности майора полиции в Пермском УВД. 12 ноября 2017 года у них с супругой родился сын, названный Ильёй, наверно, по имени знаменитого русского художника Ильи Репина (1844-1930 г.). Об этом факте из жизни нашей династии я вспомнил, будучи в «Пенатах» – доме-музее Ильи Репина в г. Сестрорецке под Санкт-Петербургом.

На традиционные встречи династии Федотовых в Бугуруслане раз в пять лет все Репины-Кулаковы-Анфимовы-Барановы дружно приезжают на автомобилях из своих «Пенат», отдают дань памяти предкам, возлагая цветы на могилки ушедших в мир иной представителей старшего поколения. В этот же день в кафе, рядом с родительским домом или на их любимой поляне в Аксаковской дубраве, встречается вся приезжая и местная родня, а это 60-70 близких людей. Вспоминается за рюмкой спиртного бывшее, обсуждается настоящее и поются любимые песни военных и послевоенных времён.

## МАИНА.

Пятой в семье Дарьи Алексеевны и Алексея Кузьмича родилась дочь Маина – как раз на праздник Первомая в 1934 году в с. Шубаркудук Актюбинской области Казахстана. Через село проходила железнодорожная ветка Оренбург-Гурьев, по которой в цистернах отправляли нефть в РСФСР с месторождений треста «Актюбнефть», где работали братья Федотовы: Иван – управляющим нефтепромысла в г. Темире и Алексей (мой отец) – старшим механиком нефтепромысла в Шубаркудуке.

Маина росла самостоятельной девочкой и под присмотром старших сестёр проявляла свою настойчивость и отстаивание детских забав и интересов. Мать Дарья Алексеевна, чтобы как-то сносно прокормить и одеть четырёх малых дочек (первая – Лида жила и воспитывалась у бабушки Прасковьи Никитичны в Пешелани Горьковской области), сразу после рождения Майи опять возвратилась работать кочегаром на промысловой котельной. Учиться в первый класс Майя пошла уже в г. Бугуруслане, не захотев закончить среднюю школу или одно из училищ (по примеру старших сестёр), опять-таки проявив свой жесткий характер, рано пошла работать учеником, а потом помощником кочегара котельной нефтепромысла №1, где работала наша матушка Дарья Алексеевна. Так всю жизнь до пенсии Маина работала кочегаром на нефтяных промыслах, в городе, в ЦБПО НГДУ «Бугурусланнефть». Работа в жарком цехе по сменам подорвало ее здоровье, и она рано ушла из жизни от инсульта (в 60 лет, 27 сентября 1994 г.). Маина прожила счастливую семейную жизнь и достойно пополнила нашу династию в генеалогическом древе жизни Федотовых.

В 1957 году с Валентином Николаевичем Хлебновым она создала семью, воспитав сына и дочь, множество внуков и правнуков. Валентин Николаевич пережил свою Майю на 26 лет, познав настоящую трогательную заботу дочери Натальи, внуков. При ничтожно малой зарплате кочегаров (как Майи, так и моей матушки) Валентин Николаевич в основном материально обеспечивал семью, работая в нефтяной промышленности трактористом, водителем спецавтомобилей, выезжал от семьи на заработки в г. Норильск и г. Сургут. В Сургуте я, в то время работая главным технологом объединения «Обьнефтегазгеология», помог ему трудоустроиться, да и жил он у нас дома.

В военное время он воспитывался в детдоме и при явно недостаточном и плохом питании болел язвой желудка. Согласившись на операцию в преклонные годы, он смог продолжить работать кочегаром в школьной котельной, а последние десять лет ухаживать за земельным участком в шесть соток. Активная жизнь и забота дочери Натальи с мужем Иваном, занятия с малолетними внуками Дарьей и Семёном позволили ему прожить до преклонных 87 лет.

Его дочь и моя племянница Наталья после школы закончила Бугурусланский нефтяной техникум, работала токарем-фрезеровщиком на местном заводе «Радиатор» (филиал Тольяттинского ВАЗа). После свадьбы с Иваном Макаровым – выпускником нефтяного техникума, бурильщиком УБР, инженером по отработке импортных буровых долот, у них родилась дочь Дарья (в честь бабушки и моей матушки Дарьи Алексеевны) – 9.10.1994 г., и сын Семён (15.09.2000 г. – одновременно в день рождения и нашей внучки Екатерины). Построив собственный дом, Иван с Натальей, ставшей успешной и заботливой домохозяйкой, воспитали своих детей в уважении к родным и старшим и дали им прекрасное образование и наставление на самостоятельную жизнь. Дарья закончила сначала Бузулукский финансовый колледж, заочно Московскую финансовую академию при Правительстве России, работает в Сбербанке, сначала в г. Бугуруслане, сейчас в г. Самаре. Семён закончил Бузулукский строительный колледж, с 2021 года начал работать бариста в кафе. Пока он не смог устроиться по специальности на достойную зарплату. Хочется верить, что по мере взросления и руководствуясь собственным желанием он сможет достойно продолжить традиции нашей большой и дружной династии.

Сын Маины и Валентина Александр родился первым в их семье – 30.04.1958 г. В то время они прожили один год в тесном двухкомнатном родительском доме на ул. Революционной, 74. Родители Дарья Алексеевна и Алексей Кузьмич оборудовали кухню под спальню, перенесли приготовление пищи в чулан (маленький уголок при входе для хранения старых вещей, продуктов и заготовок). Вместе с родителями в квартире жили пять их детей и семья Хлебновых.

Вспоминается, а мне тогда было одиннадцать лет, как маленький Сашка лежал в сваренной из металлических прутьев кроватке, ножки которой стояли в консервных банках с водой. Это для того, чтобы клопы не лезли в кроватку и не кусали младенческое тельце. Но утром все равно находили клопов в постели и следы их укусов. Как говорил мой отец, клопы ползли на потолок и оттуда падали на пахнущее грудным молоком тельце Сашки. Вскоре семья Хлебновых переехала в село Александровка Бузулукского района, где Валентин работал трактористом в сейсморазведочной партии от треста «Оренбургнефть». Когда Сашка подрос и наступила пора идти в школу, они вернулись в Бугуруслан, где и прожили всю оставшуюся жизнь. Саша закончил по семейной традиции нашей династии нефтяной техникум, работал дизелистом в буровой бригаде, а после службы в Армии – механиком по нефтяному оборудованию. После свадьбы с Людмилой, закончившей техникум профтехобразования, они переехали в Куйбышев, где Александр долгое время работал инженером по контрольно-измерительным приборам в трамвайно-троллейбусном парке. Выйдя на заслуженный отдых, продолжает работать в частном охранном предприятии.

У Александра с Людмилой родилась Наталья (22.05.1983 г.) и Валентин (6.02.1985 г.), названные по традиции в честь деда и сестры. Семейная жизнь далее у Александра и Людмилы не сложилась, детей и внуков воспитывают они, живя врозь.

У Валентина прекрасная супруга Оксана, живут и работают они в Домодедово под Москвой и растёт у них замечательная дочка Алёна – 2.06.2010 г. Когда я летал в Европу из Домодедово, Валентин, работая шофёром, обслуживал наш самолет, а после моего возвращения пригласил к ним домой.

Такие мимолетные встречи с дальними родственниками нашей династии бывали у меня частенько. После работы на Севере и выхода на отдых я начал путешествовать по России и Европе, выступая на международных соревнованиях по марафонскому бегу (42 км 195 м). Оксана и Валентин оказались обаятельной, красивой и счастливой парой, душевно встретили и проводили меня как дальнего старшего родственника. Я благодарен был им, и вообще у меня сложилось впечатление, что молодое поколение нашей 200-летней династии помнит и приумножает лучшие традиции: грамотны, трудолюбивы и вообще, как и должно быть, лучше нас, ветеранов.

У старшей дочери моего племянника Александра Хлебнова Натальи аж трое детей, что дорогого стоит, если помнить про десять детей их предков – Дарьи Алексеевны и Алексея Кузьмича. Это Виктория (11.07.2006 г.), Анна (25.10.2017 г.), Мария (14.09.2019 г.). Мария – самая младшая в нашем древе жизни. Наша династия с 1820 года только разрастается.

Дождались мои родители, и у них после пяти подряд девочек родился сын Анатолий (19.04.1936 г.), но так как эта глава моих воспоминаний о сестрах, то пропускаю его жизненный период и продолжу про сестёр, которых у меня семеро.

Погодками родились Тамара (19.03.1938 г.) и Юлия (18.04.1940 г.) всё там же – в Актюбинской области Казахстана.

Старшего брата моего отца Ивана в 1936 году подвергли репрессии и сослали в Сибирский ГУЛАГ за отказ от переезда из Казахстана в Западную Сибирь разведывать там нефтяные месторождения. Слабая здоровьем его жена Елизавета с двумя малыми детьми вернулась в Ленинград и смогла поселиться не в свою квартиру, а как жена репрессированного – в маленькую комнатку с кухней на три семьи. Иван Кузьмич «пропал без вести» (расстреляли или скончался), и мой отец, ощущая продолжение репрессии как на ближнего родственника «осужденного», с семьёю малыми детьми переехал в соседний с Казахстаном нефтяной регион Чкаловской (Оренбургской) области в г. Бугуруслан. Это был предвоенный 1940 год.

Несмотря на работу в нефтяной промышленности (лозунг того военного времени «Нефть для Победы»), имея восемь детей и бронь от призыва, он добровольцем уходит на войну, как и в молодые годы на Гражданскую войну.

Пройдя боевой путь от Москвы до Берлина он в звании старшины разведроты батальона связи с пятью орденами и множеством медалей возвратился живым, но с ранениями и контузией, домой в Бугуруслан. Матушка Дарья Алексеевна тяжелейшим трудом в голоде и холоде военных лет сохранила всех детей. Особенно беспокоилась она за маленьких: Тамару, Юлю и Анатолия.

### ТАМАРА.

Тамара, в противоположность спокойной Юли, росла живой, бойкой, по-мальчишески развитой и способной девочкой. Она сама мастерила кукол и шила им одежду, вырезала на ёлку к Новому году игрушки из бумаги, картона и, если найдется, из серебряных оберток конфет. К чаю матушка изредка подавала конфеты-подушечки, посыпанные сахаром. Повседневно же чай на лесных травах (душица, зверобой, чабрец), подслащенный тёртой морковкой. В школе Тамара хорошо училась, настойчиво занималась физкультурой и спортом. В гимнастике, на лыжах и коньках участвовала в соревнованиях. В беговых коньках – «норвежках» была одной из быстрееших в городе, занимала призовые места на стартах по ледовому 400-метровому льду катка на дистанциях 500 и 1000 метров. Учась на один класс старше Юли, она и закончила школу на год раньше и стала работать разливицей молока на местном молокозаводе, который находился в районе железнодорожного вокзала за четыре километра от дома. Однажды автобус с пассажирами перевернулся с крутой дамбы перед городским мостом через реку Кинель, но спортивно-сложенная Тамара сумела скоординироваться и, отделавшись царапинами, пришла домой вся в крови от раненых и погибших людей.

Дождавшись окончания школы Юлей, они вместе уехали из переполненного (после войны родились мы – еще два брата) и голодного родительского дома в Таджикистан искать лучшей доли, «в люди». В городе Комсомолобаде они закончили курсы преподавателей и в ауле стали учить таджикских ребятишек русскому языку и литературе. Повышая свою квалификацию, поступили затем в Душанбинский педагогический институт. Юлия закончила его, вышла замуж и переехала в Душанбе на долгие годы. За Тамарой приехал ее друг молодости Анатолий, отслуживший три года в Армии. После свадьбы они не остались в Таджикистане, а вернулись в Бугуруслан. Но в Душанбе они успели родить дочку Ирину (29.01.1965 г.), а институт Тамара так и не успела закончить. Ненадолго задержавшись в Бугуруслане, они из-за отсутствия жилья переехали в город Новый Узень Мангышлакской области Казахстана. Там стали разрабатывать новые нефтяные месторождения, молодой город, основанный в 1968 году, быстро разрастался, и им сразу дали благоустроенную квартиру. Анатолий Сергеевич Маслаков работал на нефтепромыслах экскаваторщиком, на автогрейдеру, а Тамара – на почте. В Новом Узене родилась вторая дочь Елена (24.10.1972 г.).

Погодные условия, особенно при работе на открытом воздухе, были ужасные: кругом пески, носимые ветром, изнуряющая жара летом и морозы зимой с пронизывающим влажным с незамерзающего Каспия ветром.

После смерти нашего батюшки (04.07.1978 г.) семья Маслаковых переезжает в Бугурусланский родительский дом и ухаживает за лежащей после второго инсульта матушкой – Дарьей Алексеевной. Алексей Кузьмич, достойно прожив 76 лет, с палочкой самостоятельно ушел в больницу и через четыре дня спокойно скончался. Через три года (24.07.1981 г.) Дарья Алексеевна ушла за ним в мир иной. Добрая и вечная память им от многочисленной династии Федотовых.

Всего три семьи было в истории города Бугуруслана, где матерей награждали Золотой звездой «Мать-Героиня», ведь в «Положении о Почетном звании» записано, что все десять детей должны быть живы, а последнему должен исполниться год.

Тамара последние годы работала в нефтяном техникуме лаборантом-инструктором по выдаче инструментов студентам при прохождении производственной практики. После короткой тяжелой болезни (рак) она в 54 года ушла из жизни (28.12.1992 г.).

Муж Анатолий Сергеевич пережил Тамару на 26 лет и ушел из жизни в 78 лет. Всю жизнь он трудился, имея награды, в нефтяной промышленности. В общей сложности члены нашей трудовой династии нефтяников проработали более тысячи лет, и многие продолжают работать в нефтегазовой отрасли России.

Дочь Маслаковых Ирина закончила в Бугуруслане медицинское училище, а потом заочно и нефтяной техникум. Работала бухгалтером в «Агропромснабе», а выйдя замуж за нефтяника-автокрановщика Анатолия Локтева, родила двух девочек – Людмилу (4.07.1984 г.) и Евгению (5.06.1987 г.). После преждевременного скончания Анатолия Ирина со вторым мужем Эдуардом Копьевым создали с ним ИП по продаже запчастей к автомобилям и продолжают дружно жить и работать и по возможности заниматься внуками, а их трое.

Дочь Людмила, окончив два университета, работает педагогом с детьми с ограниченными способностями, вместе с мужем Андреем Устюшиным (водитель тяжелых спецмашин у нефтяников) растят двух прекрасных и подомашнему трудолюбивых дочерей – Валерию (17.03.2003 г.) и Эвелину (24.01.2012 г.).

Дочь Ирины Анатольевны Евгения после школы закончила Бугурусланский промышленный лицей, получила специальность продавца и работает в детском магазине. Вместе с мужем Владимиром из знаменитой династии нефтяников Травкиных они воспитывают сына Романа (3.09.2012 г.). Владимир Николаевич после Армии работал в полиции, а в настоящее время он старший прапорщик Российской Гвардии.

Сама Ирина Анатольевна с Эдуардом и ее дети Людмила и Евгения живут в отдельных квартирах пятиэтажного дома в микрорайоне нефтяников Бугуруслана. Это своего рода также традиция, ибо когда я рос и учился в Бугуруслане до 18 лет, мои три старших сестры с семьями также жили в одном, правда, двухэтажном доме по улице Пригородной, 4. Наш отец Алексей Кузьмич любил говаривать: в какой подъезд ни зайдешь (а их было три), поверни на первом этаже направо, и тебя с радостью встретят родные дочери. Антонина с семьей жила в квартире №4, Татьяна – в квартире №12, а Маина – в квартире №20.

После кончины Маслаковых – Тамары и Анатолия, в родительском доме живёт одна Елена. Она в молодости работала токарем-фрезеровщиком на заводе «Радиатор», затем на железной дороге проводником пассажирских вагонов, дежурной на автопереезде. Всегда жизнерадостная, приветливая и неунывающая по жизни, она в нелёгкие «тёмные» для России девяностые годы похоронила трагически убитых двух мужей, и жизнь как одинокой независимой женщины удовлетворяет ее полностью во всех отношениях. Приезжая почти ежегодно на автомобиле в Бугуруслан, я поселяюсь у нее – любимой племянницы, вместе в первый же день идем с цветами на могилки родных, затем она накрывает стол, поминаем по русскому обычаю ушедших в мир иной, не чокаясь рюмками. Рассказав о жизни многочисленных родных в Бугуруслане, утром она с богом провожает мой автомобиль, и я целый день кружу по Бугуруслану, навещая близких и друзей. В каждый приезд в родные «Пенаты», кто-то из новых жителей нашей династии появляется на свет. Жизнь продолжается!

## ЮЛИЯ.

Последняя и самая младшая из моих сестёр Юлия Алексеевна проживает с семьей в Тюмени: младшая из семи сестёр, но старше меня на семь лет. 18 апреля 2020 года отметили ее 80-летие. Она полна сил и жизненной энергии, воспитывает внуков. Правнуков пока нет, своих двух девочек Оксану и Татьяну она родила в возрасте за 40 лет, 20.02.1982 и 29.01.1983 г. Вся в житейских заботах Юлия полна решимости и оптимизма воспитывать и учить грамоте правнуков, ведь она по сути учительница с молодости.

С первым мужем Николаем, работавшим водителем, детей у них не было, но со вторым – Георгием Васильевичем Политаевым к их общей радости родились Оксана и Татьяна. Во время войны Георгий жил в оккупированной фашистами Белоруссии, и мальчишкой ему найденной в лесу гранатой оторвало кисть руки. Всю жизнь он был с протезом, действуя одной рукой, но это не помешало ему закончить в городе Могилёве строительный техникум. По направлению в Таджикистане он работал прорабом, ведущим инженером-куратором от Министерства сельского хозяйства в Душанбе.

После свадьбы через два года у них появилась первая радость – дочь Оксана, а через год еще одна дочь – Татьяна – это ли не счастье в такие годы!

В это время я почти каждую весну между Первомаем и Победой прилетал к ним в Душанбе погреться от северных морозов, поесть свежих ягод и овощей, набраться витамина D под ласковым солнцем и проверить здоровье. Целыми днями я ходил по горам, преодолевая высоты Памира, восхищаясь идиллией их жизни в теплом краю, как в раю. Дети ходили в садик, Юлия Алексеевна работала в школе, уча таджиков культуре русского языка и литературы по книгам детских писателей. Таджикский язык она знала досконально, общаясь с детьми как на русском, так и на их родном языке, языке философа и мыслителя Омара Хайяма, Рубаи которого она знала наизусть, посвящая меня мудрости жизни.

Начались известные события конца 80-х-начала 90-х годов по распаду Советского Союза. Георгий Васильевич скоропостижно скончался от рака, а Юлия, подхватив двух маленьких дочек, с двумя чемоданами, укрываясь от преследования русскоязычного населения, срочно уехала в Россию, бросив двухкомнатную квартиру с вещами. Через два года она одна, мытарясь на автобусе с таджиками-гастарбайтерами, приезжала в Душанбе, пыталась приватизировать и продать квартиру, в которой уже жили таджики, но все оказалось тщетно. Даже вещи и мебель, собранные в контейнер для отправки в Россию, сгорели целым составом на железнодорожной станции в Душанбе.

А в России, в городе Тюмени, их пристроил в своей однокомнатной квартире друг Георгия Васильевича – Сергей Макарович Мотовичёв. Инвалид по зрению, он с открытой русской душой отнесся к беженцам. Юлия стала работать преподавателем начальных классов, куда стали ходить и ее девочки. Статус и все льготы российского гражданина она получила только через пять лет. Вот такой тяжелый период своей жизни она прошла. Вскоре, единственный из ближних родственников, я присутствовал при их регистрации в загсе и скромной домашней свадьбе. Вместе они прожили, перейдя в двухкомнатную квартиру, 22 года, то есть в 2012 году Юля и ее дети проводили в последний путь отчима Сергея Макаровича. Оксана и Татьяна закончили школу, а потом заочно сельскохозяйственную академию.

У Оксаны с Евгением (соседским мальчишкой по двору) после свадьбы в 2002 году родились двое детей – Юля (18.03.2006 г.), опять же названа в честь бабушки, и с большим перерывом – Максим (6.04.2016 г.). Евгений Клецко служил в Армии, работал на заводе «Строймаш» и играл в футбол в чемпионате Тюменской области. Сейчас работает менеджером в мебельной фирме, получил второе образование по спортивной специальности и, вспомнив молодость, тренирует детишек футбольной команды, в которой состоит и его сын Максим.

Вообще можно сказать, что это счастливая спортивная семья. Дочь Юлия отлично учится и является членом городской юношеской команды волейболисток, дополнительно занимается журналистикой, имея собственные статьи в газетах. Кроме всего прочего, они по семейной традиции заядлые дачники и выращивают заготовки на всю зиму. Во всем этом я убеждаюсь лично, общаясь с ними проездом на автомашине через Тюмень из Сургута до моего дома в г. Оса Пермского края или на родину, в Бугуруслан.

Татьяна живет с матерью. В такие года Юле одной жить скучновато, вот и Татьяна скрашивает ее одиночество, хотя по любому семейному или праздничному торжеству часто находятся все вместе. Татьяна пока в поиске своей линии жизни – работала продавцом, менеджером, а после Академии – технологом на хлебопекарне, самозанятой по заказам. Видно к сорока годам, как и у её матери Юлии Алексеевны, по традиции сложится счастливая семейная жизнь. Ох уж эта современная молодежь, а ее в нашей династии достаточно много.

## ГЛАВА ТРЕТЬЯ Братья

### СТАРШИЙ БРАТ.

Долгожданным в большой семье Федотовых после пяти дочерей в Шубаркудуке родился сын Анатолий (19.04.1936 г.). Когда началась война и отец добровольцем ушел на фронт, матушка Дарья Алексеевна осталась с семьей детьми в г. Бугуруслане, куда они переехали годом раньше. Она продолжила работу кочегаром на нефтепромысле №1 «Бугурусланнефть», что в трех километрах от дома. Старшие дочери Татьяна и Зина присматривали за младшими Тamarой и Юлей, которым было четыре и два годика. Жили в двухкомнатной квартире барачного типа, и приходилось в те холодные зимы печь топить дровами, которых постоянно не хватало. Шестилетний Толя с восьмилетней сестрой Маиной на санках возили из леса опавшие ветки и хворост. На ночь печь закрывали заслонкой, и чтобы не угореть, не топили, и к утру в углах комнат стояла белая изморось. Пока все еще спали, матушка растапливала печь, варила картошку и кашу из пшёнки или овсянки, заваривала чай на лесных травах и уходила затемно на промысел кочегарить. Три старшие дочери Тоня, Таня и Зина, позавтракав, уходили в школу, а четверо малолеток еще долго спали, нежась под теплыми полушубками. Только к обеду комнаты прогревались и они выбирались из своих теплых «гнездышек». Анатолий с Майей надевали перешитые из спецовок фуфайки, подшитые валенки, укрывали малышкой и колобком выкатывались в большой двор, окруженный бараками. Зимой катались на санках с горок, играли в снежки и строили снежные крепости, а летом копались в маленьком огороде. Собак и кошек почти не было. Их вылавливали и съедали национальные жители татарской окраины города (башкиры и татары). Когда летом 1945 года отец после Победы вернулся с войны, они из барака переселились в рядом построенный из бруса более теплый деревянный дом на две семьи. В нем отопление было газовое и не было хлопот с дровами.

Когда Анатолий после семи классов поступил в нефтяной техникум, мне и младшему брату Володьке, рожденным сразу после войны, было соответственно три и один годик. В 1953 году Анатолий учился на последнем курсе техникума, Тамара и Юля учились в восьмом и седьмом классах, а Маина в девятнадцать лет работала помощником кочегара с матерью на нефтепромысле №1. Три сестры размещались в одной комнате, трое братьев – в другой, а родители – на кухне, откидывая на ночь от стены кровать-топчан. До школьного возраста мы с Володькой спали на одной кровати с панцирной сеткой. Рано утром просыпались от звона медного с серебром колокольчика, что висел в прихожей.

Это не современный электрический звонок, а настоящий колокольный звон, приводимый в действие с улицы посредством тонкого стального провода с деревянной ручкой на конце. Как неохота было вставать! До сих пор у меня неприязнь к утреннему будильнику или звонку, а с годами выработалась привычка просыпаться самому по запланированному с вечера времени. Звонил же в колокол утром, обычно в 7.30, друг и однокашник старшего брата, тоже Анатолий, живший ниже по улице. Брат вставал раньше, тихо собирался и уходил на учебу в техникум. Мы даже и не слышали, погруженные в крепкий утренний сон. И вот после звонка колокола мать открывала дверь, и из прихожей слышалась забавная игра слов. Друг спрашивал: «Толька ушел?» Мать отвечала: «Толька только ушел». Друг многозначительно смотрел на двух сестер и вопросительно восклицал: «Толька только-только ушел?» И тут две сестры Тамара и Юлия хором отвечали: «Толька! Толька только-только ушел», – и прыскали от смеха. Тут уже нам с Вовкой было не до сна, и мы тоже хохотали от души. Так повторялось каждое утро. Вечерами на городском катке, наблюдая, как Толька-друг водил за руку моих сестер по кругу, я понимал, что такое настоящая дружба. На последнем курсе техникума Анатолий был сильно загружен учебой. Его специализация «Машинное оборудование промыслов» требовало знаний техники и деталей нефтяных машин и агрегатов. Он мог ночами работать за кульманом – доской для черчения. Как говорил наш отец, имевший четырехклассное образование церковно-приходской школы: «Толька сильно охоч до знаний!»

Один раз мы с Вовкой получили от брата приличные подзатыльники за то, что положили жирные пирожки на газету, под которой лежал неоконченный чертеж. Мать жарила на сковороде ливерные пирожки, и мы, голодные, с пылу с жару не смогли удержать их в руках и уронили на чертежи. Подзатыльники – это еще ничего... Перед Новым 1954 годом, как всегда, ставили дома ёлку, приносимую из леса старшим братом. Игрушек было маловато, и мы сами вырезали ножницами из картона, клеили и разукрашивали всяких зверюшек. Брат, пришедший с последнего занятия из техникума, с радостью сообщил, что закончил учиться и вышел на дипломную практику. С размаху и с возгласом «Ух!» сел на кровать и тут же вскочил с ужасным воплем. В ягодице торчали ножницы, а по ноге сбегала струйка крови. Его, конечно, увезли на скорой помощи и вечером вернули перебинтованного, а нас с Вовкой отец отстегал ремнем и лишил новогоднего ужина и подарков.

Несмотря на такие козни, Анатолий всегда по-братски относился к нам – меньшим братьям и племянникам Мишке и Юре – детям старших сестер. Мишка по возрасту был между нами, а Юра – младше Володи на два года. Анатолий водил нас на реку Кинель, научил плавать, нырять и рыбачить. Иногда родители доверяли ему с нами ночёвку на реке у костра. Он нас научил нырять с обрывистых берегов вниз головой и доставать голыми руками раков из нор.

По пути на рыбалку за городом мы подходили к огороженной территории маслозавода и через дыру в заборе таскали из-под навеса круги колбы. Это спрессованные остатки – жмых, получаемый при изготовлении подсолнечного масла. Этими отходами кормили домашний скот (коров, лошадей, овец, свиней), а мы использовали как приманку при ловле рыбы. Правда, когда проголодаешься, отламывали от круга по кусочку и с удовольствием жевали. В те пятидесятые годы питались дома не сказать, что хорошо, но жить было можно. Картошки, квашеной капусты, соленых огурцов и грибов в подполе было в достатке на всю зиму. Все это заготавливалось летом-осенью и хранилось в больших столитровых дубовых кадушках в подполье, крышка которого была на кухне. А в голодные военные годы, как рассказывал брат, эта колба шла на питание не скоту, а людям, и они из нее, добавляя траву-лебеду, варили похлебку. Желудки многих, особенно детей, страдали от такой пищи. Не обошлось без этого и у Анатолия, что в итоге сказалось на здоровье, особенно в те годы, когда он работал в Среднем Приобье и питался в полевых условиях всухомятку или в столовой, то есть не пищей, приготовленной из натуральных продуктов в домашних условиях.

Классно, как механик, мастерил нам брат самокаты на подшипниковом ходу, научил нас самостоятельно их изготавливать. Вниз по Рабочей улице мы на них развивали такую скорость, что в вечернее время из-под колес с асфальта выбивали снопы искр. Конечно, и сами приходили домой ободранные до крови, но терпели и на следующий день опять мчались наперегонки.

В 1954 году Анатолий, окончив техникум с красным дипломом, уехал по направлению работать на нефтяной Сахалин в город Оха. Но получилось так, что я как бы по ступенькам шел вслед за старшим братом, а младший брат Владимир пытался от нас не отставать. Через три года, в 1957 году, Анатолий вернулся домой в Бугуруслан уже с женой Ларисой, работавшей на Сахалине медсестрой. Анатолий работал вначале мастером подземного ремонта скважин на самом дальнем нефтепромысле №3 в рабочем поселке Тарханы (деревня Рязановка), что в семидесяти километрах от Бугуруслана на восток. Работая потом заместителем начальника участка, он приезжал в Бугуруслан с отчетами в НГДУ на мотоцикле ИЖ-56, привезенном еще с Сахалина. Катал нас с Вовкой на этом мотоцикле с ветерком. Мы учились в то время в 4 и 2 классах. У отца был мотовелосипед, и он научил нас ездить на нем. Как-то в магазин для продажи завезли тяжелые мотоциклы с коляской «Урал» – мечту старшего брата. Отец вложил в магазин денежный залог и послал меня к Анатолию сообщить об этом. Мне было 12 лет, и я закончил пятый класс. Так вот, за 70 километров приезжаю на мотовелосипеде к брату, удивленному такой моей решительностью. Когда стемнело, мы пошли на реку Кинель на ночную рыбалку, но не с удочками, а с бреднем. Река в том месте была мелкая, с песчаными перекатами, и можно было перейти ее по грудь в воде.

При луне перекааты сверкали и блестели большими косяками мелкой рыбешки – плотвой. Каждым заходом бредня мы выбирали из реки по ведру плотвичек длиной 10-15 сантиметров. Сделав всего четыре захода (больше не могли унести), вернулись домой и сразу засолили свежую рыбу. Утром одно ведро Анатолий укрепил мне на багажник мотовелосипеда, и в его сопровождении на мотоцикле мы отправились в обратную дорогу. Посередине дороги у поселка железнодорожной станции Заглядино у меня на мотовелосипеде сгорело магнето, и брат на веревке буксировал меня за мотоциклом. От такой поездки я целую неделю не мог садиться на седло велосипеда, пока не прошла кровавая натертость на заднем месте. Мотоцикл с коляской в тот раз брат не купил, потому что поступил на учебу очно в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина (МИНХиГП), который был лучшим вузом в СССР по подготовке нефтяных кадров. Брат продал своего «ИЖака» и перед отъездом помог финансово нашему отцу купить новый мотороллер «Вятка», более приемлемый для человека пенсионного возраста. Позднее, в 1967 году, перед моим призывом в Армию, отец с моей помощью заменил ту старенькую «Вятку» на новую, на которой ездил до преклонных 75 лет. В 1961 году у Анатолия с Ларисой родился сын, названный опять же в честь деда Алексеем. Они снимали маленькую комнатку в Подмоскowie на станции Гривна, что у Подольска, и до института Анатолию приходилось полтора часа ехать на электричке.

В 1964 году по окончании института с красным дипломом Анатолий начал работать инженером-конструктором на Волгоградском заводе нефтяного оборудования «Баррикады». Через год он один без семьи на три года уехал в Сургутскую нефтеразведку, куда с завода «Баррикады» поставляли новые буровые установки БУ-75 и БУ-80. Там он стал работать механиком по испытанию и наладке этих установок. Я в то время после окончания нефтяного техникума работал на Самотлоре в Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Два раза кратковременно приезжал в Сургут на комсомольскую конференцию и спортивные соревнования, но встретиться с братом не удавалось. Анатолий находился то на буровой в тайге, то в командировке в Волгограде. Встреча наша произошла только перед Новым 1970 годом после моей службы в Армии. Демобилизовавшись из Баку в свой, уже ставший родным п. Мегион, я на несколько дней по пути останавливался в Волгограде и Бугуруслане. Анатолий снова вернулся на завод и работал ведущим конструктором в бюро знаменитого конструктора буровых установок Карапетяна. Он провел меня по цехам завода – громадной территории вдоль Волги, в которых изготавливали буровые установки и оборудование для всех нефтегазоносных провинций СССР и братских стран Европы.

В экспериментальном цехе, где работал брат, конструировали всё новое для бурения, в том числе буровую установку БУ-2500 БРД, оснащенную более приемлемым в северных условиях оборудованием. Конкретно Анатолий занимался разработкой, изготовлением и испытанием новых быстроходных буровых насосов – триплексов НБТ-600. Впоследствии эти установки с новой конструкцией насосов успешно прошли испытания в Среднем Приобье (Сургуте) и стали поступать в нефтеразведочные экспедиции серийно. Работают они и до сих пор. Меня приглашали остаться работать на заводе, но Север притягивал основательно: там ждали друзья и интересная перспективность в работе. После демобилизации я еще не снял военную форму, и перед отъездом мы с братом почтили память отца и всех родственников-фронтовиков на воинском мемориале Мамаев курган, где на вершине стоит восьмидесятиметровый памятник Родина-мать. Поклонились, вспомнив и нашу матушку – мать-героиню Дарью Алексеевну. Анатолий уже десять лет не был в Бугуруслане и внимательно слушал о жизни нашей большой родни. Семейная жизнь у Анатолия в Волгограде не сложилась, и он снова вернулся, уже на постоянное место работы, в Сургутскую НГРЭ механиком ремонтно-механического цеха. Слабое здоровье, больной желудок не позволяли ему работать в полевых условиях на буровой. В 1972 году командировка Анатолия в Тюмень совпала с датой нашей свадьбы с Ириной. Мы не ожидали такой встречи и были приятно удивлены и рады близкому человеку на нашем студенческом торжестве. На этот раз мы поговорили по душам, вспомнив детство и юность на родине. Я почти ежегодно бывал на родине в Бугуруслане, Анатолию же видно было стыдно показываться отцу с матерью после развода с Ларисой.

Наша следующая встреча состоялась через пять лет, когда я с семьей переехал в Сургут на постоянное место жительства. Домой к родителям он так и не приезжал более десяти лет. Будучи в Бугуруслане после окончания института вместе с женой и сыном Алёшкой я выслушал пожелания отца и матери увидеть старшего сына Анатолия пока живы. Пожелания эти не осуществились. Родителей я своих похоронил, когда им было по 76 лет – отца в 1978, мать – в 1981 году. В те 70-е годы мы – три брата и наш племянник Михаил Бавенков работали в Среднем Приобье. Из нашей трудовой династии нефтяников еще три семьи в разные годы работали на Тюменском севере, но вынуждены были вернуться на прежнее место жительства по состоянию здоровья или по семейным обстоятельствам, а некоторые просто не выдерживали напряженного темпа работы при отсутствии простейших бытовых услуг и культурного досуга. Вот и старшего своего брата Анатолия я, переехав в Сургут, разыскал в больнице.

Бывший его начальник – главный механик Сургутской НГРЭ Николай Егорович Перепелюк охарактеризовал Анатолия как технически грамотного, высокообразованного, безотказного во всех отношениях механика. Он, кроме основной работы, обучал рабочих в школе подготовки кадров, помогал заочникам техникумов и вузов по математике, черчению и сопромату. Николай Егорович сообщил мне, что Анатолий перешел работать в Трубопроводное управление при «Сургутгазпроме» и рекомендовал мне обратиться к повару столовой геологоразведки, которая готовила отдельно для Анатолия диетическое питание. Повар – молодая симпатичная и опрятно одетая женщина рассказала, как найти балок, в котором проживал Анатолий. Балок, как и множество разбросанных по окраинам Сургута подобных жилищ, не имел почтового адреса. Просто – «За Саймой у ручья». Походил я вокруг закрытого на маленький замок и занесенного снегом балка и хотел уже возвращаться, так как по виду в нем давно не жили. Тут меня окликнули из соседнего балка. Когда я подошел, то соседи определили меня похожим на Анатолия, а вдобавок я показал им оказавшееся в кармане свое удостоверение по технике безопасности. Они рассказали о брате и поведали, что он находится в больнице почти целый месяц. Скрытность своего неофициального проживания в таких условиях они объяснили частыми проверками и угрозами выселения со стороны городских властей и милиции, хотя паспортная прописка по общежитиям или у родственников и друзей у них имелась. В приемном покое городской больницы мою передачу продуктов наполовину отсортировали, так как брат лежал с язвой желудка, но встречу разрешили. После пяти лет разлуки по-братски обнялись, расцеловались, и я увидел в его глазах слезы – слезы радости и одновременно слезы какой-то тоски от длительного отсутствия рядом близкого человека, которому можно полностью довериться. Врачи порекомендовали переехать в места с более благоприятным мягким климатом, желательно в сельскую местность с натуральными продуктами питания. Да и сам он признался мне, что принял такое решение, хоть и горько было ему расставаться с севером. После выхода из больницы я помог ему собраться в дорогу. В балке сиротливо остался кульман с незаконченным чертежом. Анатолий заверил, что после окончательного выздоровления он еще вернется и закончит этот чертеж задуманного рацпредложения. Но судьба не позволила ему в третий раз вернуться в Сургут и осуществить свои мечты.

Анатолий продолжил работу в Газпроме, но в Челябинской области в поселке Арасланово Нязепетровского района. Там проходил знаменитый на весь мир газопровод «Дружба» – Уренгой-Помары-Ужгород, по которому наш тюменский газ почти даром шёл в дружеские соцстраны, а теперь в СНГ и далее на Запад. Анатолий с новой семьей завел в селе свое подворье, поправился на деревенском питании, развел ферму.

Работу механиком не бросил, а наоборот пошел на повышение и стал главным механиком компрессорной станции газопровода. Одновременно, получив допуск в Районо, преподавал в сельской средней школе физику и черчение. Показал он мне свое хозяйство и фермерское угодье во время нашей встречи, состоявшейся в 1990 году. Проездом в отпуск на своей машине я заехал в Арасланово и сообщил ему, что в августе на родине, в Бугуруслане соберутся все наши сестры и братья на юбилейную встречу. Тогда все десять детей наших родителей были живы и здоровы. Анатолий не был на родине около 30 лет и обещал к встрече подъехать. Фермерское хозяйство у него было большое: стада коров, овец, свиноводство, сенокосные поля, техника – трактор, сеялки, косилки и небольшая мастерская со сварочным аппаратом. Кроме этого, домашнее хозяйство с огородом, которое содержали его жена и приемная дочь. На ферме трудились несколько наемных работников. На встрече в родительском доме все были рады и довольны приездом на мотоцикле брата Анатолия с удочеренной 15-летней Надеждой.

Наконец-то после длительной разлуки вся династия – десять детей, но уже без родителей, смогла собраться вместе. Последний раз такое событие было в 1953 году – единственный раз все десятеро при живых матери и отце. Помянули родителей на могилках, фотографировались, и на их любимой лесной поляне в Аксаковской дубраве отдохнули и наговорились от души, вспоминая прожитые годы и исполняя любимые песни родителей. Перезнакомились с впервые увиденными внуками и правнуками и только что родившимся (29 июля 1990 г.) праправнуком Игорьком. На тот период нас было в живых 46 наследников династии Федотовых. Разъезжались с твердыми намерениями и обещаниями регулярно собираться в родительском доме, но жизненные трудности того «темного» для России времени распада отложили встречу аж до 2000-го года – года стыка тысячелетий, года миллениума. Трое не дождалось этой встречи, и первым из них 11.09.1992 года трагически в автокатастрофе погиб брат Анатолий. В последний путь в селе Арасланово его провожали четыре сестры – Антонина, Татьяна, Маина, Юлия и я. Тяжело было переносить утрату умершего в 56 лет полного сил и энергии родного брата, но род Анатолия Федотова продолжается от первого брака, хотя сведений от его супруги Ларисы добиться было очень тяжело, а впоследствии и невозможно. Моя старшая сестра Антонина некоторое время переписывалась с ней, проживавшей с новой семьей в г. Астрахани. У Анатолия от сына Алексея родились внуки Елена и Алексей, правнуки Лидия и Леонид. Внук Алексей Алексеевич, работая водителем-дальнобойщиком, не вернулся из очередного рейса из Прибалтики, расследование не завершилось успехом, и дело было закрыто. На этом и закончились все сведения о продолжении ветви древа жизни брата Анатолия из династии Федотовых.

## МЛАДШИЙ БРАТ.

Последним – десятым, в нашей семье родился мой младший брат Владимир (19 марта 1949 г.). 19 марта отмечали свой день рождения сразу трое: брат Володя, старшая сестра Тамара и сама наша матушка Дарья Алексеевна – однако, знаковая дата! Володя на два года моложе меня, разница небольшая. Детство, юность и учеба до 18 лет – все было вместе. Позднее мы часто встречались на родине в Бугуруслане, да и на севере, где мы работали. Августовский дефолт 1998 года парализовал поисковые работы геологов. В меньшей степени он коснулся нефтяников, добывающих нефть и газ, но объемы бурения скважин упали резко, и объединение «Самотлорнефтегаз», где Володя вахтовым методом работал, начало их сокращать. В центральных нефтяных регионах (Татарстан, Башкирия, Оренбургская и Куйбышевская области) создалось поистине бедственное положение. На нашей родине, в когда-то гремевшем нефтяном Бугуруслане, работы по специальности тоже не было. Имея немного заработанных на севере денег, Володя решил заняться предпринимательством – мелким бизнесом, торговлей «ширпотребом», как тогда называли. Приобрел подержанную иномарку и закупал в Самаре или в Москве мелким оптом товар – одежду. На городском рынке реализовывал его, арендуя место – холодную палатку. Супруга его – Нина, по специальности продавец, помогла становлению своего дела, и через год-два они стали получать небольшую прибыль. Жили они в частном доме и воспитывали дочь Марину (15.01.1974 г.р.). К тому времени она закончила музыкальное училище и преподавала в средней школе. В августовский дефолт многие мелкие предприниматели не выдержали конкуренции и обанкротились. Брат не успел переоформить лицензию и товар конфисковали. Самого Володю две недели держали под арестом, требуя выплаты штрафа. Вот он и приехал ко мне в Сургут, чтобы заработать на выплату штрафа, да заодно и на пенсию. Ему к тому времени исполнилось 49 лет, а пенсию как бурильщику, проработавшему в северных полевых условиях более 20 лет, можно оформить в пятьдесят. Приезд в Сургут для меня был неожиданным. Он и раньше частенько проездом бывал у нас, когда с 1974 года работал бурильщиком вахтовым методом на Самотлоре (в г. Нижневартовске), летая из Куйбышева. Более двадцати лет таким вахтовым методом осваивали Самотлор, доведя добычу нефти на нем до 150 млн. тонн в год (25 % добычи в СССР).

Приехал Володя ко мне в праздничные дни на 7 ноября, так что было о чем вспомнить нам и наговориться. Вспомнилось наше трудное послевоенное детство, заполненное невзгодами и редкими радостями.

Семья наша в начале пятидесятих годов прошлого столетия – мать, отец и шестеро детей жили на Рабочей улице, 4, возле рынка в двухкомнатной квартире деревянного щитового дома барачного типа. Четверо старших дочерей жили отдельно своими семьями. Возле дома небольшой палисад с кустами акаций, черёмухи и сирени. От входной двери – дорожка к холодному туалету, выложенная отработанными тормозными колодками с буровой лебёдки. По обеим сторонам дорожки клумбы цветов. К дому пристроена большая летняя веранда, служившая в теплое время года дополнительной жилплощадью, а зимой холодильником для продуктов и сухих трав для чая. Под кухней – подвал для хранения осенних заготовок: картофеля, капусты, моркови, свёклы, солёных огурцов, помидоров и грибов.

В большой комнате стояли две кровати, в центре – обеденный (и для уроков) стол огромных размеров на круглых резных ножках, вокруг которого располагались табуретки. Вдоль стен стояли комод для вещей, этажерка для книг и тетрадей, сундук, служивший жёстким диваном или лежанкой, тумбочка с радиоприёмником «Балтика». Сундук был постоянно на замке, и в нём хранились документы, праздничная (парадная одежда), сахар и конфеты – подушечки. У одной стены изразцовая печь с духовкой, которая топилась во время войны дровами и хворостом, а позднее подвели газ. Печь топилась со стороны кухни. Рядом с печью в комнате к стене прикреплен топчан, который на ночь откидывали от стены, и он служил для нас с Вовкой и двух сестёр-школьниц. Когда мы подросли до школьного возраста, то нас переселили на отдельную кровать. А до этого спали вчетвером все вместе на топчане, и места меньше занимали, и теплее было в зимнее время.

Когда сёстры Тамара и Юлия закончили десятилетку и уехали из дома в далекий Таджикистан учить русскому языку и литературе детишек, нас с Вовкой разместили по отдельным кроватям в разных углах, чтобы меньше шушукались перед сном. В маленькой комнате – мать с отцом. Комнатка настолько мала, что в ней помещались только кровать да рабочий стол отца с единственным стулом, за которым он ремонтировал часы, радиоприёмники и домашнюю утварь. Подоконник служил матери полочкой для зеркала и личных принадлежностей. Комнатка закрывалась на дверь, единственную в доме, кроме входной. Вся мебель в доме красиво изготавливалась из дерева отцом, даже металлические кровати с блестящими никелированными и витыми спинками тоже были сделаны отцом в механических мастерских, где он работал механиком по ремонту дизелей. На кроватях ватные матрасы и простыни из тёмного материала. Укрывались байковыми одеялами, а когда становилось холодно, сверху набрасывали фуфайки и тулуп из овчины.

Из веранды по прикладной лестнице-стремянке был ход на чердак. Там был разный старый хлам, и старшие сестры устраивали там домашний кукольный театр, куда нас затаскивали в качестве зрителей. Было очень интересно в детстве смотреть и слушать народные сказки и их собственные постановки. Завтракали на маленькой кухне по очереди – первыми отец с матерью, затем старший брат и сёстры. В последнюю очередь поднимали нас с Володькой с постели, усаживали за стол, а сами уходили: родители на работу, брат в техникум, сёстры в школу. Мы сами по себе завтракали, одевались и бегом на улицу во двор, где собиралась вся дворовая ребятня. Редко кто ходил в садик. Обедали и ужинали все вместе в большой комнате в одно и то же время. Родители не разрешали и сильно ругали за таскание еды со стола и приём её на ходу, особенно на улице. Отец любил излагать английского премьера Уинстона Черчилля: «Война – войной, а обед по расписанию в строго отведенное время», – и частенько напоминал его нам. А ещё из военных воспоминаний он рассказывал, что Иосиф Сталин поставлял к обеденному столу Черчилля осетровую чёрную икру, сосьвинскую селёдку в дубовых бочках и армянский коньяк, а взамен получал тушёнку в железных банках, обмундирование для солдат и вооружение.

А у нас на столе было всё, что Бог послал, говорила матушка: картошка, квашеная капуста, солёная килька – 1 кг за 10 копеек, чёрный хлеб да лук с чесноком. Всё это запивалось ядрёным квасом с репой. Раз в неделю мать готовила летом борщ, а зимой щи с косточкой (кость с мясом). Большого чугуна с борщом хватало на 2-3 дня, а мясо с кости отец сам срезал ножом и делил между нами по тарелкам. Сахар, конфеты и печенье были на столе два раза в месяц – с аванса и получки.

Ещё отец в такие дни покупал пол-литра водки и после работы выпивал с матерью в своей комнате. Эта военная привычка оставалась с отцом до последних дней его жизни, правда, выйдя на пенсию, снизил дозу до чекушки (250 мл). При детях отец не пил, но зато потом рассказывал нам забавные сказки и истории, а также, прослезясь, вспоминал о военных походах в период Гражданской войны в 25-ой дивизии Василия Ивановича Чапаева и в Отечественную войну в Бобруйской, ордена Красного Знамени, ордена Кутузова 2-ой степени 348 Гвардейской дивизии, в которой он прошёл боевой путь от Москвы до Берлина в звании старшины разведроты отдельного батальона связи. Пять орденов и множество медалей украшали грудь парадного костюма, который он редко надевал в торжественных случаях. Володька ни в какую не отставал от отца и даже плакал – требовал, чтобы он ещё рассказал про войну. Но отец заботливо укладывал нас в кровать, брал в руки трофейный аккордеон с перламутровыми клавишами и немецкими буквами «Goldon» и пел любимые песни.

Было очень жаль, что аккордеон продали, когда родители перестали работать и вышли на пенсию, которой не хватало нам на пропитание и одежду уже повзрослевшим школьникам. Но всё равно традиционно в такие веселые для нас дни, после получения пенсии, отец покупал заветную чекушку и вечером пел песни под русскую балалайку или мандолину. Володька, в отличие от меня, стал обладать музыкальным слухом и выучился игре на гитаре, пел под Высоцкого.

На своё 55-летие отец с матушкой возили нас с Володькой на родину предков, в село Пешелань. Впервые мы сели на поезд. При посадке в вагон, проходя мимо пыхтящего паровоза, отец строго сказал, чтобы мы никогда не переходили рельсы перед паровозом, иначе зарежет. Мы и в самом деле принимали за ножи блестящие никелированные штоки поршней, которые двигались туда-сюда в передней части паровоза.

Запомнилась родина родителей, дедов и прадедов большим деревенским домом с подворьем и скотом, кузница возле дома, раздольная разноцветьем околица и кладбище на ней, да ещё старая 94-летняя бабушка Прасковья Никитична, лежащая на русской печи. С годами память эта укрепилась.

В Бугуруслане, обучаясь в начальной школе № 4, которая находилась у церкви (сейчас там городской совет ветеранов войны и труда), утром, идя на занятия, мы с братом Вовкой проходили мимо кузницы и обязательно останавливались на несколько минут. Также заворуженно, как и в первый раз в Пешелани, смотрели на яркие полыхающие огнем угли, раздуваемые ручными мехами и слаженную работу кузнецов. Когда они подковывали коня, привязанного в стойлах, и забивали в копыта раскаленные докрасна гвозди, пахло палёным. Кони ржали от боли, и нам было очень жаль их. Конюшня стояла под горой, на вершине которой возвышалась башня – каланча с пожарным, который ходил по круговой площадке и, в случае появления дыма от горящего в городе дома, поднимал тревогу для выезда пожарной машины. В городе в основном были частные деревянные дома, а микрорайон пятиэтажек (Черёмушки) для нефтяников только начинал строиться. Наконец-то мы переселились из деревянного барака в капитальный кирпичный дом на углу Рабочей и Революционной улиц. Эти капитальные дома строились пленными немцами. Дома были с крепкими фундаментами и впоследствии на них надстраивались вторые этажи.

После войны пленные выехали на родину в Германию, но некоторые осели и обзавелись семьями. С их детьми мы с Володькой учились в школе, техникуме, были дворовыми друзьями. Немецкие девушки обучили нас танцам – вальсу и чарльстону. Вместе жили и были дружны, невзирая на принадлежность к другой нации. И сейчас вспоминаются друзья детства и юности – это Юрий Шмидт, Эмма Ненштель, Алекс и Анна Вебер, Нина Фольц, Гарик Онгемах и другие.

Самое долгожданное время для нас было – летние каникулы. Из пыльного и жаркого города мы с утра уходили на реку Кинель, которая полукругом огибала городские окраины. Брат Володя с детства пристрастился к рыбалке и не бросал своего увлечения до конца жизни. Сдавая старьёвщику металлолом и макулатуру, обменивал их на рыболовные снасти. Добрый в душе, он снабжал рыболовными снастями всю нашу дворовую команду.

Повзрослев до 12-14 лет, на рыбалку стали ездить подалее от города на велосипедах, а затем и на отцовском мотороллере. Привозили хороший улов не только для кота, но и к домашнему обеду для всей большой семьи.

Приезжая с северов домой в отпуск и не заставая Володю в городе, всегда находил его в излюбленном месте при впадении речушки Мочегай в Кинель. С дочкой Мариной (15.01.1974 г.р.), а через многие годы с внуками – Романом (29.10.1997 г.р.), Анастасией (27.10.2000 г.р.) – они на природе на своём любимом месте.

После скоропостижной смерти от инфаркта Владимира (6.07.2006 г.) родился еще один внук – Миша (16.03.2007 г.р.).

Володя, как и мы – два старших брата, закончил нефтяной техникум. Как и наш отец Алексей Кузьмич, Володя обладал практической, народной смекалкой. Как-то раз, возвращаясь вечером на мотороллере с рыбалки, у нас лопнула камера заднего колеса. Заклеить её не удалось. Тогда Володя предложил вместо камеры набить внутрь покрышки сена и это заднее колесо установить вперед, а переднее назад. Сам он сел на задний багажник, я за рулем, и мы, как циркачи, балансируя на заднем колесе, уже ночью доехали до дома. От отца получили похвалу за смекалку, что не «изжевали» и сохранили в рабочем состоянии покрышку колеса.

Зарплаты родителей еле-еле хватало на питание и простую одежонку для нас: вельветовую или байковую ковбойку, шаровары да кеды, зимой – ватную фуфайку, шапку из овчины, подшитые толстым брезентом валенки, да вязанные рукавицы. Носки и рукавички матушка вязала сама. Сама на ножной прялке или крутя в руках веретено из овечьей шерсти тянула нитки. Когда я пошёл в третий класс, а Володька в первый, нас определили на весь учебный год в интернат – лесную школу в соседнем городе Бузулуке. Интернат находился за городом в заповеднике – Бузулукском сосновом бору – красивейшем месте на берегу речки Боровки. Только там мы наедались до отвала и ощутили, что такое быть сытым и не просить у матушки горбушку хлеба с солью и подсолнечным маслом. Когда мы стали старше, нам с Вовкой давали на летний месяц путёвки в пионерский лагерь за десять километров от города Бугуруслана в деревне Карповка. После окончания техникума и службы в Армии Володя работал помощником бурильщика, бурильщиком в Бугурусланском УБР.

Бывая в отпуске в родном доме, я рассказывал о больших перспективах развивающегося Тюменского нефтяного региона, и Володя под впечатлением интересной, но трудной работы на севере, устроился в вахтовую буровую бригаду и стал летать из Куйбышева сначала в г. Нефтеюганск, а затем в г. Нижневартовск на Самотлорское нефтяное месторождение. В девяностых годах туда стали ездить на поезде и в долгую (двое суток) дорогу он брал из своей домашней библиотеки художественные книги.

Ещё в детстве мы с Вовкой любили сидеть в тёплом читальном зале библиотеки и читать редкие интересные книги, которые не давали на дом. Это и русские народные сказки, похождения Гулливера и барона Мюнхгаузена, сказки Андерсена и Гофмана, «Книгу джунглей» про мальчика Маугли английского писателя Киплинга. Став постарше, зачитывались приключениями Жюль Верна, Майн Рида, Стивенсона, Джека Лондона. Конечно, не обошли стороной и четырёхтомник Александра Дюма про мушкетеров Д'Артаньяна, Атоса, Портоса и Арамиса. Позже с паспортами ходили в городскую библиотеку, полнейшая тишина в которой настраивала на серьезное чтение и глубокие размышления. С годами приобретали классическую и зарубежную литературу для домашних библиотек, в которых собиралось свыше тысячи томов: Толстой, Некрасов, Гоголь, Чехов, Достоевский, Горький, Островский, Шолохов, Пушкин, Бунин, Блок, Есенин, Маяковский, а также Бальзак, Жорж Санд, Митчелл, Голсуорси... Да разве всех перечислишь!

Мой брат Володя часть характера – смелость, независимость, даже в какой-то степени горячность (от слова «гореть» – давать тепло своей души людям), – наверное, взял от своего кумира – тёзки Владимира Высоцкого. Он мог прыгнуть с Кинельского моста в воду ласточкой вниз головой с высоты пятиэтажного дома или идти по дремучему ночному лесу, напевая весёлую песенку Паганеля из фильма «Дети капитана Гранта».

Голос у Володи с небольшой хрипотцой, особенно, когда немного выпьет спиртного, похожий на голос Высоцкого. В его репертуаре были запрещённые тогда песни поэта, барда и артиста театра и кино. В семидесятые годы, бывая в отпуске на Чёрном море, я привозил брату из Одессы магнитофонные кассеты и самодельные диски на рентгеновской плёнке с записями песен Владимира Высоцкого, купленные на «чёрном» рынке – Привозе с рук.

Примечательный момент в моей жизни, связанный с Владимиром Высоцким, произошёл летом 1980 года в Москве. Будучи на XXII Олимпийских играх, 28 июля я ехал в метро к стадиону «Олимпийский», где проходили соревнования по боксу. При выходе из метро вместе с основным потоком людей направился по проспекту Мира, полагая, что все идут к стадиону. Однако скорбные лица, тихий разговор и чёрные платки на головах женщин насторожили меня спросить о случившемся. Я настолько был увлечен в эти дни Олимпиадой, на которую собирался в Москву целых четыре года, что не знал о кончине 25-го июля Владимира Высоцкого в 42 года.

Да об этом в те спортивные дни всего мира и не сообщалось о смерти ни по телевидению, ни по радио, ни в газетах. Москвичи же и редкие гости столицы шли прощаться с Владимиром Высоцким и хоронить его на Ваганьковском кладбище. На дневные соревнования по боксу я не пошёл, а двинулся в многолюдной очереди, прошёл в театре мимо гроба и положил три гвоздики. Вечерние соревнования по боксу я смотрел под впечатлением песни Высоцкого о поединке боксеров. Чтобы заснуть, выпил стакан водки и, засыпая, вспомнил своего брата Владимира.

Так прошёл тяжелый понедельник 28 июля 1980 года, после которого я не могу без горького осадка в душе переносить скорбные минуты прощания, особенно с близкими родственниками и друзьями.

В 1972 году Высоцкий написал стихотворение «Революция в Тюмени» за одну бессонную ночь, проведённую будучи у нефтяников и геологов в Тюмени, с которыми у поэта завязались добрые отношения. Оно не было известно широкой публике, не стало песней, но для сибиряков – первооткрывателей нефти – каждая его строка будто бы взята из их собственной биографии. И, может быть, в дань памяти Владимира Высоцкого и его тёзки – моего брата Владимира, уместно вспомнить именно эти стихи:

В нас вера есть, и не в одних богов!  
Нам нефть из недр не поднесут на блюде:  
Освобожденье от земных оков –  
Есть цель несоциальных революций.  
В болото входит бур, как в масло нож.  
Владыка тьмы, мы примем отречение!  
Земле мы кровь пускаем – ну и что ж, –  
А это ей приносит облегчение.  
Под визг лебёдок и под вой сирен  
Мы ждем – мы не созрели для оваций, –  
Но близок час великих перемен  
И революционных ситуаций!  
В борьбе у нас нет классовых врагов –  
Лишь гул подземных нефтяных течений, –  
Но есть сопротивление пластов,  
И есть, есть ломка старых представлений.  
Пока здесь вышки как бамбук росли,  
Мы вдруг познали истину простую:  
Что мы нашли не нефть – а соль земли,  
И раскусили эту соль земную.  
Болит кора Земли, и пульс возрос,  
Боль нестерпима, силы на исходе, –  
И нефть в утробе призывает – «SOS»,  
Вся исходя тоскою по свободе.

Мы разглядели, различили боль  
Сквозь меди блеск и через запах розы, -  
Ведь это не поваренная соль,  
А это человечьи пот и слезы.  
Пробились буры, бездну вскрыл алмаз –  
И нефть из скважин бьёт фонтаном мысли, -  
Становится энергиею масс –  
В прямом и тоже переносном смысле.  
Угар победы, пламя не утратить,  
И ритма не глуши, копытный дробот!  
Излишки нефти стравливали в Обь,  
Пока не проложили нефтепровод.  
Но что поделаться, если льёт из жерл  
Мощнее всех источников овечьих,  
И что за революция – без жертв,  
К тому же здесь ещё – без человечьих?  
Пусть скажут, что сужу я с кондачка,  
Но мысль меня такая поразила!  
Теория «великого скачка»  
В Тюмени подтвержденье получила.  
И пусть мои стихи верны на треть,  
Пусть уличён я в слабом разуменье,  
Но нефть – свободна – не могу не петь  
Про эту революцию в Тюмени!

Свыше 25 лет проработали в тяжелейших северных условиях мои братья Владимир и Анатолий и рано ушли из жизни, отдав все профессиональные знания, силы и собственное здоровье на благо процветания России, добывая «чёрное золото» Югры.

Супруга Владимира Нина прожила с ним восемнадцать счастливых лет, не смогла выдержать опустевший дом и, продав его, простилась в церкви с Бугурусланом, могилкой мужа, переехала жить к внуку в другой город Оренбуржья – Медногорск. Пятнадцать лет прошло с даты ухода из жизни брата Владимира, 29 лет – старшего брата Анатолия.

Но жизнь не останавливается. Пока бьются сердца у продолжающих династию родных, будет сохранена память об ушедших в мир иной. А продолжают династию в живых по состоянию на начало 2021 года шестьдесят один родственник генеалогического древа жизни рода Федотовых.

## ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

### Детство и юность

«Кому воды холодной – родниковой благородной! Кому воды холодной – родниковой благородной...» – кричали мы с племянником Мишкой на базаре и наливали из трехлитровых алюминиевых бидончиков в граненые стеклянные стаканы родниковую воду и брали за услугу одну копейку. Было это в жаркое августовское лето 1953 года на колхозном базаре районного городка Бугуруслана Чкаловской (Оренбургской) области. В воскресные дни из окрестных деревень, южных районов области и даже из Гурьевской области Казахстана везли на базар расхожие товары, домашнюю живность (телят, овец, свиней, индюков, гусей, уток, кур, кроликов...), овощи и фрукты. Все это привозилось на телегах, запряженных лошадьми. С телег и торговали. Большие арбы с арбузами и дынями из Казахстана запрягали верблюдами. Сотни покупателей и продавцов, а также мычащая, ржавшая, хрюкающая и блеющая масса животных, страдающих от полуденного зноя, поглощала невероятное количество воды. Особенно востребована была холодная родниковая вода. Базарный люд в основном деревенский, не признающий воду из-под крана или уличной колонки. Вот мы с Мишкой – шестилетние пацаны, бегали с бидончиками на родник за два километра от города. Три ходки за день делали – двенадцать километров бегом, причем половину с тремя литрами воды в каждой руке. Зато к вечеру по копейке за стакан набиралось полтора рубля. Все приносили домой матушке (бабушке) Дарье Алексеевне. Она отсчитывала нам сорок копеек на мороженое и кино, которые стоили по десять копеек, а на остальные копейки покупала хлеб, молоко и баранок с маком (сушек). Семья у нас была большая – десять детей, мать – героиня с «Золотой звездой» на груди. Зарплата же матушки, работающей кочегаром на нефтепромысле №1, всего 42 рубля, а отца-механика – 70 рублей. Одна льгота у матушки – не стоять в многочасовой очереди за хлебом и молоком, да бесплатный проезд поездом один раз в год, которым она не ездила, за исключением одного раза в жизни на свою родину в село Пешелань Арзамасского района Нижегородской (Горьковской) области. В настоящее время Герои получают ежемесячно пятьдесят тысяч рублей, кроме зарплаты или пенсии. Жили мы напротив базара, и вечером с его территории собирали в ведра навоз от животных и удобряли им землю на грядках небольшого огородика, на котором выращивали огурцы и помидоры, да зелень для салата.

Отец как инвалид войны, выйдя досрочно на пенсию, не бросил работать, а перешел на легкий труд мотористом дизельной электростанции в пионерском лагере, что в десяти километрах от города. Дизель был американский «Фордзон», снятый с колесного трактора, плоскоременной передачей крутил десятикиловатный генератор тока. Позднее установили дизель с советского гусеничного трактора ДТ-54 и генератор на 50 кВт. Электронасосом у родника качали воду в столовую и душевую для пионеров.

Нам с Мишкой и подростшему моему брату Володьке такие расстояния (10 км) были не страшны, и мы бегали к отцу (деду) Алексею Кузьмичу в лагерь. Там он нас кормил обедом из трех блюд, принесенных из столовой в трех маленьких кастрюльках, установленных друг на друга и скрепленных общей ручкой. Мы иногда оставались ночевать у него в построенной из бревен избушке, которая стояла в высоченном сосновом бору в двухстах метрах от электростанции. На ночь электростанцию глушили, и как только гасла лампочка, мы зажигали свечку и ждали отца. Отец приносил нам на ужин кисель с булочкой. Перед сном в темноте он рассказывал нам сказки и былины. Мы просили его рассказать о войне. Он говорил, что очень страшно, особенно на ночь.

Война – это окопы и землянки, страдания и кровь – страшно аж жуть! Он желал нам хорошо учиться, закаляться физически в играх и спорте, не видеть войны, и под его любимые песни мы засыпали крепким сном. Когда мы повзрослели до старшеклассников, дома он иногда, когда выпьет спиртного и прослезится, рассказывал про войну. А рассказать ему было о чем – он конармейцем в 1919 году воевал в легендарной 25-ой дивизии Василия Чапаева, в 1941-45 годах прошагал от Москвы до Берлина, вернулся с Победой, награжденный двумя орденами «Красной Звезды», орденами «Отечественной войны» и «Боевой славы», медалью «За отвагу», которая приравнивается к ордену, и многими медалями.

Утром, провожая нас и идя по лесу, он научил нас различать съедобные грибы и ягоды от ядовитых. Назад домой в город мы бежали по лесной, сокращенной на два километра дороге. Она проходила через большой Королевский овраг, где по рассказам отца и экспонатам школьного музея в Гражданскую войну белогвардейцы Колчака расстреливали красноармейцев и большевиков Советской власти. Было боязно, страх подгонял, и из оврага мы выбегали тяжело дыша. Вдоль лесной дороги ближе к городу было много заросших бурьяном воронок от взрывов снарядов и гранат, и мы находили в них пустые гильзы от пулеметных и винтовочных патронов. Из гильз делали свистки с сильным и пронзительным звуком. Племянник Мишка при беге в своих ботинках натирал мозоли, и я менялся с ним обувью. У нас с братом Вовкой на ногах были настоящие китайские кеды с защищавшей щиколотку фирменной эмблемой «Два мяча». Мы единственные в городе обладали такой спортивной обувью. Родной дядя моего отца во время Гражданской войны эмигрировал в Китай и вернулся в СССР только после смерти Сталина в марте 1953 г. Моей матери он подарил отрез китайского шелка на платье и атласную скатерть на стол, отцу – рубашку и галстук, а также настоящий природный алмаз-стеклорез английского производства. Этим стеклорезом отец резал стекло любой формы и толщины. Нам с Володькой он подарил кеды и китайские фонари. Фонарь с никелированным отражателем и лампочкой с голубой нитью накаливания бил светлым лучом до 100 метров и был нашей гордостью в мальчишеских дворовых забавах в вечерне время суток. По аналогии игры в «казаки-разбойники» мы бились в «чапаевцы».

По жребью делились на «чапаевцев» и «белых» и гонялись друг за другом по окрестным паркам и садам, носились по холмам и оврагам за городом, где еще местами сохранились со времен Гражданской войны окопы и воронки от разрывов снарядов. Все ребята хотели быть «чапаевцами» и в следующем поединке менялись местами с «беляками». На отдельных этапах игры впереди были и «белые», но в итоге всегда побеждали «чапаевцы». От быстроты передвижения и занятия выгодных позиций на местности зависел исход игры. Когда стали учиться в младших классах, времени на дворовые забавы стало меньше, но дома не сидели и подвижных игр не чурались. Играли в клёк и городки. Особенно затягивала игра в городки. Пока не собьешь битами десять фигур с поля (пять стоячих и пять лежачих), соревнования не заканчивали. Неимоверно трудно давалась последняя фигура – «письмо». В начале надо было распечатать письмо, то есть выбить с центра одну «бабку», не задев четыре по углам. Только потом можно было разбивать угловые «бабки». Мастерским считалось выполненное упражнение, когда на эту фигуру затрачивалось три броска биты. Мать или старшие сёстры отрывали нас от игры и посылали в магазин за хлебом и молоком. По дороге мы брали в руку крючок из толстой железной проволоки (водило) и катили им перед собой стальной диск-колесо диаметром 50 сантиметров. Эти отработанные диски, применяемые в муфтах сцепления трактора, брали из кучи металлолома возле ремонтно-механической мастерской, где работал отец. Очереди за хлебом и молоком были длиннющие, и мы с братом коротали время, гоняя диски по дорожкам соседнего с магазином сквера. Этот сквер между улицами Московской и Коммунистической был разбит школьниками и студентами нефтяного техникума в честь Всемирного международного фестиваля молодёжи и студентов, проходившего в Москве в 1957 году. Я вместе с сидевшей за одной партой одноклассницей Ниной Талагаевой посадили рядом в этом парке берёзку и лиственницу. Деревья выросли, что и руками не обхватить. Будучи в отпуске на родине вместе с детьми, а позднее и с внуками, прогуливаемся по скверу, прислоняемся к стволам высоченных березы и лиственницы, памятуя о том, что в жизни человек обязательно должен сделать три добрых дела: посадить дерево, построить дом и вырастить сына и дочь. Всё это в своё время совершается в нашей династии. На склоне прожитых лет мы с супругой Ириной на её родине, где похоронены мать и бабушка, живём в отдельном доме-коттедже с приусадебным участком, где, кроме фруктовых деревьев, посадили дубовые и кедровые аллеи. Летом в гости приезжают сын и дочь с внуками. Это ли не радость жизни в преклонные годы!

Бугуруслан – город нефтяников. Ещё до войны в 1937 году было открыто первое месторождение нефти, и назвали этот нефтегазовый регион «Второе Баку». Сразу после войны для подготовки рабочих кадров был создан нефтяной техникум, первый выпуск которого в 1948 году составил 59 молодых специалистов, в том числе и муж моей старшей сестры Зинаиды – Геннадий Алексеевич Репин. Его давно нет в живых, но дело его продолжают внуки – нефтяники-буровики Константин и Евгений.

Тогда же было создано профессионально-техническое училище (ПТУ), проще названное ремесленным. Оно находилось рядом с нашим домом через улицу. При ПТУ на стадионе мы – дети нефтяников, играли в футбол, баскетбол и волейбол, кувыркались на гимнастических снарядах и бегали наперегонки по гаревой круговой дорожке. В нашем квартале (двенадцать двухквартирных, а по углам четырехквартирных домах) собиралась целая футбольная команда одноклассников: это я с братом Владимиром, три брата Макаровых: Валера, Володя и Сергей, Женя Шабаетов, Слава Яцкевич, Юра Мартынов, Шурик Балдуев, Гена Мадриченко, Валера Козлов, Володя Попов, два брата Зенковых – Виктор и Толя. Это была дворовая футбольная команда «Нефтяник». Я был полузащитником в команде и во время матчей с другими командами города подключался и к нападающим, и к защите, был выносливым «хавбеком» с кличкой Вихрь. Нашими кумирами в городской команде «Нефтяник», участвующей в первенстве области, были вратарь Ильин, нападающие Королёв, Шамшаев, Савин, полузащитники Поликанов и Максимкин, защитники Мурейко и Маслаков. Анатолий Маслаков был мужем моей старшей сестры Тамары и тренировал нашу дворовую команду «Нефтяник». Мы не пропускали ни одного матча чемпионата области и на городском стадионе болели за наш «Нефтяник», который зачастую становился чемпионом области. Мой племянник Миша Бавенков, а затем и племянники Константин и Евгений Кулаковы, повзрослев, стали играть в футбол за сборную города. Михаил даже, переехав работать в Сибирь, выступал за сборную города Нефтеюганска на первенстве Тюменской области. Нашими кумирами в Союзном масштабе были вратари Хомич и знаменитый на весь мир Лев Яшин, форварды Всеволод Бобров, братья Федотовы, Игорь Нетто, Эдуард Стрельцов. Смотреть на игру нападающего Галимзяна Хусаинова из команды «Крылья Советов» мы даже ездили зайцами на электричке в соседний областной город Куйбышев. В мировом масштабе не было равных бразильцам Пеле и Гарринче. После дворовых игр и жарких баталий мы всей гурьбой бежали на реку Кинель и с размаху ныряли в ее прохладные и освежающие воды. Плавание было хорошей и полезной процедурой после спортивных физических нагрузок. Река была местами до пятидесяти метров шириной с чистыми песчаными плёсами, на которых стояли деревянные мостки со стартовыми тумбами и размеченными боами на канатах дорожками. Настоящий плавательный бассейн на открытом воздухе. Кто посмелее, прыгал ласточкой с ледорезов или моста высотой десять метров. Я с такой высоты прыгал только солдатиком, в отличие от моего младшего брата Володи. Загорали на горячем песке, ловили удочками рыбу, доставали из нор вдоль крутого берега раков. Аппетит после физической нагрузки на природе был зверский. Насаживая на ивовые ветки мелкую рыбу (ершей, пескарей, плотву), клешни и раковые хвосты, запекали их, держа над костром, и с горбушкой чёрного хлеба аппетитно ели, запивая чистой речной водой. На настоящую рыбалку с ночёвкой ходили, отпрашиваясь у родителей под опекой старших братьев.

За городом через гору при впадении речки Мочегай в Кинель был удачный клев рыбы, которую мы приносили не только для котов, но и на домашнюю уху или жареху (голавли, подлещики, линьки, а иногда щука или соменок). Крупная рыба хорошо ловилась вечером на закате или утром на восходе солнца. Когда солнце поднималось к зениту, клёв прекращался, и мы дремали в тенечке. Активность в это время проявляли многочисленные суслики, пожирающие поспевающую пшеницу и рожь. Хлебозаготовительные совхозы объявляли борьбу с грызунами, так как один суслик съедал и заготавливал в норах на зиму два ведра отборного зерна. За одного уничтоженного суслика в правлении совхоза выдавали денежную премию в десять копеек, а фактом являлись сдаваемые свежие хвосты. Работа эта тяжелейшая в физическом отношении. Увидеть суслика легко, он встаёт, как столбик, на задние лапы и озирается по сторонам, вращая головой. Но как только начинаешь двигаться в его сторону, он проворно шмыгает в нору, имеющую иногда и выход в другом месте. Обследуем землю в радиусе десяти метров, и один из нас остаётся караулить, в то время другие в ведрах приносят воду из речки. Иногда приходилось носить 2-3 раза за 100-200 метров. Заливали нору водой, из которой вылезали суслики, тут-то мы и били их по носу палкой. Бывало, из одной норы вылезало целое семейство 5-6 сусят. Руки и ноги гудели от такой работы, но денежное вознаграждение в два-три рубля стоило того. Все заработанные деньги отдавали родителям, оставляя на кино, мороженое и лимонад. Бывая в совхозе при сдаче суслиных хвостов, мы с интересом наблюдали за деревенской жизнью наших сверстников, а мне повезло воочию познакомиться с ней. Двоюродный брат дяди Васи Бавенкова (мужа моей старшей сестры Татьяны и отца племянника Мишки) Владимир Моторин жил семьёй и работал комбайнером в деревне Рязановка, в 70 километрах от города. Там же в рабочем посёлке Тарханы после возвращения с Сахалина работал и жил с женой Ларисой мой старший брат Анатолий. Владимир Моторин на большой телеге, запряженной конём, привёз на продажу на базар десять живых овец. Продав овец, он остался ночевать у нас дома. Одну овцу он отдал моим родителям за постой, а коня загнали в наш большой сарай и караулили по очереди, чтобы цыгане не угнали. На базаре располагался целый их табор. Утром следующего дня, в понедельник, отец с матушкой отправили меня с Моториным в Рязановку на неделю к брату Анатолию. Мне было десять с половиной лет, и я перешёл в четвертый класс. Выехали на телеге поутру ещё до восхода солнца. Гравийная дорога пролегла вдоль железной дороги Куйбышев-Уфа и реки Кинель за ней. Через час езды проехали деревню Краснояровка. Сельчане выгоняли из ворот коров, и под присмотром пастуха стадо выходило в луга на выпас. Следующая деревня по пути следования – Завьяловка. Она была намного меньше, всего несколько домов, где нас облаяли сторожевые псы.

Примерно на двадцатом километре проехали мимо Козловки, стоявшей недалеко от дороги. К обеду, когда солнце подходило к зениту и становилось жарко, остановились на околице железнодорожной станции (село) Заглядино. Железная дорога по мосту через реку Кинель пошла налево в сторону Уфы. Дядя Володя распряг коня, доверил мне сводить его под узду на водопой к Кинелю, а потом, сняв с морды коня узду и удила, пустил его пастись на лужок с травой. Сами пообедали картошкой с селедкой и огурцами, которыми нас снабдила в дорогу матушка Дарья Алексеевна. Выпив ядреного кваску, прилегли в тени под телегой на часок, пока не насытился конь. Сводил его на водопой, дядя Володя запряг в телегу, и мы тронулись дальше по простой земляной деревенской дороге. Гравийный большак пролегал вдоль железной дороги, а нам надо было двигаться вдоль Кинеля вверх по течению еще половину пути – 35 километров.

Деревни теперь располагались по другую сторону Кинеля, и в основном населённые татарским и башкирским народом. Самая большая из них Шарыпкино – всего-то из нескольких дворов. На противоположном берегу у крутого яра с удочками сидели смуглые, загоревшие мальчишки. Я заметил, как любитель рыбалки, это место и через четыре года, повзрослев, один раз приезжал туда на велосипедах с ночёвкой втроём: я с братом Володей и племянник Мишка. Улов тогда был удачным, даже двух сомят поймали на ночную наживку – лягушку. К вечеру, когда солнце закатилось за горизонт, добрались до деревни Рязановки, и дядя Володя подвез меня к брату Анатолию в рядом строящийся рабочий посёлок Тарханы, пригласив нас к себе домой на следующий день в деревню. Анатолий с утра ушёл работать на нефтяной промысел №3, а я, выспавшись после тряской дороги, направился искать подворье Моториных. Долго искать не пришлось, так как каждый в деревне знал друг друга. Родителей дома не оказалось, и на лай собаки вышли двое их детей моих одногодков Николай и Александра, они просто назвались и спросили, кто я. Собаке они пару раз крикнули «свой», и она, лизнув мою руку, отправилась в конуру. За день они познакомили меня с деревенской жизнью и сложившимися там обычаями, сводили на Кинель искупаться и накормили вкусным домашним обедом, который мы запивали утренним парным молоком. Деревенские дети мало чем отличались от нас – городских районных жителей. Но они более исполнительны и трудолюбивы на домашнем подворье. Скотины много, да и огород рядом большущий. Меньше читают и более усердно сидят за уроками, не отвлекаясь на телевизор, которого там не было, а в Бугуруслане только-только появился, и то у старшей сестры Зинаиды, куда мы с братом Вовкой ходили как в кино, бесплатно. За неделю научил их городским забавам и спортивным играм, а они меня – уходом за скотом, сбором ягод на склонах холмов. Леса там не было, а местами были посадки смородины между полями.

В воскресный день, перед моим отъездом в понедельник, у них была заготовка топлива для русских домашних печек на всю зиму, и я принял в этом участие в качестве водовоза. А заготавливали они кизяк – небольшой с величину буханки хлеба кирпичик из навоза от скотины с примесью соломы. Во дворе копалось небольшое (20-30 см) углубление в виде клумбы диаметром 8-10 метров. В центре прочно закапывался деревянный столб высотой полтора метра с большой катушкой в верхней части, к которой крепились длинные жерди – четыре штуки. Катушка смазывалась солидолом или густым мазутом для легкого вращения жердей, в клумбу набрасывали навоз и солому, подливали воды, и всё это перемешивалась копытами лошадей, привязанных через хомут к жердям и монотонно ходивших по кругу. От центра клумбы к ее периметру, где ходили лошади, вилами, стоя босыми, перебрасывали навоз. При доведении до равномерной густой консистенции, содержимое перекадывалось лопатами в двухкамерный станок – ящик без дна и наклонными боками, утрамбовывалось ладонями и переворачивалось на ровную сухую поверхность земли или доски. Ящик поднимался, и два кирпичика готового кизяка оставлялось на просушку на несколько дней. И таким способом заготавливалось более тысячи кизяков. Просушенные кизяки заносились в сарайку или складывались штабелем возле дома и закрывались от осенних дождей. С подвозом воды у меня сначала получалось плохо. На низкую телегу устанавливалась горизонтально деревянная бочка с горловиной наверху и затычкой внизу, запрягалась лошадь и вниз к реке Кинель направлялась за водой. Я как возница восседал на передней части бочки и управлял вожжами. Заходили вместе с телегой в воду, и стоя по грудь, ведром наполнял через горловину 500-литровую бочку. В гору к клумбе лошадь с грузеной телегой шла медленно. Я шёл рядом, держа вожжи. Назад порожняком я снова восседал на бочке и лихо спускался к реке. При торможивая натягом вожжей лошадь, я не удержался на мокрой поверхности бочки и слетел с неё на землю. Хорошо ещё, что скоординировался, и слетел вбок, ободрав колени, локти и получив ссадину на плече. Если бы полетел вперёд под копыта лошади или под колёса телеги, было бы хуже. Дядя Володя Моторин хотел освободить меня от обязанности водовоза, но я настоял на своём, и он, привязав сверху бочки сухую сидушку, разрешил осторожно продолжить работу. Приготовление кизяков продолжилось, до конца всё обошлось благополучно, и к вечеру все, искупавшись в натопленной баньке, получили благодарность: взрослые по 100 грамм, а детишки – кислого молока с пенкой, которое закусывали свежей бараниной и отламывали от каравая хлеб домашней выпечки. Наутро в понедельник брат Анатолий с рабочим отчётом на мотоцикле за полтора часа домчал меня в Бугуруслан до дома. Так прошло недельное знакомство с деревенской жизнью.

Городские жители с наступлением осени занимались заготовками на зиму. Всем нефтяникам за городом у реки выделяли землю для посадки картофеля – три сотки на одного члена семьи. У нас был самый большой огород – тридцать соток у реки. Кроме картофеля, хватало земли под свёклу, морковь, огурцы, помидоры, кабачки, редис, лук и чеснок. Это был не дачный участок, а распаханное после схода воды поле (пойма реки Кинель), поделенная межами на участки. Осенью всё перепахивалось заново. Урожай осенью вывозили домой на тележке по 150-200 кг за одну ходку. Впереди тележку тянул отец, а мы с младшим братом Володькой толкали сзади. До дома два километра в гору от моста через реку Кинель по центральной Революционной улице. За воскресенье делали две ходки, а на неделе после работы (мы после школы) вечером одну ходку. Приходили домой уже затемно. Заготовок хватало на всю зиму. Одной только картошки спускали в подпол на кухне около тонны. Капусту, огурцы и помидоры солили и хранили в подвале в дубовых бочках. Соленьями и вареньями из ягод занималась наша матушка, она научила этому всех семерых дочерей. Нас же с Володькой научила в лесу отличать и собирать съедобные грибы, ягоды, орехи, а также травы для чая и народного лечения. Травы у нас круглый год висели сухими в пучках на веранде и в сарайке. Это царь-трава душица, зверобой, чистотел, мята, ромашка, полынь, листья смородины и малины, отдельно в коробках хранились шиповник и шишки хмеля. С вечера матушка в большой кастрюле заливала сбор трав крутым кипятком, укрывала полотенцем, и целебного напитка-фиточая на целый день хватало всей семье. Эту традицию я сохранил до преклонных лет.

Всем классом на уроках труда ухаживали за насаждениями в пришкольном ботаническом саду, помогали собирать урожай на городском плодово-ягодном питомнике за кинельской рощей. За работу одну третью часть собранных ягод давали брать натурой домой, из которых старшие сёстры варили на зиму вкусное варенье к чаю. Вся большая семья после ужина чаевничала за большим столом в комнате. На кухне все не помещались. Когда мы с Вовкой повзрослели, то нас из большой комнаты от сестёр переселили в маленькую, а родители заняли кухню. Так и жили все вместе шесть детей и родители в двухкомнатной квартире. В тесноте да не в обиде. Воду носили в ведрах из общей на квартал колонки во дворе. Холодный туалет и сливная яма для отходов находились тоже во дворе, подальше от колонки. Раз в неделю ходили с отцом, а сёстры – с матерью, в городскую баню с парилкой. Летом оборудовали в сарайке душ с бочкой воды на крыше, которая от солнца к вечеру нагревалась. Воду по лестнице в ведрах затаскивали на крышу и заливали бочку. Родители работали и занимались хозяйством по дому. В сарайке держали пару свиней да десяток курочек или кроликов. Уход за кроликами доверяли нам с Вовкой.

В семье было принято старшим детям присматривать за младшими и контролировать их учёбу в школе и поведение. С приходом зимы домашних забот и обязанностей становилось меньше, и всё свободное время проводили на улице. По первому снегу в охотку делали крепости и играли в снежки, бросая друг в друга комки-шарики снега. Катались с гор на санках, а по наезженным дорогам на драндулетах – двухполосных санях с высоко загнутым носом, за который держались руками, и стоя на полозе одной ногой, другой отталкивались от снежной дороги. Подвязывали сыромятными верёвками на валенки коньки-снегурки и мчались по дорогам, цепляясь крючком за подводы. Машин в городе почти не было: две пожарных, одна скорая помощь, один милицейский «чёрный ворон», да «Победа» в горкоме партии. Транспорт нефтяников находился за городом в промзоне, и въезд в город тяжёлым машинам был запрещён. Старшие сёстры Тамара и Юлия вечерами летом ходили на танцплощадку в городской сад, зимой на каток-стадион. На танцах мы с Вовкой через решетку подсматривали за ними. Каток был платный, и мы с братом и племянником Мишкой оставались за воротами стадиона. Старшие сёстры катались по кругу с парнями за руку по освещённому прожекторами большому ледовому стадиону и были удивлены нашему появлению там. Мы перелезали через высокий забор стадиона, приспособив веревку с крючком. На следующую зиму сёстры, начав работать, купили нам ботинки и коньки-канадки, которые отец приклепал заклёпками намертво к подошвам ботинок. Вечерами пропадали на катке, и нас сёстры под угрозой, что отберут и спрячут коньки, загоняли домой за уроки. Веселое было время! Говорили, что идём в детскую библиотеку, которая была рядом со стадионом, а сами втихаря брали с собой коньки. Книги в библиотеке, правда, обменивали на другие вовремя и читали, придя домой. Контроль со стороны сестёр за содержанием книг был строгий, и мы слушались их, прочитывая от корки до корки.

Первый лёд становился на реке и, не дожидаясь заливки городского катка, мы открывали конькобежный сезон, бегая вдоль берега на мелководье. Благо, мы летом изучили все мелкие места вдоль берега. Лёд волной прогибался под нами, а если и проваливались на тонком трещащем льду, то по колено. Когда снега подваливало больше, а это бывало ближе к Новому году, к школьным каникулам, становились на лыжи и бегали по лесным просекам за городом, прыгали с трамплинов на крутых склонах оврагов. Первые наши лыжи были самодельные, изготовленные отцом, и крепились к валенкам. В 5-7 классах первый преподаватель физкультуры Гурий Тимофеевич Потапов (его я считаю первым моим тренером по лыжам и легкоатлетическому бегу) поставил меня на настоящие лыжи с ботинками.

Он научил различным типам хода и технике прохождения соревновательной дистанции по пересеченной местности. Я стал на школьных соревнованиях занимать призовые места, благо, физическая выносливость была с детства. Гурий Тимофеевич заметил это и разрешил мне брать лыжи домой и бегать на них, кроме занятий на уроках физкультуры. Летом в те годы пересели с самокатов на велосипеды сразу на взрослые – на отцовские. Крутили педали с расположением правой ноги под рамку и только, подрастая, освоили нормальный ход сидя на опущенном седле. На рыбалку стали ездить на велосипедах, изучив Бугурусланский район в радиусе 25 километров от города.

Участь в седьмом классе, на весенние каникулы ходили в туристический поход по местам боевой славы легендарной 25 дивизии Василия Ивановича Чапаева в годы гражданской войны. Штаб армии Михаила Васильевича Фрунзе в те годы находился в Бугуруслане и размещался в городском театре имени Николая Васильевича Гоголя. За неделю пешеходного похода прошли 150 километров, за что получили звание «Турист СССР» с вручением удостоверения и значка. Это был мой первый заслуженный знак, не считая массовых пионерских, которые давали всем поголовно. Вышли с рюкзаками и палатками из Бугуруслана и прошли по маршруту с ночёвкой в посёлке шахтёров – Садки (спускались в шахту глубиной 400 м), селах Пилюгино (где был решающий бой чапаевцев с белогвардейскими офицерами, шедшими в «психическую» атаку стоя), Заглядино (узловая железнодорожная станция), Аксаково (родовое имение русского писателя Сергея Тимофеевича Аксакова), Мордовский Бугуруслан. В селе Пилюгино нам седовласый дед рассказывал, как он подковал коня Чапаева перед боем. Загоревшие на весеннем солнышке, изрядно уставшие, но закалённые и удовлетворенные познаниями родного края и его истории, вернулись в отправную точку – город Бугуруслан. В школе на уроке истории подвели итоги похода, и некоторые одноклассники, в том числе и я, рассказали об участии своих родственников в гражданской войне за Советскую власть. В дивизии Чапаева из всех воевал только мой отец Алексей Кузьмич. После семилетки, приумножая семейную трудовую династию, по традиции в четырнадцать лет я поступил в нефтяной техникум на специальность механика по эксплуатации и ремонту нефтепромыслового оборудования (МОП).

Перед началом учёбы в награду за поступление в нефтяной техникум родители разрешили мне съездить на две недели в гости к старшему брату Анатолию. Москва!.. Как много говорит это слово! Столица нашей Родины – СССР. Впервые я увидел её воочию в конце августа 1961 года. Анатолий учился в Московском институте нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина И.М. Поехал на поезде не один, а с девятилетней племянницей Танюшкой Репиной.

С малолетнего возраста она была привязана ко мне и не отставала ни на шаг. На Казанском вокзале Москвы нас никто не встречал, и мы с Танюшкой самостоятельно по туристической карте нашли место проживания брата. Сначала на метро, а потом на электричке добрались до станции Гривна, что под городом Подольском, и уже в сумерках нашли нужную улицу и дом. Жена Анатолия Лариса с грудным сыном Алешкой была одна и не могла нас встретить. Брат же был на производственной практике и приехал через два дня. В воскресенье он показал нам центр Москвы, ВДНХ, где мы впервые в жизни посмотрели цветной телевизор. На ВДНХ в этот день открывали павильон сельского хозяйства, и Анатолий издала показал на Никиту Сергеевича Хрущева в безрукавке и при шляпе. Целый день мы ходили по асфальту и булыжным мостовым, и к вечеру еле-еле волочили ноги, обутые в тяжёлые ботинки. Следующие дни брат дал нам свободу, и мы с Танюшкой самостоятельно, ориентируясь по карте (навык туриста СССР мне пригодился), бродили по Москве. Первым делом нашли магазин спорт-товаров, и я купил себе настоящие кожаные кроссовки на мягкой подошве и теннисную ракетку с китайскими шариками. Танюшке купил легкие парусиновые тапочки. Ноги сами бежали по Москве без усталости, и потом целых два года кроссовки верно служили мне на уроках физкультуры, тренировках и соревнованиях в техникуме. Хотя и не осталось выделенных отцом денег на аттракционы и всякие вкусные сладости типа «Эскимо», я не пожалел об этом. Домой в Бугуруслан Анатолий проводил нас на тот же Казанский вокзал, посадил в вагон, передав кучу подарков для родителей и сестёр. На прощание старший брат пожелал успешной учебы в нефтяном техникуме, который он закончил в 1954 году, и продолжить образование в вузе. Только полученные знания и любимая работа по специальности нефтяника могут обеспечить материальное благосостояние и не быть зависимым от постоянной денежной нужды, в которой жили наши родители. Эти его слова запомнились на всю жизнь.

Первые два года учёбы в техникуме давались нелегко. За два года должны были пройти три года школьной программы, но ниже четвёрок не скатывался, за исключением английского языка и обществоведения. На старших курсах учёба была в охотку, особенно по техническим предметам и черчению, которые мне были знакомы по наказам отца и дядек, работающих в нефтяной промышленности. Я мог часами стоять за кульманом, изображая в проекциях и в разрезе детали машин и механизмов. Не изменял своей любимой физкультуре и спорту. Зимой вечерами ходили на каток, в воскресный день делали многочасовые вылазки в лес на лыжах. Летом крутили велосипед, бегали кроссы – забеги на плодово-ягодный питомник и загородные дачи. Во дворе дома смастерили стол и играли в настольный теннис.

К концу учебы уже имел вторые взрослые разряды по этим видам спорта (бег, лыжи, велосипед и настольный теннис). После второго курса, когда исполнилось шестнадцать лет, я получил паспорт, выучился при ДОСААФ на мотоциклиста и два летних месяца на каникулах подрабатывал водителем грузового мотороллера при ресторане, развозя горячие обеды по буровым скважинам и нефтяным промыслам. Загружал в кузов фляги с первым, вторым блюдами и компотом, в больших кастрюлях гуляш и котлеты, несколько буханок хлеба, алюминиевые чашки, ложки и кружки, и вперёд по полевым и холмистым дорогам за город. Заодно знакомился с работой нефтяников, которую в будущем надо было выполнять. Чем не производственная практика? Это отец на моё шестнадцатилетие сказал: «Хватит лодыря гонять (заниматься спортом), пора работать и приносить пользу себе и в большую семью». Он был яростный противник моих увлечений спортом, потому что физически изнуряли себя и много ели за столом, который был недостаточно сервирован. Избытка никогда не было, кроме картошки и капусты, которые мы с братом уминали за обе щёки. Когда дома не хватало денег на нормальное калорийное питание, отец считал занятия спортом баловством и никчемным делом, вредным для здоровья, и в этом он был частично прав. После тренировки мы с Володькой с аппетитом сметали всё со стола, и взрослые удивлялись, что мы едим больше их. Кроме всего прочего, мы же росли, и организм требовал повышенные калории в пище. Рыбий жир, который нам давали в детстве, порядочно надоел, и мы не могли терпеть его.

На первую в жизни получку купил спортивный гоночный велосипед «Чемпион», за что отцом был выгнан из дома, и следующий месяц жил у старшей сестры Майны. Вторую зарплату полностью принёс домой, и отец сказал, чтобы больше не ел чужие куски хлеба, а возвращался домой к началу учебного года в свою семью. С моей получки купили первое в жизни пальто с теплым воротником на меху, до этого ходил в фуфайке-ватнике. Мог часами гонять велосипед, так как в техникуме велосипеды давали два раза в неделю на полтора часа. Преподаватель физкультуры в техникуме был Анатолий Григорьевич Фролов. Он готовил и команды сборной техникума по видам спорта к участию в первенстве города. Под его руководством мы много и усиленно тренировались, и занимали первые места в городской спартакиаде студентов училищ и техникумов. В городе, кроме нефтяного техникума, были педагогическое, медицинское, сельскохозяйственное и профессионально-техническое училища. Это были училища на базе семи классов. Наиболее сильные соперники на соревнованиях были из Бугурусланского летного училища имени Героя Советского Союза П.Ф. Еромасова. Там готовили летчиков для всей страны после окончания десятилетки, и они были старше нас на 2-3 года. У них в училище был свой великолепный стадион,

даже лучше городского, и нас пускали туда только во время соревнований по легкой атлетике. Там была настоящая гаревая беговая дорожка стандартной олимпийской длины в 400 метров, а стометровка размечена на шестерых одновременно стартующих спринтеров. Впервые на этой дорожке я выполнил третий взрослый разряд в беге на один километр – 3 минуты 5 секунд, а перед окончанием техникума второй разряд – 2 минуты 45 секунд. Зимой на лыжах тоже выполнил второй разряд на дистанции 5 километров – 18 минут 10 секунд.

Это были лучшие спортивные достижения за время учебы в техникуме под руководством моего тренера А.Ф. Фролова. Тогда я начал вести свои первые спортивные дневники. Эта традиция сохранилась до сих пор. Ветераны физической культуры Потапов и Фролов после выхода на пенсию продолжили тренировать ребятшек в детско-юношеской спортивной школе (ДЮСШ). После третьего курса, работая всё лето на практике в сейсмологическом отряде геофизической экспедиции, я получил хорошую трудовую и физическую закалку. Базировались в селе Погромное Бузулукского района Чкаловской области – это недалеко от посёлка Тоцкое, где располагался военный испытательный полигон, и армейские подразделения проводили там учения. Рано утром колонной спецмашин выезжали на пустынные территории Тоцкого района, где в малонаселенных степях проводили изыскательные работы с последующей по нашим результатам разведкой на нефть и газ. Вечером, уже затемно, возвращались в село на постой в деревенские избы. Десять лет назад, в сентябре 1954 года, в этих местах проходили военные маневры под командованием первого заместителя министра обороны СССР, четырежды героя Советского Союза, Маршала Георгия Константиновича Жукова. 14 сентября сброшенная с самолета атомная бомба мощностью 40 килотонн взорвалась на высоте 350 метров в 4-5 км от солдат, которые прятались в блиндажах и траншеях. Кроме того, через потенциально опасную зону прошло около трех тысяч человек в костюмах химзащиты. В учениях участвовало 45 тысяч человек. Тогда (1964 год) мы об этом не знали, а рассекретили об этом только в девяностые годы.

Процесс сейсмозондирования глубин земной коры до 3-5 километров достаточно сложный, с большим объемом полевых работ. На шасси трехосного вездеходного автомобиля ЗИЛ-131 с вышкой бурили скважину глубиной 100-120 м и опускали туда толовый заряд весом 20-30 кг. От скважины в строго противоположные стороны на поверхности с барабана-лебёдки, установленного на шасси вездехода ГАЗ-63, разматывали кабель-косу длиной 250 метров. Я шёл за машиной, следя за ровной раскладкой кабеля, и через каждые 25 метров снимал с кузова машины три сейсмодатчика весом по 2 кг и опускал на землю возле зажимов кабеля.

Второй рабочий шел за мной, лопатой делал небольшую ямку, закапывал туда датчики, провода от которых подсоединял к кабелю. Концы двух кабелей подсоединялись к сейсмостанции-лаборатории на шасси ГАЗ-51, и вся система прозванивалась – проверялись контактные соединения датчиков к кабелю. При отсутствии контакта приходилось быстро бегать вдоль кабеля и упрочнять соединение. Затем все рабочие отходили от скважины на безопасное расстояние (не ближе 100 м), и производился взрыв толового заряда. От взрыва (сейсмоволна), как от землетрясения, уходила вглубь земли, отражалась обратно от залегающих на глубине пластов породы, принималась сейсмодатчиками и преобразовывалась в электрический сигнал, который фиксировался на диаграмме-фотоплёнке. Оператор сейсмостанции сразу проявлял фотоплёнку и интерпретировал (проверял качество записи). При браке производился повторный взрыв. Во время взрыва из скважины на высоту 50-100 метров выбрасывался фонтан бурового глинистого раствора, и зазевавшихся иногда обливало грязным раствором.

При положительной записи результатов в обратном порядке снимались с места и, передвигаясь вдоль по профилю на следующие 500 метров, повторяли цикл работы. За световой день делали 3-4 цикла работ, проходя и пробегая 15-20 километров. Особенно трудно было успевать за движущейся машиной при раскладке и сборке тяжелых датчиков. К концу рабочего дня невероятно ныла спина и не слушались пальцы рук. Зато, кроме зарплаты в 70 рублей, после подведения итогов летнего сезона за отлично выполненную работу дополнительно выдали денежную премию в 50 рублей, что на восемь рублей больше зарплаты матушки, работающий кочегаром у пышущего жаром котла. Моей радости и гордости не было предела, и по пути с поля в деревню в лаборатории напевал бравурные песни. Вспомнилось наставление старшего брата, и я с большим усердием взялся за учебу на последнем курсе техникума. Ввиду ремонта нашего дома и надстройки на него второго этажа, мы временно на полгода переселились в барак в районе железнодорожного вокзала. Всей семьёй размещались в одной большой комнате. Кухня была одна на несколько семей, а в комнате была только маленькая одноконфорочная плитка для подогрева пищи и кипячения чая. Четыре таких барака образовывали квартал с обширным двором в середине. В длинных широких коридорах барачных вечерами собиралась молодежь и организовывала танцы под магнитофон, пели под гитару блатные песни, курили и втихаря пили дешёвое вино – портвейн или вермут. Заводилами шпаны, как называли нас взрослые, были Виктор Анисимов и братья Котельниковы. Всей компанией ходили на вечера танцев в дом культуры «Строитель». За исполнение входящего в ту пору иностранного танца «твист», запрещённого властями, нас милиция и дружинники выводили из зала. Вход же был платный, но на следующее воскресенье повторялось всё снова.

Деньги на сигареты, вино и танцы зарабатывали при разгрузке железнодорожных вагонов – пульманов с углем или торфом в спрессованных брикетах. За один вагон платили десять рублей на четверых. За ночь мы должны были освободить вагон с путей. Тяжелейшая ночная работа!

Алкоголь впервые в жизни попробовал в этой дворовой ватаге на свой день совершеннолетия – в восемнадцать лет. Благо, приём алкоголя и курение в постоянство не переросло, так как уехал на преддипломную практику на четыре месяца в соседний город Отрадный, а вернулся в свой отремонтированный дом, в прежнюю совсем другую дворовую команду спортсменов. К дому подвели водопровод, канализацию и в квартирах оборудовали туалеты с маленькой ванной и душем. Жить стало совсем комфортно, но через месяц я уехал из дома по распределению на Север. Но одно положительное качество характера приобрёл я в этой барачной компании – это раскрепощенность со сверстниками. Дети немецких военнопленных, осевших у нас, особенно девушки, научили нас танцам, и не только твисту, но и вальсу, танго и чарльстону. Младший брат Володя научился игре на гитаре, и она была его постоянной спутницей по жизни. На преддипломной практике, как совершеннолетний, я работал не простым рабочим, а вышкомонтажником второго разряда в тресте «Первомайбурнефть». Монтировали мы новую экспериментальную установку БУ-3000 с автоматическим спуск-подъёмом (АСП) бурильных труб без верхового рабочего. Фундамент под эту установку должен быть основательным, и мы с Вячеславом и Владимиром Наумовыми (не братья, а однофамильцы из нашей группы студентов) целый месяц в мерзлой земле долбили траншеи, засыпали гравием и крепили цементным раствором. Работа не из лёгких для наших неокрепших мужских тел. Затем пошла более квалифицированная работа по монтажу и наладке оборудования и опасная работа по сборке 41-метровой А-образной вышки с комплектом АСП. Первый раз ещё в дошкольном возрасте шести лет на крон-блок вышки на высоту 41 метр я поднимался в сопровождении знатного бурильщика дяди Миши Рыбакова (мужа старшей сестры Антонины). За руку со взрослым по маршевой лестнице с перилами до самого верха, коленки дрожали от страха, но вид, открывающийся взору, стоил того. Работа монтажником вначале не миновала страха, но со временем обвыкли и, как обезьяны, лазили по стропилам вышки, страхуясь широким монтажным поясом, крутя гайки и контргайки со шплинтами ключами, привязанными к поясу верёвками. Не дай Бог что-нибудь уронишь с высоты, ведь и внизу люди работали. На этой практике отработались такие необходимые для занятий спортом качества, как сноровка, координация тела, нормализация работы вестибулярного аппарата, а также оправданный риск принятия решения и исполнения поступка. Преддипломную практику прошёл хорошо, хорошо защитил дипломный проект и был готов в работе продолжать династию нефтяника в нашем большом роду.



Геральдический герб Федотовых с 1820 года

Геральдический герб династии Федотовых.

Выполнен из уральских камней заслуженным художником России А.М. Овчинниковым. Орел – символ России, серп и молот – женская и мужская составляющая рода, вышка – символ трудовой династии нефтяников, подкова – счастье, достаток, 10 звезд-гвоздей – десять детей. 1820 – год рождения Ивана Федотова – основателя династии.

**СВИДЕТЕЛЬСТВО**  
**О РОЖДЕНИИ**

Родители:  
Отец *Федотов 21.10.1957*  
*Кузьма Еванович*  
национальность *Русский*  
Мать *Федотова*  
*Трапезовна Никифоровна*  
национальность *Русский*  
Место рождения ребенка: город, селение *Тешенани, Арзамасский*  
район *Зорьковский* область, край, республика  
Место регистрации: *с. Тешенани*  
*Арзамасского уезда*  
Дата выдачи *29 октября 1999 г.*  
Заведующий бюро записей актов гражданского состояния *М. П.*

Гр. *Федотов*  
*Алексей Кузьмич*  
родился (дочь) *в с. Тешенани*  
*Землянского уезда 21-го года (21-1902)*  
о чем в книге записей актов гражданского состояния о рождении *с. Тешенани*  
*с. Арзамасского уезда 1902 года*  
*февраля 3* числа произведена соответствующая запись за № *2*

ОП № 428851 18.98

Свидетельство о рождении Алексея Кузьмича Федотова – внука основателя династии.



Июль 1945 г. Бугуруслан.  
Алексей Кузьмич и Дарья Алексеевна Федотовы – родители десяти детей.  
Третье поколение династии.



3 апреля 1945 г. Берлин.  
А.К. Федотов - старший сержант  
разведроты 804 отдельного  
батальона связи 348 Гвардейской  
стрелковой дивизии.



Июль 1945 г.  
Чета Федотовых.  
Алексей с трофейным аккордеоном  
«GOLDEN».



1957 г. В санатории г. Чкалова (Оренбурга)  
в форме инженера-нефтяника.



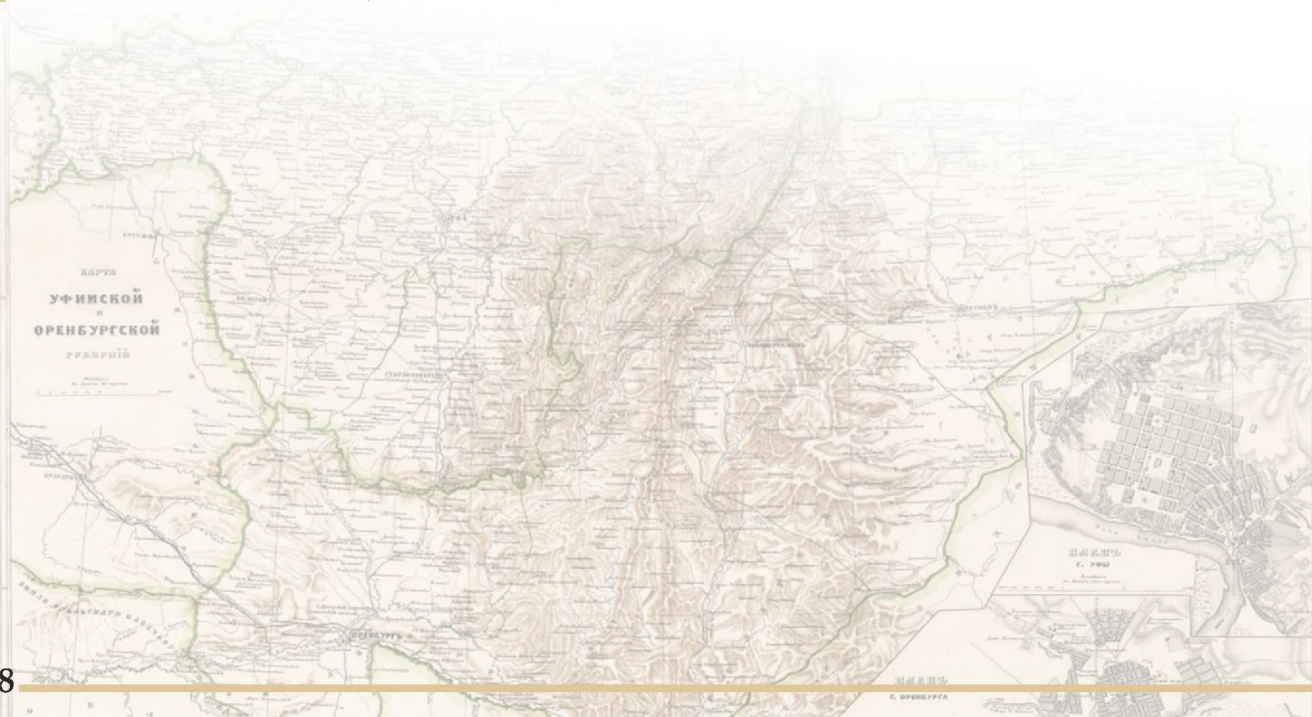
7 мая 1954 г. Бугуруслан.  
Анатолий Алексеевич Федотов  
(четвертое поколение династии) –  
в форме студента нефтяного техникума.  
4 курс.



8.1953 г. Посёлок Березово Тюменской области.  
Полевая форма нефтяников-топографов А. Гомберга и Г. Кебадзе



1953 г. Бугуруслан.  
Семья Федотовых. Единственная встреча десяти детей  
с родителями Алексеем Кузьмичом и Дарьей Алексеевной.







1990 г. Бугуруслан. Династия Федотовых.



1990 г. Бугуруслан. Сёстры и братья Федотовы на встрече.



2000 г. Бугуруслан. Юбилейная встреча в Аксаковской дубраве династии Федотовых.



2005 г. Бугуруслан. Очередная встреча династии Федотовых.



2010 г. Бугуруслан. Большинство из династии Федотовых на очередной встрече.



2015 г. Бугуруслан. Встреча в честь памяти родителей в Аксаковской дубраве.  
Последующая встреча 2020 г., посвященная 200-летию династии, из-за пандемии «COVID-19» перенесена.



Новогодняя елка 1958 г.  
Слева: Людмила Рыбакова,  
Виктор и Владимир Федотовы, Юрий Рыбаков.



1963 г. Бугуруслан.  
Наставление отца А.К. Федотова  
сыновьям Виктору (в центре)  
и Владимиру перед поездкой.



1 мая 1953 г. Бугуруслан.



9 мая 1978 г. – последняя фотография  
Алексея Кузьмича- ветерана двух войн.





1962 г. Группа механиков второго курса Бугурусланского нефтяного техникума.  
В верхнем ряду второй слева – Виктор Федотов.



2015 г. 50-летие выпуска механиков Бугурусланского техникума 1965 г.  
Слева: Владимир Наумов, Вячеслав Наумов, Владимир Кулаков, Виктор Федотов.



2015 г. Встреча выпускников 1975 года групп бурения и разработки Тюменского индустриального института.



1 мая 1931 г. Посёлок Шарихан, Узбекистан.  
Паина Васильевна Панютина  
(урожденная Мичурина, 20.10.1905-31.03.1994 г.).  
Племянница академика Ивана Владимировича  
Мичурина с дочерью Юлией.



Новый 1951 год. Посёлок Шарихан, Узбекистан.  
Юлия Александровна Радченко (Панютина)  
с дочерью Ириной.



1932 г. Посёлок Шарихан,  
Узбекистан.  
Семья Панютиных  
(третье поколение  
династии) – Паина  
Васильевна, Александр  
Иванович, дочь Юлия.



1955 г. Посёлок Кочкор-Ата, Киргизия.  
 Династии Панютиных (3-5 поколение)-Радченко.  
 Слева внизу: Юлия Александровна Радченко (Панютина),  
 Александр Иванович Панютин, Ирина Радченко,  
 Паина Васильевна Панютина (Мичурина). Вверху слева:  
 Петр Павлович Радченко, Игорь Александрович Панютин.



1943 г.  
 Доброволец Красной Армии  
 Петр Павлович Радченко.  
 18 лет.



1 мая 1973 г. Город Оса, Пермская область.  
 Слева: Юлия Александровна Радченко, Виктор Алексеевич Федотов, Алексей Андреевич Гирько  
 (муж Юлии Александровны), Алексей - сын Федотовых, Ирина Петровна Федотова (Радченко),  
 семья Ивана Камских, Паина Васильевна Панютина (Мичурина).



Май 1952 г.  
Посёлок Шарихан, Узбекистан.  
Ира Радченко. 1,5 года.



Февраль 1956 г.  
Посёлок Новостройка, Киргизия.  
Ира Радченко. 5,5 лет.



1978 г. Посёлок Кочкор-Ата, Киргизия.  
Под чинарой. Семья Федотовых (Виктор, Ирина, Алексей) в гостях  
у бабушки Паины Васильевны Панютиной.



Май 1973 г. Тюмень.  
Молодая мама Ирина Федотова  
с сыном Алексеем – 8 месяцев.



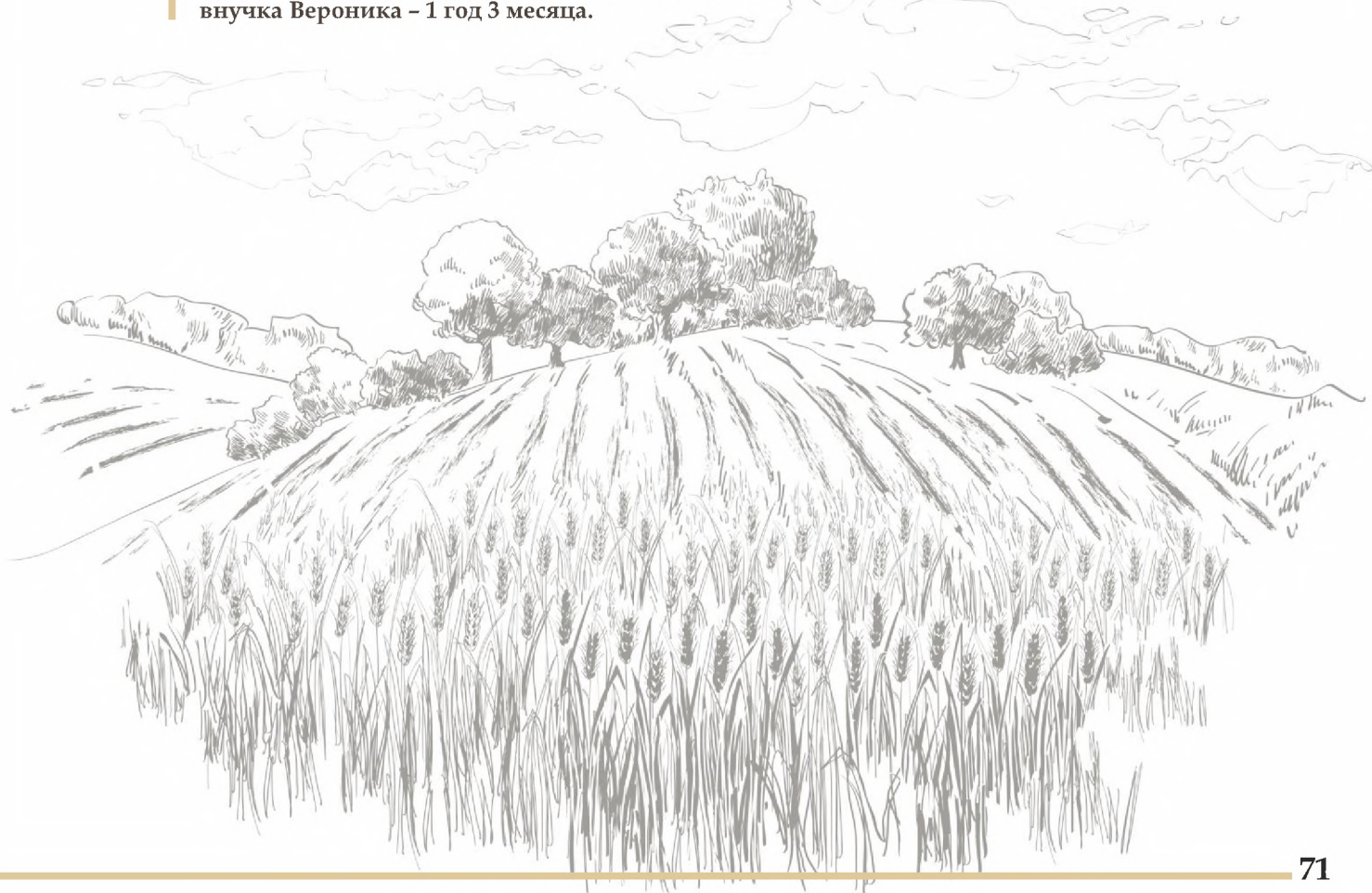
7 ноября 1970 г. Тюмень.  
Первая встреча  
на «голубом огоньке».



1989 г. Сургут.  
Семья Федотовых: Виктор, Ирина, Алексей – 17 лет, Елена – 1 год.



28 июля 2018 г. Город Оса, Пермский край.  
Елене Федотовой 30 лет. Четыре поколения: прабабушка Юлия Александровна Радченко (Панютина), бабушка Ирина Петровна Федотова (Радченко), мама Елена Викторовна, внучка Вероника – 1 год 3 месяца.





1958 г. Бугуруслан.

Супруги из династии. Слева – Анатолий и Лариса Федотовы, Геннадий и Зинаида Репины, Михаил и Антонина Рыбаковы.



1990 г. Бугуруслан.

Юбилейная встреча. Три брата Федотовых из четвертого поколения династии: слева Владимир – бурильщик, Анатолий – инженер-механик, Виктор – главный технолог.



1990 г. Бугуруслан.  
Чаепитие с сестрой Татьяной Бавенковой (Федотовой).



1977 г. Бугуруслан.  
Зинаида Алексеевна Репина с внуками  
Евгением и Константином  
(шестое поколение Федотовых).



Февраль 1984 г. Душанбе.  
Георгий и Юлия (Федотова) Политаевы с детьми – Таней (один год) и Оксаной (два года) – пятое поколение династии Федотовых.



2006 г. Оренбург.  
Семья Рыбаковых на 80-летию Антонины Алексеевны Федотовой.



1990 г. Бугуруслан.  
Решины, Кулаковы, Барановы на юбилейной встрече династии.



2018 г. Санкт-Петербург.  
Константин и Евгений Кулаковы  
с мамой Татьяной Геннадиевной  
в новой квартире.



1990 г. Бугуруслан.  
Елена Федотова (в центре) – 12 лет  
с двоюродными сестрами Еленой и Ириной  
(дети Маслаковой-Федотовой Тамары).

## ГЛАВА ПЯТАЯ

### Самотлор – путевка в жизнь

#### ДОЛГАЯ ДОРОГА НА САМОТЛОР

29 мая 1965 года я защищал дипломный проект после четырехгодичной учебы в Бугурусланском нефтяном техникуме. Районный городок нефтяников, что в Оренбургской (ранее Чкаловской) области расположился на холмистых берегах реки Кинель.

Бугуруслан – родоначальник нефтяного района «Второго Баку» – так стали называть Оренбуржье, Татарию и Башкирию за крупные месторождения нефти. Еще в 1937 году скважина в Бугуруслане дала первую нефть. Участником тех событий был и мой отец Алексей Кузьмич, работавший участковым механиком по нефтяному оборудованию. С 1910 года началась наша трудовая династия нефтяников Федотовых. Основателем ее был старший брат моего отца Иван Кузьмич – мой дядя.

В те, пятидесятилетней давности весенние вечера, мы – дворовые мальчишки-юноши заворуженно под светом луны и сиянием звезд слушали романтические рассказы о геологоразведке в сибирской тайге. Рассказчиком был дизелист буровой бригады из Мегионской нефтеразведочной экспедиции Борис Никоноров. Он заочно учился в нашем нефтяном техникуме и, приезжая на сессии в Бугуруслан, останавливался в нашем доме. Дипломный проект он защитил вместе с нами 29 мая.

Вечером, как всегда в его приезды, мы собирались в придомовом саду на лавочке и вдыхали аромат его цветения. На этот раз Борис немного задержался на телеграфе, принимая телефонные поздравления от семьи и друзей по работе по поводу успешной защиты. Придя в наш молодежный круг, он радостно и торжественно сообщил, что Мегионская геологоразведка совершила сегодня выдающееся для масштабов страны открытие: пробуренная скважина Р-1 на Самотлорской площади дала фонтан нефти с дебитом свыше 1000 тонн в сутки!

С нашей стороны прозвучало громогласное «Ура!», и мы, четверо выпускников техникума, заявили, что едем с Борисом на Самотлор. Правду сказать, такая мысль была у нас и раньше, но мы боялись ее высказать, в особенности своим родителям. Но все в свое время становится явью.

На наше «Ура!» во двор вышли родители и, узнав решение, прослезились. В их сознании не угасли еще горестные впечатления тех смутных годов репрессии, когда людей тысячами отправляли в сибирские лагеря, может быть, и навсегда. А тут добровольно молодые специалисты собрались уезжать и осваивать Сибирь. Они так же, как и мы, по рассказам Бориса знали, что в маленьком поселке Мегион из 1200 жителей 400 были условно-освобожденные заключенные, свободно проживающие и работающие вместе с геологами. Это обстоятельство настораживало, но Борис заверил, что взаимоотношения с заключенными доброжелательные, и особых конфликтов в поселке не было. Они в основном работали в тайге на лесоповале и строили из бруса дома для прибывающих на Север нефтяников.

Переселение нефтяников в перспективные регионы Западной Сибири началось массовым потоком. Открытие месторождений в районах Березово, Шаима, Мегиона, Нефтеюганска, Сургута, организация Главка в Тюмени под руководством Виктора Ивановича Муравленко, первых нефтегазодобывающих (НГДУ) и буровых управлений (УБР), отправка первой нефти баржами на Омский нефтеперерабатывающий завод (1964 г.) требовали притока на Север опытных и молодых специалистов. Все рвались в Тюмень – кто временно за «длинным рублем», кто по комсомольским путевкам, кто по направлению после окончания техникумов и вузов.

Через неделю после защиты и выдачи дипломов состоялось распределение выпускников по нефтяным регионам огромной страны. Из нашей группы механиков по нефтяному оборудованию третья часть, а это десять молодых специалистов, направлялись в Главтюменьнефтегаз (шесть), и в Главтюменьгеологию – четверо. Чтобы попасть в число первых на распределение всю ночь дежурили около закрытых дверей техникума. В первую пятерку я и попал. Не используя предоставленный после окончания техникума отдых, некоторые выпускники сразу разъехались по местам работы.

19 июня 1965 года нас, четырех выпускников техникума, с железнодорожного вокзала провожали в долгую дорогу родители, друзья детства и юности. Теперь мы вышли на самостоятельную дорогу жизни: Александр Дерягин, Юрий Ларин, Николай Гаврилов и я. В походной сумке сухой паек: кусок сала, булка черного хлеба, лук и чеснок, редиска и первые огурцы, да пара банок консервов. Еще традиционные для дороги чай и сахар. Так как занимался спортом, поместились в сумке спортивный костюм с кедами, коньки и теннисная ракетка с шариками.

Из окна поезда прощались с родными до боли местами нашего детства и юности, местами, где ходили в походы, ездили на рыбалку. Только через сто километров пути пошли незнакомые пейзажи. Сначала Башкирия и ее столица Уфа на реке Белой, Челябинск, перевалили за Уральские горы, Свердловск, и через двое суток прибыли в Тюмень. Областной центр представлял небольшой по сравнению с Куйбышевым, где мы частенько бывали на футбольных матчах команды высшей лиги «Крылья Советов», город с населением около трёхсот тысяч. Несколько центральных улиц с деревянными окраинами и строящимся микрорайоном пятиэтажных домов.

Почти сразу от центральной площади расходились старинные улочки с покосившимися домами, тротуарами из досок. Также досками были крыты крыши с растущим на них мхом и грибами. Вообще, как тогда поговаривали, «Тюмень – столица деревень».

В Главтюменьгеологии, которая располагалась на центральной улице Республики возле площади с памятником Ленину, нас распределял по экспедициям сам Эрвье Юрий Георгиевич, с Золотой звездой Героя Социалистического Труда на лацкане пиджака. Он лично разговаривал с каждым прибывшим молодым специалистом.

Я выразил желание работать в Мегионской нефтеразведочной экспедиции, что за тысячу километров строго на Север от Тюмени. Юрий Георгиевич попросил прояснить причину такого выбора. Я назвал несколько знакомых по рассказам Бориса Никонорова фамилий опытных геологов, работающих в экспедиции и открывших там нефтяные месторождения, включая самое последнее – Саянское. Спросил он и о моих родителях. Я вкратце рассказал о нашей семейной трудовой династии нефтяников, о родителях-пенсионерах, о матушке, на груди которой такая же Золотая звезда, только «Матери-героини». Он был восхищен и утвердительно произнес, что это звание достойнее, чем его звание Героя труда.

Ночевали в общежитии ГПТУ №7 – кузнице рабочих кадров для северных экспедиций.

На следующий день собравшаяся солидная группа молодых специалистов заполнила более чем наполовину автобус ПАЗик и выехала в город Тобольск. Железная дорога от Тюмени на Север только начала строиться, на самолет АН-2 (кукурузник) мест не хватило, а водным путем на двухпалубном теплоходе «Омик» было очень долго плыть. За целый день с утра до вечера добрались-таки до Тобольска, преодолевая на пароме несколько рек. От речного вокзала на высоком берегу Тобола просматривался огромный старинный каменный Тобольский кремль.

В XVI-XIX веках Тобольск был центром Сибири, присоединенный к России Ермаком. Много знаменитых личностей связано с историей древнего города: это и Менделеев Дмитрий Иванович – открыватель и создатель периодической системы химических элементов, Ершов Петр Павлович – русский писатель-сказочник, композитор Алябьев Александр Александрович, картограф и писатель Ремезов Семен Ульянович. В Тобольск были сосланы, проживали и похоронены декабристы Муравьев, Кюхельбекер, Барятинский и другие. В свое время ссыльными в Тобольске проживали Федор Достоевский и Николай Чернышевский.

Много исторических событий связано с губернским Тобольском. Более десятка раз за свою жизнь я побывал в Тобольске, и каждый раз открывал что-то новое для себя.

Рано утром на быстроходном теплоходе на подводных крыльях «Ракета» отплыли вниз по течению Иртыша дальше на Север. На полпути к Ханты-Мансийску причалили к пристани поселка геологоразведчиков и лесозаготовителей Горноправдинск.

С крутого берега от двухэтажной конторы Правдинской нефтеразведочной экспедиции под бравурную музыку марша «Прощание славянки» по тропинке мчался к пристани лихой кавказец с развивающимся от ветра черным чубом волос. От прибывших на «Ракете» местных жителей мы узнали, что это легендарный геологоразведчик-первопроходец из Азербайджана, начальник экспедиции – Фарман Курбан-оглы Салманов. Он встречал молодых специалистов, пожимая всем руки. Небольшая группа бывших студентов сошла на берег. В их числе остался работать в Правдинской нефтеразведке и выпускник нашего Бугурусланского техникума Александр Дерягин. За многие годы работы он профессионально вырос до главного механика экспедиции, а затем и до главного механика объединения «Хантымансийскнефтегазгеология».

Он заочно окончил Тюменский индустриальный институт, и в настоящее время живет и продолжает работать в городе Ханты-Мансийске.

Ну а Салманов тогда приглашал и нас оставаться в Горноправдинске, утверждая, что работы всем хватит. Сам он был большим оптимистом. Открытые им месторождения эксплуатируются и поныне, а запасов нефти в перспективной для разработки Баженовской свите хватит, по его убеждению, на сотни лет.

За эти открытия будущему начальнику Главтюменьгеологии и замминистра геологии СССР – Фарману Салманову в 1966 году присвоили звание Героя Социалистического Труда.

К Ханты-Мансийску на слиянии Иртыша с Обью подплыли поздно вечером. В маленькой гостинице на пристани всем пассажирам «Ракеты» мест не хватило. Молодежь расположилась на скамейках в зале ожидания. С берега доносилась танцевальная музыка, и мы, ориентируясь на нее, отправились по улочкам с домами из вековых стволов кедра и сосны. В березовом парке на деревянной площадке танцевала молодежь. Из репродуктора с высокого столба лилась музыка. По краям площадки стояли длинные скамейки, а в середине столбы под волейбольную сетку. Между двух берез было натянуто белое полотно для показа кино. Когда немного стемнело, скамейки были расставлены по площадке, и начался кинофильм под открытым небом.

Все просто: днем – волейбол, а вечером – танцы и кино. И это все развлечения для молодежи в окружной столице с десятью тысячами жителей, половина которых составляли местные аборигены – ханты и манси.

Сегодня, пятьдесят пять лет спустя, это современный по европейским меркам город со стотысячным населением. Местных аборигенов больше не стало, также в пределах пяти тысяч.

Подремав остаток короткой ночи на скамейках качающейся на волнах пристани, утром вверх по Оби поплыли к следующему пункту ночевки – Сургуту. День нашего прибытия в Сургут совпал с днем присвоения ему статуса города окружного подчинения – 25 июня 1965 года.

Сургут известен истории с 1594 года как казачий сторожевой форпост со времен присоединения Сибири атаманом Ермаком.

До прихода в Сургут геологоразведчиков (1957 год) местные жители занимались рыболовством, заготовкой леса, охотой, сбором даров тайги (грибы, ягоды, кедровые орехи). После открытия в 1961-63 годах нефтяных месторождений, рабочий поселок быстрыми темпами стал превращаться в нефтяную столицу Сибири. В 1964 году были созданы НГДУ и УБР, и первая нефть пошла баржами в Омск. Население составляло около двенадцати тысяч человек.

В Сургуте остался второй наш выпускник техникума – Юрий Ларин. Он прошел производственный путь от оператора по добыче нефти до заместителя начальника крупнейшего в России НГДУ «Федоровскнефть».

Наступил вечер, но в Сургуте совсем светло, и можно на улице читать газету. Продуктовые запасы съедены, и в желудке подсасывало. Единственное место, где мы могли подкрепиться, – это ресторан «Сибирь» на берегу Оби.

Ресторан нас встретил заезженной патефонной пластинкой с песней Лидии Руслановой о приглашении в далекий сибирский край Тюмени, где вас гостеприимно накормят пельменями. Ничего не оставалось делать, как заказать по две порции сибирских пельменей с уксусом и перцем. В ожидании заказа мы любовались из окна на просторы разлившейся в половодье широкой Оби. За полночь, все так же светлую, мы вернулись на пристань, где на этот раз в гостинице достались спальные места. Утром предстоял последний этап нашего приближения к Самотлору – в рабочий поселок Мегион.

Наконец-таки 26 июня, на восьмой день дороги, к вечеру мы с Николаем Гавриловым прибыли на место назначения нашей работы. На берегу протоки Оби Мега стояла символическая буровая вышка – макет с надписью на ней – 48000 метров. Это был годовой план проходки разведочных скважин для четырех буровых бригад – шестнадцать скважин глубиной 3000 метров каждая. Тут же рядом двухэтажная контора Мегионской нефтеразведочной экспедиции. В конторе находился только один радист, отстукивающий морзянкой суточную сводку ведения разведочных работ в Главк.

Он предложил переночевать в конторе на лавке, предупредив, что в поселке свободно находятся заключенные. То ли напугать нас хотел, то ли остаться с нами коротать ночь и услышать новости с «большой земли». Мы вышли с Николаем на крыльцо. Он курил, а я как-то и не научился: занятия спортом в техникуме не позволили. От пристани шла, нагруженная отпускными вещами, семья бурового мастера Малыгина Семена Лукича, с которым мы познакомились в «Ракете» по пути следования. Мы были налегке и предложили им помочь. Жили они недалеко от конторы в отдельном рубленном из толстых бревен доме. Семен Лукич и Мария Федоровна – его супруга, оставили нас на ночевку.

- А заключенных не бойтесь, – сказал Малыгин, – если к ним с доброй душой, то и они к вам отзовутся добром.

На лежанке-топчане, откидывающимся от стенки на ночь к русской печке, мы вместе с младшим Малыгиным – Сережкой спали без задних ног. Через пять лет я с Сергеем Малыгиным начали грызть гранит науки, учась в Тюменском индустриальном институте.

В семь часов утра прибыли в контору экспедиции. Несмотря на то, что рабочий день начинался в восемь, уже в шесть утра принималась сводка с объектов работ – скважин, а в 06.30 начиналась ежедневная планерка у начальника. В комнате за длинным столом сидели трое мужчин, склонившихся над геологической картой Самотлорского месторождения и размотанными по столу каротажными диаграммами-лентами. Стройный интеллигентный (при галстукe), на вид лет сорока, мужчина горячо что-то доказывал сидящему во главе стола начальнику экспедиции. Нам он предложил присесть на расположенные вдоль стены стулья. Мы с Николаем, оробев, слушали немного понятный для нас геологический сленг. Через несколько минут, закончив полемику принятием конкретного решения, они представились нам с пожатием рук. Горячо отстаивающий свою позицию был главным геологом – Модест Федорович Синюткин.

Моложавый круглолицый крепыш – начальник производственного отдела Степан Леонидович Каталкин и начальник Мегионской нефтеразведочной экспедиции – Владимир Алексеевич Абазаров.

Абазаров после окончания в 1954 году Грозненского нефтяного института работал в Краснодаре, Волгограде, а с 1960 года главным инженером Березовской геологоразведочной экспедиции.

После открытия Мегионского месторождения нефти (21 марта 1961 года) участок бурения на Багресе был выделен из состава Сургутской НРЭ и 25 декабря 1961 года приказом по Главгеологии РСФСР преобразован в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. Начальником МНРЭ назначили Абазарова, главным геологом Синюткина, а главным инженером Позднякова Петра Степановича.

В кабинете начальника состоялась короткая беседа с корифеями геологии, открывшими не одно месторождение нефти, в том числе месяцем раньше и Самотлорское, за что позднее всех наградили высокими правительственными наградами: Абазарова В.А. – орденом Ленина и Ленинской премией, Синюткина М.Ф. – орденом Ленина, Каталкина С.Л. – орденом Трудового Красного Знамени.

Добрые слова напутствия от них – и мы уже в отделе кадров. Начальник заполнила анкету, забрала дипломы и при нас закрыла их в железном сейфе. «Чтобы не потеряли», – сказала она с усмешкой.

Этот жест кадровика стоил мне пяти лет ожидания права на поступление в институт. А как хотелось быстрее получить высшее образование, не отставать от старшего брата Анатолия, закончившего Московский институт нефти и газа имени Губкина И.М. и работавшего механиком в соседней Сургутской нефтеразведочной экспедиции.

Поступив в распоряжение главного механика Капиша Абраева, поспешили поселиться в общежитии – одноэтажном здании барачного типа из бруса. Комната четыре на пять метров с двухъярусными железными кроватями на восемь человек, стол, четыре тумбочки, четыре табуретки, вешалки на стене для рабочей и повседневной одежды. В углу умывальник с ведром. Холодный туалет на улице в пятидесяти метрах от общежития. От первого впечатления меня охватило унылое настроение, которое сразу же развеял молодой специалист – геолог Валентин Гавриков. Он приехал неделей раньше после окончания Львовского политехнического института. Сын военного полковника, культурный, воспитанный, владеющий английским и умением музицировать на пианино, он создавал в нашей комнате такую простую и душевную атмосферу, что забывались все трудности вдали от родного дома. Позднее Гавриков Валентин Андреевич стал опытным геологом, генеральным директором объединений «Мегионнефтегаз-геология», «Новосибирскнефтегазгеология». Север для таких людей интеллектуального склада ума (его жена Джемма Михайловна – начальник геологического отдела) был серьезным и тяжелым испытанием. Они прожили недолгую, но яркую, как комета, жизнь и рано ушли из нее почти одновременно (в 47 лет), как два лебедя, не живущих поодиночке.

Их именем названо одно из месторождений нефти – Гавриковское. Валентин Андреевич за громадный вклад в открытие месторождений награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», многими другими знаками и медалями, в том числе самым почетным для геологов – «Первооткрыватель месторождения».

После общения с Валентином, как на крыльях, полетел в ремонтно-механические мастерские, где Капиш Абраев определил меня в звено слесарей-ремонтников бурового оборудования под опеку механика Анатолия Кузменкина.

Капиш Абраев – участник Великой Отечественной войны, вырос как практик от дизелиста до механика, а после окончания курсов механиков по машинам и оборудованию работал в нефтеразведках инженером-механиком. При создании Мегионской НРЭ был назначен главным механиком.

Зимой 1965 года руководил работами по прокладке дороги на Самотлор и завозу туда первой буровой установки на скважину – первооткрывательницу месторождения.

Первые летние месяцы в мехцехе я, слесарь четвертого разряда, ремонтировал буровое оборудование, крутил гайки, болты и винты ключами от 9x11 мм до 55x65 мм с рычагом в три метра. Особенно потрудился на ремонте старых буровых насосов У8-3, весом под двадцать тонн. Запчасти этого насоса, находящегося под открытым небом, приходилось поднимать талькой-полиспастом грузоподъемностью полторы тонны, установленной на треноге. Опыт этой работы бесценен. Мы научились изготавливать кустарным способом электроды для сварки металла. Почему-то всегда в нефтеразведке, особенно монтажникам, не хватало заводских электродов. Делалось это по рационализации местных умельцев таким способом: рубили из проволоки-катанки диаметром 5-8 мм пруты длиной 40-50 см. Из зубного порошка (его завозили на Север с избытком для предупреждения кариеса и цинги) с добавлением мела готовили густую пасту. Несколько раз для образования толстого слоя опускали туда прутья и ставили вертикально под солнышко сушить. Длительный процесс занимал целую неделю, но электроды выходили вполне подходящие для сварки не особо опасных конструкций и трубопроводов с малым давлением.

Два раза со звеном ремонтников выезжали на скважину Ватинского месторождения, куда была летняя дорога по гривкам (сухим местам) вдоль протоки Мега. Но я же ехал в Сибирь – работать на Самотлоре, и не терпелось скорее попасть на первую скважину, где требовался ремонт оборудования перед бурением второй скважины. Но не тут-то было: близок локоток, да не укусишь. Все работы на Самотлоре были «законсервированы» до наступления холодов и прокладки по неприступным болотам зимней дороги. До наступления холодов речники на баржах из Тюмени, Новосибирска старались как можно больше завезти единственным речным путем оборудование, трубы, материалы (цемент, глина, химреагенты) и ГСМ для работы в зимних условиях до наступления следующей речной навигации. Продукты тоже завозили по воде на целый год.

Так что осенью мы почти месяц вместе с конторскими работниками трудились на разгрузке барж и складировании. Перелопатили, правда, без лопат, десятки тонн картофеля, капусты, свеклы, моркови, лука и чеснока.

Но самое тяжелое – это разгрузка и складирование в холодных сараях из горбыля цемента, глины и химреагентов. Все это было в мешках весом от 30 до 50 кг. Плечи и поясницу ломало от такой работы, а ноги отказывались идти от баржи в гору на склад.

Кряжистые сибиряки-буровики подбадривали нас – молодых неоперившихся мышцами специалистов, показывая силу, выносливость и сноровку. Некоторым (запомнилась фамилия кузнеца-молотобойца – Русских) клали два мешка цемента по 50 кг каждый на спину, и они шли вверх по склону до склада без отдыха. Капитаны и моряки с катеров и барж торопили нас и сами вставали гуськом на разгрузку. Надо было до ледостава, иногда по шуге, уйти с Севера назад до места базирования флота. Бывало, из-за ранней зимы груженные баржи не доходили до потребителя, вмерзая в лед, и уже позднее, по зимним дорогам тракторными обозами доставляли груз до места назначения.

Резко континентальный климат и на сей раз застал врасплох речников. Наступила ранняя зима. К середине октября Обь встала, но геологи были довольны – можно раньше накатывать зимние дороги, которые откроют доступ к точкам заложения поисковых и разведочных скважин. Самотлор был в окружении топких болот. К концу октября первые легкие вездеходы на гусеничном ходу типа ГТТ доставили нас – звено ремонтников бурового оборудования – на скважину Р-1 Самотлорского месторождения. Вышкомонтажникам предстояло демонтировать буровую установку и перетащить ее на другую точку – скважину Р-9 Самотлор. Мы же – слесари совместно с механиком Анатолием Михайловичем Кузменкиным приступили к ремонту оборудования: насосов, дизелей, компрессоров, редуктора. Паровой котел запускали только на время бурения, и нам приходилось дикое железо немного подогреть паяльными лампами и тряпочными факелами, смачиваемыми в солярке. В труднодоступных местах маленькие болты и гайки наживляли голыми руками. Пальцы обжигало морозом, и кожа сходила с них. Мой отец – механик, еще в детстве обучал нас с Володькой разбирать и собирать моторный велосипед, затем мотороллер, а в шестнадцать лет мы уже могли ремонтировать двигатели и дизель с передвижной электростанцией. Такие же дизели, только V-образные с двенадцатью цилиндрами, приводили в движение механизмы буровой установки 5Д. У них часто прогорали выхлопные коллектора, и нужно было заменять их на новые. Трудно было отвернуть их пригоревшее крепление, не сломав ввернутых в головку блока цилиндров винтов. Еще труднее было наживить и закрутить гайки на 14 мм, находящиеся в труднодоступном для пальцев месте.

И все это на морозе. Пригоревшее резьбовое соединение перед отворотом смачивали керосином. Для более быстрого ослабления ржавой и пригоревшей резьбы отец научил нас отмачивать ее уксусной эссенцией. Зная эту тонкость, я взял с собой из поселка вместе с продуктами и бутылку уксуса. Дело пошло быстрее, за что меня похвалил Кузменкин. Такое новшество стоило жертв – заживающая кожа пальцев вторично сошла на нет.

Трудностей хватило с лишком. Холода и работа на продуваемом ветрами болотном Самотлоре заставляли тепло одеваться, отчего работать было неловко: становился неуклюжим, как Карлсон из мультфильма. Если одевались налегке, то мерзли и простужались. Жили в рубленых вагончиках, заготавливая сухостой для топки буржуйки. Спали на деревянных нарах в ватных спальниках.

Утром первому пробудившемуся полагалось растапливать буржуйку. Для ускорения на дрова плескали солярку или наливали ее в пустую консервную банку и ставили в печку.

Шум горящей в банке солярки будил остальных. Столовые-котлопункты в те годы еще не ввели в штатное обслуживание на объектах работ. Продукты на неделю, а то и больше, везли с собой в рюкзаках. Семейные геологи брали с собой из дома картошку и замороженное свежее мясо. Мы же, общежитские, затаривались банками тушенки, колбасного фарша, консервов и сгущенного молока. Хлеб брали впрок и хранили его на улице, подвешенным к стенке вагончика. Чтобы хлеб остался целым, заворачивали в мешковину, иначе белки, сороки и особо наглые птицы – кедровки (мы их называли ронжами) съедали наши запасы. К вечеру обязательно топили баню и парились пихтовыми, без смолы, вениками. Мужички, особенно монтажники, допоздна резались в карты – в преферанс или в хrap на деньги.

Рыбаки вязали сеть и провязы, готовя снасти к лету. Я в техникуме занимался спортом под руководством тренера. Физическая закалка и мышцы требовали поддерживать тонус нагрузки. По заснеженному льду озера Самотлор (буровая Р-1 стояла на берегу) вечерами после работы ходил на охотничьих лыжах.

На следующий заезд через неделю взял с собой коньки, расчистил лопатой от снега небольшой в 400 метров круг и по льду озера накручивал километры тренировок. Перед сном залезал в спальник на верхнюю полку и штудировал математику и физику, готовясь поступать в институт следующим летом. Почитывал и соответствующую литературную классику. От такой работы и здорового образа жизни на обдуваемом ветрами Самотлоре больше часа занятий с учебниками не выдерживал и отключался в беспробудный сон.

Закончили ремонт оборудования буровой установки уже на новой точке – скважине Р-9, что в пяти километрах от Р-1.

Заехавшая на скважину буровая бригада мастера-первооткрывателя Самотлора Григория Ивановича Норкина при нас запустила силовые агрегаты-дизели буровой установки. Мастер и дизелисты выразили благодарность нам за качественный ремонт и пригласили меня работать в составе своей бригады.

В следующем 1966 году я стал работать дизелистом в буровой бригаде, но только не Норкина, а Малыгина Семена Лукича.

В Мегионской экспедиции было всего четыре буровых бригады: ещё мастера Хафизова Фаата Закиевича и комсомольско-молодежная бригада Курбатова Анатолия Ивановича.

Первые три бригады возглавляли опытные буровики-практики, прошедшие годы работы, начиная с буровых рабочих и помбуров и окончившие краткосрочные курсы буровых мастеров.

Самый молодой, тридцатилетний Анатолий Курбатов, с восемнадцати лет в бурении. Работая бурильщиком в Шаиме в составе буровой бригады мастера Урусова Семена Никитича, стал первооткрывателем Тюменской нефти – 20 июня 1960 года дала промышленную нефть скважина Р-б Мулымьинской площади. Курбатов А.И. учился заочно и окончил Саратовский нефтяной техникум, а затем и Тюменский индустриальный институт. Опытный инженер-буровик, он много лет находился на острие геологоразведки, три года работал в заграничной командировке в ГДР, участвовал в ликвидации аварий и открытых фонтанов нефти и газа на многих месторождениях Тюменской области.

Каждая буровая бригада отстаивала своим трудом и высокой квалификацией право бурить скважины на Самотлоре. Это являлось большой ответственностью за порученное дело, дисциплинированностью в соблюдении технологии бурения и техники безопасности.

Долгая дорога на Самотлор окупилась сторицей – месторождение стало самым крупным в СССР. А начиналось все не так просто. Первопроходцам во все времена великие открытия давались нелегко. И только оптимизм, вера и знания на практике приводили к победам.

## ЛОБОВАЯ АТАКА НА САМОТЛОР.

Тридцать лет до великого открытия ходили вокруг да около Самотлора. Географическое название Самотлор на картах обозначало неглубокое (1-3 метра) озеро в длину двенадцать и в ширину восемь километров. Среди местного населения оно считалось гиблым местом, «мертвым озером»: даже рыба в нем не водилась. Подступы к нему – сплошные болота, которые в зимнее время, покрытые снегом, не промерзали и были недоступными для прохождения тяжелой техники.

По инициативе академика Губкина Ивана Михайловича, научно обосновавшего наличие нефти в Западной Сибири, от треста «Востокнефть» из Уфы в район Средней Оби в 1934 году была направлена для проведения изыскательных буровых работ геологоразведочная экспедиция. Работами этой Обь-Иртышской экспедиции вплоть до войны руководили Васильев Виктор Григорьевич, Гуголь Родион Фомич и Домбровский В.Ф. Ручным способом бурили неглубокие (до 50 метров) скважины, которые подтвердили выходы следов нефти, но требовались детальные геологоразведочные работы на большие глубины. Планомерный поиск начался в пятидесятые годы, когда были начаты бурением первые глубокие опорные скважины. Тяжелое буровое оборудование ставили на доступных местах около рек. В 1951 году самая близкая к Самотлору скважина (около 100 км) бурилась на берегу Оби в селе Покур под руководством бурового мастера из Колпашево Лагутина Виктора Павловича. При забое 2360 метров произошла авария с трубами. Скважину, не добурив, ликвидировали. Результатов не получили.

Геологоразведчики вернулись в Среднее Приобье только после открытия газовых месторождений в Березово. От Сургутской нефтеразведки, совсем недалеко (около 30 км) от Самотлора, в поселке Баграс 21 марта 1961 года из скважины №1 Мегионской площади, пробуренной бригадой мастера Норкина с глубины 2125 метров был получен мощный фонтан нефти дебитом 288 тонн в сутки. Это была первая промышленная нефть Среднего Приобья.

Буровая партия на Баграсе, которой руководил фронтовик Высочинский Иван Яковлевич, в конце 1961 года была преобразована в Мегионскую нефтеразведочную экспедицию, начальником которой назначили Абазарова Владимира Алексеевича.

С 1962 года начал благоустраиваться рабочий поселок Мегион – плацдарм наступления на неприступный Самотлор. На подступах к Самотлору, за период 1962-65 годов были открыты Ватинское, Мыхпайское, Аганское, Северо-Покурское месторождения нефти.

Этим открытиям предшествовала огромная работа полевых топографических и сейсмогеофизических отрядов и партий. Изученность разрезов земной коры данными полевой сейсмогеофизики была слабой. В пятидесятых годах эти работы проводились под руководством геофизического треста из Новосибирского, а с 1959 года из Тюменского геологического управления.

С января 1965 года в Среднем Приобье геофизика была приближена к месторождениям с организацией геофизического треста в Ханты-Мансийске. Первыми топографическими отрядами и геодезической партией ГП-49 в Сургуте руководил Гомберг Александр Иосипович, начинавший работать еще в 1951 году после окончания Саратовского геологоразведочного техникума. С 1976 года по совместной работе я знаком с Александром Иосиповичем и его полевыми топографами, трассировавшими для нас буровиков дороги по зимникам и отбивавшими точки заложения скважин на местности в тайге. И только при выходе на заслуженный отдых в 1998 году я увидел на его парадном мундире ордена, медали и знаки отличия. Вот такой он - скромнейший по жизни, знающий и безотказный в работе, интеллигентный человек и образцовый семьянин, всегда неунывающий, с широкой улыбкой и прищуром из-под очков глаз.

Топографическая съемка – это отображение поверхностного рельефа местности с указанием географических координат по широте и долготе в градусах и отбивка высот по отношению к уровню моря. Этим занимается Гомберг и геодезические отряды топографов (Туговиков В.А., Устюжанин Н.В., Куренной Н.М., Бондарь А.Д., Долгушин С.А., Кирьянов Д.Н., Петров Г.В.).

В непроходимой тайге, на болотах, через озера и реки они прокладывали просеки – сейсмопрофили. Эти просеки должны быть идеально прямыми, независимо от рельефа местности. С топорами и ручными пилами (позднее бензопилами) на оленьих упряжках или пешком, в избушке за трактором или гусеничным тягачом-болотоходом, а то и выброшенные десантом из гидросамолета или вертолета, работники топографических партий пробивали прямые, как стрела профили, неся на себе треноги, теодолиты и рейки. С собой же несли палатки, спальники, запас продуктов питания, рацию с аккумулятором в таежной глуши, где медведь – хозяин, снаряжались карабином или ружьем за спиной.

Такие работы на Самотлоре провели в зимний период 1962-63 годов. Затем по заболоченной на 90% территории Самотлорской площади (первоначально без месторождений спутников общей площадью 32x40 км) в зиму 1963-64 годов на подготовленные профили вышли сейсморазведчики. Путем зондирования земной коры, чтобы получить контуры залегания песчаных пластов, к которым в основном приурочиваются залежи нефти, необходимо на поверхности проводить большие объемы работ. Сейсмоволна от источника колебания, уходя вглубь земли, отражается от залегаемых пород обратно, улавливается датчиками, преобразуется и записывается осциллографом на ленте-диаграмме или проявляется на фотоленте. По этим данным интерпретаторами (специалистами по обработке диаграмм) строится структурная карта высот залегания предполагаемого нефтяного пласта.

Нефть или газ, как правило, залегают в верхней купольной части пласта. В этой-то части геологи стараются отбить точку на поверхности и завезти на это место буровую установку.

Сейсморазведочная партия Кабаева Леонида Николаевича и входящие в нее отряды В.А. Шагандина и М.Н. Черкасова в зиму 1963-64 годов проводили конкретные работы по выявлению поднятия на Самотлорской площади. Материалы детализированы и подготовлены к глубокому бурению интерпретаторами Ю.П. Селивоником, В.А. Туговиковым и С.В. Бурдиной.

Все топографические и сейсморазведочные работы в Среднем Приобье велись под руководством Ханты-Мансийского геофизического треста. Первый управляющий трестом – Евгений Васильевич Сутормин, погиб в авиакатастрофе. Его именем названо месторождение нефти – Суторминское. Главным инженером треста позднее стал Леонид Кабаев.

За открытия крупных месторождений Кабаеву Л.Н. в 1970 году присуждена Ленинская премия, и он награждался орденами и медалями за производственную деятельность с 1958 года, после окончания Киевского университета. С 1995 года он – создатель и директор музея геологии нефти и газа в Ханты-Мансийске.

Леонид Кабаев был и геофизиком, и лириком. Он писал стихи – смелые и прямолинейные, как просека в тайге, не имеющая права огибать препятствия. Мне приходилось работать по его талантливым заключениям о тектонике (строении неустойчивых пород на глубине), так необходимой для безаварийной проводки скважины. Читал и сборник его стихов, не менее талантливый.

По установленной методике поисково-разведочных работ первую скважину Р-1 предстояло бурить в самом центре структуры, то есть в наивысшей точке купола пласта. Все данные сейсмиков говорили, что здесь центр огромного купола, под которым прячется «Нефтяное море».

В конце ноября 1964 года геологи Мегионской НРЭ комиссией в составе главного геолога Синюткина, начальника производственного отдела (ПТО) Ананьева Николая Петровича, начальника вышкомонтажного цеха (ВМЦ) Васякина Василия Сергеевича, топографа Бондаря Афанасия Дмитриевича, прибыли на легком гусеничном вездеходе ГАЗ-47 к месту предстоящего бурения скважины. Тяжелую буровую установку на этом месте ставить было нельзя из-за сильной заболоченности. Пришлось выбрать точку в другом месте между самим озером Самотлор и одним из безымянных озер поменьше. Первый штурм Самотлора решили начать напрямую из Мегиона по кратчайшему пути.

Работы по прокладке первой зимней трассы поручили опытному специалисту-практику Капишу Абраеву, который и возглавил колонну вездеходов, бульдозеров, тракторов с тяжелым оборудованием. Болота, покрытые обильным снегом, не промерзли даже в самые сильные морозы. Техника увязла в непроходимых болотах, несколько единиц просто утонуло. Отряд был вынужден повернуть назад, обойдясь без жертв.

В период подготовки и празднования Нового 1965 года, несмотря на праздничное настроение, начались мучительные поиски другого надежного пути к цели, и выход за месяц был найден в обход, то есть окружным путем в три раза длиннее (около 100 км), но он был гарантированным. Тем более мороз в декабре и январе, самых низкотемпературных месяцах, сковал труднопроходимые подступы к Самотлору.

В конце января 1965 года начался второй штурм Самотлора. Постоянную связь с передовым отрядом Капиша Абраева держали по полевой радиации. Трасса шла вдоль протоки Мега до районного центра – поселка Нижневартовский, затем сворачивала вправо вдоль реки Вах, удаляясь от намеченной цели, и только в конце резко уходила влево по гривкам (сухим хантыйским оленьим тропам) к Самотлору.

Каждый километр пути преодолевался ценой огромных усилий. Более тридцати раз проваливались трактора, которые приходилось вытаскивать из болота двойной, а то и тройной тягой. Лопались, как струны на гитаре, 28-миллиметровые стальные буксировочные троса. Но люди выдержали! За 36 дней пройдено сто пять километров, причем последние двадцать километров подступа к Самотлору были пройдены за 25 дней.

Вышка, тяжелое оборудование, материалы и ГСМ для бурения скважины были завезены на место. Дело бы сделано! К концу марта вышкомонтажная бригада Кузякова закончила строительство буровой. Один из участников штурма Самотлора сварщик-вышкомонтажник Сергей Мельник, с которым я жил в одной комнате общежития и дружил на основе совместных занятий спортом, рассказывал мне летом 1965 года: «Всю зиму в течение четырех месяцев жили в передвижных за трактором рубленых вагончиках на санях – деревянных полозах.

Обогревались избушки буржуйками-печками из труб большого диаметра. Вытяжная труба поменьше. Печки топились постоянно, за исключением ночных 5-6 часов, чтобы не угореть во время сна. За ночь тепло прочь выдувало, и из приоткрытых спальников утром исходило паровое облачко от дыхания. Первый проснувшийся закладывал несколько заготовленных с вечера полешек сухостоя, плескал на них пару консервных банок солянки и под гул нагревающейся буржуйки просыпались остальные.

Продукты завозили с собой в рюкзаках на несколько дней. Столовые-котлопункты на объектах работ в то время еще не применялись. Тут же на буржуйку ставили банки с тушенкой, колбасным фаршем, консервами рыбы (фрикадельки в томатном соусе). Пока уничтожалось содержимое в банках, поспевал и круто заваренный чай. Для калорийности чай разбавляли сгущенкой. Бутерброд с маслом и сыром венчал утреннюю трапезу геологов. В обед у холостяков то же самое, только плюс шматок сала с луком или чесноком. Семейных же жены снабжали в длительный таежный поход приготовленными и замороженными пельменями.

Раз в неделю посылали гонца-закупщика в поселок для пополнения продуктов и свежего хлеба. Также привозил он свежие новости, письма и газеты, Привезённый провиант на наличие спиртного проверял сам начальник отряда Капиш Абраев. На рабочем месте был «сухой закон», но все равно вечером продуктового дня после работы некоторые были изрядно под хмельком. Закупщик, хоть и трезвенник, не доезжая до привала отряда, прятал спиртное в укромном месте в снегу под корягой на обочине. Один раз Капиш проехал по трассе обратно и по следам на снегу, как настоящий охотник, унюхал в скрадке рюкзак со спиртным. Устроил, конечно, разборку на следующий день и сменил заготовителя.

Ну а на Новый год, оставшимся на трассе геологам сам начальник экспедиции Абазаров – большой поклонник армянского коньяка – привез ящик, правда, краснодарского коньяка (Абазаров родом из Краснодарского края). Полевики-геологи встретили Новый год хороводом вокруг наряженной консервными банками, растущей елки, под фейерверк выстрелов из ракетницы. После обеда первого января продолжили путь к Самотлору».

### БУРОВИКИ САМОТЛОРА.

Первую разведочную скважину Самотлора Р-1 доверили бурить бригаде бурового мастера Норкина Григория Ивановича. Слава везения Норкина как первооткрывателя нефтяных месторождений была на слуху геологов Тюмени.

Начиная с 1961 года этой бригадой было открыто три месторождения нефти: Мегионское, Северо-Покурское и Аганское. Доля везения в геологическом поиске, конечно, присутствует, но, во-первых, необходим опыт, интуиция, основанная на долголетней практике ведения буровых работ. Всем этим обладал Григорий Иванович, начавший работать дизелистом в Саратовской конторе бурения в 1948 году. А до этого он прошел с боями путь от Москвы до Берлина танкистом, контрразведчиком группы «СМЕРШ», оперуполномоченным Советских войск в Германии (1945-1948 год).

Он 1914 года рождения, до войны – колхозник, председатель колхоза «Красный промысловик» в Томской области. С 1937 года служба в Армии курсантом, старшиной мотопехотного полка в г. Благовещенск до самой войны. После окончания курсов буровых мастеров (1951 г.) он руководил бригадами в Кузбассе и Колпашево, а в 1959-ом он вместе с бригадой переехал в Мегион. На то время он был самый возрастной и многоопытный буровой мастер Тюменьгеологии. И не зря ему поручали бурить самые первые и наиболее ответственные скважины на новых перспективных нефтяных площадях.

Норкин и его буровики первыми в Среднем Приобье на Мегионской площади 24 марта 1960 года закончили бурение Р-1 глубиной 2754 метра, которая при испытании верхнего объекта в интервале 2178-2175 м только 21 марта 1961 года (через год после бурения) дала фонтан чистой нефти в 200 тонн в сутки. А ведь буровая бригада Норкина Г.И. и в целом мегионские геологоразведчики могли стать первооткрывателями всей тюменской нефти. Лавры первооткрывателей тюменской нефти достались буровой бригаде из Шаимской НРЭ Урусова Семена Никитича, получившей первую промышленную нефть 300-500 тонн в сутки 20 июня 1960 года со скважины Р-6 Трехозерной площади.

Задержка испытания скважины Р-1 Мегионской произошла из-за несвоевременного обеспечения материалами и трубами (насосно-компрессорные трубы – НКТ) из Новосибирска в конце 1959 года – начале 60-го в связи с передачей в это время всех геологоразведочных работ в Среднем Приобье из подчинения Новосибирского управления в состав Тюменского территориального геологического управления (ТТГУ), которым руководил Эрвье Юрий Георгиевич.

Да еще когда завезли НКТ из Тюмени и начали испытание бригадой мастера Липковского Евстигнея Федоровича, допустили аварию, и нижние пласты пришлось изолировать цементом с оставлением на забое 112 метров труб. К испытанию верхних пластов вернулись только в следующем году. К тому времени поезд первооткрывателей тюменской нефти уже ушел к Шаиму, к Урусову С.Н.

Такова она – геологическая удача первопроходцев, за которой стояли живые люди того времени: бурильщики бригады Норкина – Фаат Закиевич Хафизов, Михаил Алексеевич Литвиненко, Евстигней Федорович Липковский, Васечко Г.Р., помощники бурильщиков – В. Пендик, М. Семаков, А. Натейкин, Г. Хакимов, дизелисты – И. Терлеев, Г. Степанов. Не оставались в стороне руководящие ИТР – старший инженер по бурению Жемчуг Юрий Иванович и геолог Темиров Амет Бореевич. Жемчуг и Темиров – ветераны, участники Великой Отечественной войны.

В начале апреля бригада Норкина Г.И. забурила скважину Р-1 Самотлор. Как обычно по сложившейся в бригаде традиции, первые метры проходки дала вахта самого опытного и надежного бурильщика – Литвиненко Михаила Алексеевича. Молодые члены вахты именовали его папа Миша или батя. Так называли его не только за почтенный возраст за пятьдесят, но и как достойного и примерного семьянина. Три сына пошли по его стопам, стали высококлассными специалистами-буровиками. Три дочери пошли в мать-педагога. Со средним сыном – Владимиром я два года работал в бригаде бурового мастера, Героя Социалистического Труда Малыгина Семена Лукича.

Сначала Владимир – дизелист, старший дизелист, а после окончания заочно нефтяного техникума он много лет работал буровым мастером. Последние годы трудовой деятельности по состоянию здоровья он был председателем профкома геологов города Мегиона. Постоянная, в течение долгих лет, работа в полевых условиях сказывается на здоровье, да и медведь его ломал на Самотлоре.

Был такой случай с ним при нашей совместной работе на Самотлоре. Владимир – коренной сибиряк, как и его родители, был склонен к охоте. Еще в детстве и юности, живя в Колпашево и Нарыме, ходил в тайгу на пушного зверя, а летом на дичь. Была у него и охотничья собака – лайка Люська. Весной Люська недалеко от буровой выследила медвежью берлогу. В очередной раз, как стало потеплее, Владимир отправился на токовище глухарей. Люська, конечно, рядом. Перед подходом к токовищу Владимир зарядил одностволку патроном с дробью №3 на глухаря. Как всегда, Люська бежала впереди. На глухарей она не гавкала, чтобы не спугнуть заранее с проталин, где они набивали зоб мелким галечником, а тут залилась непрерывным лаем.

Владимир подумал, что она взяла соболя и, подойдя ближе, увидел берлогу и вылезавшего оттуда громадного медведя. На перезарядку ружья времени не оставалось, и Владимир выстрелил в медведя. Медведь взревел еще сильнее и, отбиваясь от хватающей его Люськи, все же накрыл охотника. Извернувшись, Владимир успел выхватить из ножен тесак, вонзил его в брюшину медведя и распорол внутренности. Люська, не переставая, набрасывалась на медведя, отвлекая его от основного врага – человека. Владимир еще несколькими ударами ножа прикончил медведя, который оказалась медведицей. В берлоге находились два маленьких медвежонка. С ними Владимир и вернулся поцарапанный и с помятыми костями на буровую. Два маленьких медвежонка поместились в рюкзаке за плечами. Медвежат взял на воспитание бригадир вышкомонтажников Кузяков Александр. Он построил для них в Мегионе возле дома во дворе сараишку с металлической решетчатой дверью. Выросли они быстро, а вот воспитанию не поддавались, и Кузяков передал пестунов (молодых медведей) в Тюменский зоопарк.

Без ружья не обходились геологи в тайге. Вот и я частенько после вахты брал у Лукича (Малыгина) малокалиберную винтовку и со свистком ходил на рябчика. Глупая птица, не медведь же, подлетала на свист к самым ногам. Зато вкуснейшая похлебка из рябчиков. Когда ел, вспоминал стихи Маяковского из голодного детства: «Ешь ананасы, рябчиков жуй! День твой последний приходит, буржуй!».

Ну а рабочие дни на буровой Григория Норкина шли своим чередом. При глубине скважины 1600 метров она начала проявлять беспокойство и тревогу буровиков. В растворе, особенно после спускоподъёмных операций для смены очередного долота, появлялись радужные пленки нефти и пузырьки газа. Скважина как бы пульсировала на грани аварийного выброса и возможного открытого фонтана нефти. Норкин был постоянно в напряженном состоянии, сутками без сна не отходил от ее устья. Зайдет на час-два в теплую котельную, бухнется на матрац, не раздеваясь, и, толком не выспавшись, как очумелый, снова несется к устью, к выходящему из скважины раствору, затем на пульт бурильщика.

Через каждые четыре часа выходил по радиации на связь с конторой экспедиции. Специалисты во главе с начальником Абазаровым давали советы и рекомендации по соблюдению техники безопасности и технологии проводки скважины до проекта. Норкин прислушивался к советам, но, как «профессор» своего дела, находясь на скважине, больше прислушивался к ее недрам, как врач к сердцебиению. Не зря один из вариантов перевода с хантыйского «Самотлор» называли «Сердцем озер». Если буровые вахты проводили смену рабочего режима, чередуя четыре дня полевой работы с четырьмя днями отдыха в Мегионе, то буровой мастер месяц безотлучно находился на скважине, пока не добурили её до проекта и не закрепили обсадной колонной труб. Контроль за технологией проводки скважины и непосредственное участие в работе бригады принимали инженеры-буровики: Каталкин Степан Леонидович и Коломасов Владимир Иосифович.

Они постоянно, чередуясь еженедельно, находились на скважине от забурки до ее окончания в конце марта. Выедут домой в Мегион на несколько дней, сделают производственный отчет, заготовят для молодых жен с малыми детьми дров для отопления, воды наносят из проруби на протоке Мега, закупают продуктов для семьи и себя на неделю и снова торопятся на Самотлор к скважине. У обоих только-только родились малые детки – у Коломасовых дочь Оленька, у Каталкиных сын Игорек. Оба первенцы в семьях, привыкающие в основном расти под опекой матерей – жен, постоянно находящихся в тайге отцов-буровиков. Они достойны поименного увековечивания как покорители-первопроходцы Самотлора из бригады Григория Норкина: бурильщики Михаил Алексеевич Литвиненко, Геннадий Владимирович Меджевский, Фаат Закиевич Хафизов, Евстигней Федорович Липковский; помощники бурильщика Михаил Симаков, Анатолий Тарасов, Константин Дулов, Алексей Федосов; дизелисты Марс Хафизов, Борис Никоноров, Владимир Литвиненко, Владимир Пехота; тракторист Николай Васякин...

С целью определения интервалов залегания продуктивных пластов и их характеристик, промыслово-геофизические исследования на скважине Р-1 проводил отряд под руководством Павла Марковича Ключана, а интерпретировала каротажные диаграммы инженер-геофизик Жанна Сысоева.

Радиоактивный каротаж (РК), нейтронный (НК), гамма-гамма каротаж, то есть работы, связанные с вредными для человека изотопами, проводил отряд Олега Галыго. Мне приходилось с ним общаться как по работе, так и по совместным занятиям лыжным спортом и участием в соревнованиях районного и областного масштабов. Он вместе с супругой Галиной приехали работать в Мегион после окончания Львовского института в начале 60-х годов. Частенько мне приходилось по дороге на буровые (или с буровой) автотранспортом, вертолетом или по воде на катере помогать в переноске свинцового контейнера весом под восемьдесят килограммов с радиоактивным элементом. На скважине начальник отряда при вытаскивании из контейнера элемента (цилиндрика диаметром 1 см и длиной 5 см) и установке его в прибор, спускаемый на кабеле в скважину, просил всех отойти на безопасное расстояние. Сам же подвергался облучению небольшой дозой радиации. Но это происходило по жизни многократно, и радиация постепенно накапливалась в организме.

Несмотря на молодость, а Олегу было немного за тридцать, он болел малокровием и был уже лысоват, но не мог расстаться по советам врачей со своей профессией и образом жизни на Севере. Впоследствии он все-таки был вынужден вернуться на Украину, но было уже поздно. Он скончался, прожив короткую, но героическую жизнь.

По молодости я только один раз в жизни с разрешения Олега, ради спортивного интереса, специальными щипцами перенес радиоактивный «пальчик» из контейнера в геофизический прибор РК и поддерживал его, направлял в устье пробуренной скважины.

После оценки качества цементирования эксплуатационной колонны методами гамма-гамма контроля, буровики передали скважину Р-1 испытателям бригады Безродного П.Г., которые под его непосредственным руководством приступили к опробованию многочисленных объектов, так называемого Самотлорского «рябчика». Почему «рябчика»? Да потому что в разрезе было выявлено восемь нефтяных пластов, как восемь чередующихся расцветок оперения птицы рябчика – северного деликатеса с грудкой из диетического мяса.

29 мая 1965 года из Мегиона в Тюмень Абзаров радировал начальнику Главка Эрвье Юрию Георгиевичу: «На скважине Р-1 Самотлора в интервале 2123-2130 метров получен нефтяной фонтан. Скважина на отработке, визуальный дебит более 300 кубометров в сутки». Испытание пластов в скважине идет поочередно снизу-вверх. Самый могучий фонтан дебитом свыше 1000 кубометров получен в интервале 1693-1736 метров. Самотлорская нефть обладает высоким качеством. Она легкая, маловязкая и малосернистая с большим процентом выхода легких фракций (бензин, дизельное топливо, масла) при перегонке.

За четыре последующих года до выхода на Самотлор нефтяников, буровые бригады Норкина Г.И., Малыгина С.Л., Курбатова А.И., Хафизова Ф.З., Меджевского Г.В. пробурили на Самотлоре более пятидесяти разведочных скважин. Площадь месторождения составила 30х50 километров, а первоначально доказанные в 1973 году извлекаемые запасы составили более трех миллиардов тонн нефти. Последующие работы на Самотлоре подтвердили это и даже в еще большем объеме.

На Всесоюзных совещаниях научных и производственных подразделений Министерства геологии, проходивших традиционно в Тюмени, было принято решение: на каждом месторождении, которое готовится к сдаче в разработку, пробурить одну-две оценочных скважины, при вскрытии продуктивных горизонтов с промывкой раствором на нефтяной основе (РНО).

Участником таких совещаний и мне приходилось быть неоднократно. Более того, вместе с молодым специалистом – старшим геологом Валентином Гавриковым от Мегионской НГРЭ, мы были участниками первого такого форума, проходившего в августе 1967 года в поселке Горноправдинске. Инициатором этого научно-производственного Всероссийского совещания был начальник Правдинской НГРЭ, кандидат геолого-минералогических наук, Герой Социалистического Труда Салманов Фарман Курбанович. Эти звания накануне (1966 год) были ему присвоены.

В 1974-75 годах перед сдачей Самотлора, Варь-Еганского и Федоровского (Сургутская НГРЭ) в окончательную с утверждением запасов разработку были пробурены скважины с промывкой при вскрытии пластов РНО. Несмотря на трехкратное увеличение сметной стоимости бурения таких скважин с обычными разведочными, они позволили объективно судить о разведанных геологических и извлекаемых запасах нефти. Такие данные дали возможность эффективно и с меньшими затратами проектировать и вводить производственные мощности и строительство городов и рабочих поселков в нефтяных регионах Тюменской области (Нижневартовск и Радужный, Сургут и Новофедоровский).

Такая скважина пробурена на Самотлоре – Р-107 весной 1974 года, где я работал помощником бурильщика, на Варь-Егане – Р-106 осенью 1975 года был помощником бурового мастера, а зимой в конце 1976 года на Федоровке – Р-120 уже старшим инженером-технологом. Опыт проводки таких скважин, начатых мною на Самотлоре, позволил быть ответственным руководителем более десятка пробуренных на месторождениях ОАО «Обьнефтегазгеология» (Сургутский и Ноябрьский районы) скважин со вскрытием пластов на РНО.

Даже при кризисе-дефолте 1998 года, когда пришел крах большой геологии Тюмени и мы со многими специалистами остались не у дел (предложили отпуск без содержания), нефтяники Сургутнефтегаза (конкретно Сургутское УБР-2, возглавляемое Героем соцтруда за Самотлор Левиным Г.М.), пригласили меня курировать бурение такой оценочной скважины №366 Камынской площади.

Успешно, с положительными результатами, скважину пробурили, и нефтяники сделали мне предложение перейти к ним, возглавив цех по приготовлению спецрастворов или лабораторию по растворам. Несмотря на заманчивое предложение, остался верным к большой геологии – до заслуженного отдыха оставалось четыре года. Геологию в Сургуте реанимировали еще на десять лет последующей работы по договорам с нефтяными предприятиями, которым мы безвозмездно передавали месторождения-гиганты – Самотлор, Варь-Еган, Федоровку, Усть-Балык и другие (более 150 месторождений).

А на научно-практических конференциях, докладывая о проводимых в экспедициях работах по внедрению новой техники, технологии и положительных результатах, позволяющих давать прирост запасов нефти, исчисляемый миллиардами тонн, занимал призовые места, награждался дипломами разных степеней и авторучкой с золотым пером от имени Тюменского академика Нестерова Ивана Ивановича.

Сейчас этой ручкой пишу воспоминания и думаю о былом в тиши домика в деревне на Каме. А для издания книги необходимо, как прежде геологам, чтобы выжить, идти с прощением к нефтяникам-олигархам.

Максимальная добыча нефти в лучшие для Самотлора годы (1980-1990 г.) была свыше 150 миллионов тонн в год, что составляло четвертую часть от добычи во всем СССР. Самотлор был признан самым крупным месторождением в стране и вошел в десятку мировых. Накопленная за годы эксплуатации добыча нефти составила более двух с половиной миллиардов тонн и продолжает расти.

Первая эксплуатационная скважина начата бурением 27 января 1969 года бригадой мастера Повха Степана Ананьевича. Нефть из первой скважины №200 пошла 2 апреля. А к концу года из нескольких десятков пробуренных эксплуатационных скважин было добыто и отправлено по трубопроводам на нефтеперерабатывающие заводы свыше 5 миллионов тонн. Освоение Самотлора нефтяниками вначале шло из Мегиона, а потом и из Нижневартовска. Кроме бригады Степана Повха, на Самотлор в полном составе перебазировались буровые бригады из Шаима: Шакшина А.Д., Петрова Т.К., Ягофарова С.Ф., а также бригада Левина Г.М. из города Отрадного Куйбышевской области.

Бригада Левина Геннадия Михайловича первая пробурила за год на Самотлоре 100 тысяч метров проходки скважин. Такого не достигала ни одна буровая бригада в других нефтегазоносных провинциях СССР. На Самотлоре, что ни возьми, все было рекордным: у вышкомонтажников, строителей, транспортников, авиаторов, трубопроводчиков. С Геннадием Михайловичем не раз сходились наши дороги на буровицкой стезе. Еще в начале 1965 года буровая бригада Левина принимала у нас, монтажников, экспериментальную, первую в СССР буровую установку с автоматическим (без верхового рабочего) спускоподъемом бурильных труб. Я на дипломной практике работал вышкомонтажником в тресте «Первомайбурнефть», что в г. Отрадном Куйбышевской области.

Помню, как молодой, двадцатисемилетний, коренастый, круглолицый, со слегка выпуклыми глазами, подвижный мастер в кожаной куртке обошел всю буровую, вникая в тонкости нового оборудования. Быстро составил от руки дефектную ведомость – свои замечания и предложения. Через два дня он приехал проверить исполнение и оставил на буровой одну вахту буровиков для совместной работы с монтажниками.

В 1968 году со всей бригадой Левин переехал на Север в Мегионскую контору бурения, а с 1969 года начали работать на Самотлоре, параллельно на одном кусту с бригадой бурового мастера Повха Степана, пробурившего первую Самотлорскую эксплуатационную скважину. Я в то время работал там же – в Мегионе на Самотлорском месторождении в буровой бригаде Малыгина Семена Лукича.

Буровики-нефтяники в первые годы на Самотлоре частенько заезжали к нам – геологам. Ведь они шли по проторенной дорожке, по нашим стопам и перенимали у нас некоторый опыт, особенно по рецептурам обработки бурового раствора химреагентами. Впоследствии они быстрыми темпами опередили нас, и мы заимствовали у них по-дружески химреагенты, материалы, оборудование и в особенности инструменты для ликвидации аварий. При аварии в бурении замедления в принятии действенных мер грозят большими потерями времени на ликвидацию и материальных затрат. До базы экспедиции далековато, а тут под боком богатые запасными частями и инструментами буровики-нефтяники.

В 1981 году Левин возглавил Сургутское УБР-2 и работал вплоть до выхода на заслуженный отдых в 2003 году. Я в те годы работал главным технологом Сургутского объединения «Обънефтегазгеология» и частенько по работе встречался с буровиками Сургутнефтегаза, да и не только по работе, там трудились на высоких должностях мои однокашники по Тюменскому индустриальному институту выпуска 1975 года – Елишев Анатолий Григорьевич, Кузьмин Николай Николаевич, Ефремов Сергей Алексеевич.

С Левиным встречался в спортзале и последующей сауне – он был любитель большого тенниса и неплохо играл на корте. В кризисные для большой геологии годы генеральные директора нефтяников и геологов не находили точки соприкосновения.

Сургутнефтегаз в лице Богданова Владимира Леонидовича, буровика с большой буквы, предлагал геологам влиться в структуру объединения нефтяников. Естественно, отпала бы необходимость в организации своего управления геологоразведочных работ (УПРР). На уровне буровых бригад, ИТР, начальников отделов и подразделений работали взаимосвязано, ведь земля и месторождения на ней одни для всех по законам того времени.

Вначале шли по ней мы – геологи, открывая, изучая и подготавливая запасы нефти к разработке. Затем по нашим точкам (скважинам) и картам, но широким фронтом шли нефтяники.

Рекордный показатель добычи нефти за год только по одному объединению «Нижневартовскнефтегаз» достигнут в 1983 году – 215,4 миллион тонн (львиная доля на Самотлоре). Это составило 60% от добычи по Тюменской области и 35% от общесоюзной добычи. Эта нефть перекачивалась на нефтеперерабатывающие заводы по трем построенным трубопроводам: в 1972 году – Самотлор – Александровское – Анжеро-Судженск, в 1973 году – Самотлор – Альметьевск и в 1976 году Самотлор – Куйбышев.

На Самотлоре появились первые скважины-миллионеры: из скважины №335 за три с половиной года эксплуатации извлекли миллион тонн нефти. И все это стало возможным благодаря героическому труду буровиков в тяжелейших климатических условиях, пробуривших на Самотлоре за все это время более десяти тысяч скважин. Хоть и тяжелейшая это профессия – буровика, особенно в геологоразведке, но интересная, до конца неизведанная, в то же время знатная и почетная.

Скважина – это сложнейшее инженерное сооружение ниже уровня земли, это не оборудование и механизмы, которые можно увидеть и отремонтировать или заменить. Безаварийная проводка скважин требует от буровиков больших технических знаний, опыта и даже интуиции, выработанной многолетним трудом в полевых условиях. За упорный труд всегда рано или поздно приходит вознаграждение. Это и радость первооткрывателей, зачерпнувших ладонями теплую нефть и традиционно измазавших ею лицо, это и высокие правительственные награды!

Что только значит запись в моей трудовой книжке: помощник бурильщика, помощник бурового мастера, старший инженер-технолог, главный инженер, главный технолог орденосных предприятий – Мегионская ордена «Знак Почета» НГРЭ, ордена «Дружбы народов» объединение «Обьнефтегаз-геология», ордена Ленина Главтюменьгеология. В Тюменской области это единственные награжденные орденами предприятия геологии из тридцати трех экспедиций и шести объединений.

## ТРИ ГРОССМЕЙСТЕРА САМОТЛОРА

Каталкин – Курбатов – Коломасов – три колосса, три первопроходца, три гроссмейстера-буровика. Тройка работяг-лошадок, вытянувших из болот чёрную жемчужину – Самотлор. Мы их называли гроссмейстерами Самотлора по аналогии трех выдающихся шахматных королей, чемпионов мира – Карпова – Каспарова – Крамника.

У Степана, Анатолия и Владимира было много общего на жизненном пути, их сроднил Саянск. Все трое окончили нефтяные вузы по специальности бурение, прошли производство от помощников бурильщика до главных инженеров буровых предприятий. Все трое - примерные семьянины, вырастившие достойных детей, внуков и правнуков. Все трое награждены орденами «Трудового Красного Знамени» и медалями «За освоение недр и развитие нефтяного комплекса Западной Сибири». Все трое - страстные любители шахмат и преферанса. Можно еще долго и бесконечно перечислять общность трудовых людей того коммунистического времени, людей, которые не смогли подстроиться к условиям современной жизни.

Начиная с 1965 года - года открытия Саянска, и по сей день, моя жизненная судьба тесно связана с судьбой этих замечательных друзей, и больше всего с самым молодым из них - Владимиром Иосифовичем Коломасовым.

Владимир - мой земляк, родом из Уфы - 18.02.1940 года рождения. Это всего в 250 километрах от моего родного Бугуруслана. Во время учебы в школе с детства мечтал стать моряком и после окончания десятилетки уехал в Ленинград, поступил в морское училище. Но видно не судьба стать моряком: через полгода по состоянию здоровья (небольшая аритмия) из училища отчислили. Возвращаться домой в Уфу было стыдно перед друзьями, родственниками, и он поступил в Куйбышевский политехнический институт на нефтегазопромисловый факультет по специальности «Бурение». В конце пятидесятых годов в районе «Второго Баку» (Башкирия, Татария, Куйбышевская и Оренбургская области) бурно развивалась нефтяная отрасль, и специальность буровика была на слуху и в почете. Летом 1962 года после окончания вуза по направлению Главтюменьгеологии прибыл в только что организованную Мегионскую нефтеразведочную экспедицию. До этого в Мегионе на Баграссе был участок бурения от Сургутской нефтеразведки и только после открытия Мегионского месторождения (21 марта 1961 года) на базе участка создали экспедицию. С рождением экспедиции начал работать в ней и молодой специалист-буровик Владимир Иосифович Коломасов. В Куйбышеве осталась молодая жена Ирина - студентка 4 курса педагогического института. Через два года, окончив вуз и родив дочку Ольгу, она приехала к мужу в Мегион. Володя эти два года не вылезал с буровых, набираясь практических навыков. Ему доверили особо сложный участок в бурении поисковых и разведочных скважин - инженер по глинистым растворам. По аналогии с человеческим организмом раствор (промывочная жидкость) для скважин - это как кровь в жилах. Малейшие отклонения от параметров - и авария или болезнь тут как тут.

В редкие выходные дни Владимир ходил в спортзал местной семилетней школы поиграть в баскетбол. Сохранилась у него студенческая спортивная заплата, когда он играл за сборную института по баскетболу, также участвовал в комсомольской работе как член комитета по работе с молодежью.

После рождения второй дочери Светланы, он как-то отошел от этих общественных обязанностей и увлечений, но на соревнования геологов в областной центр Тюмень он с нами ездил и удачно выступал за команду баскетболистов. На этой стезе (комсомол и спорт) у меня с Владимиром Коломасовым и произошло знакомство летом 1965 года. Я также был избран членом комитета комсомола нефтеразведки – ответственным за спортивную жизнь в поселке Мегион, а за команду на районных и областных соревнованиях выступал на лыжах, в легкой атлетике (бег) и настольном теннисе. По этим трем видам был чемпионом Нижневартовского района и призером в области.

Но основным нашим делом в поселке нефтеразведчиков были работы по выявлению запасов нефти на Самотлорском месторождении. Первая скважина в мае 1965 года, это только весть об открытии, и наша задача геологов – определить контуры залегания нефтеносных пластов под обширной территорией озер и болот.

Это громадный и невероятный труд сотен геологоразведчиков по обустройству и бурению десятков скважин в течение нескольких лет. И эту работу сделали, а с 1968 года продолжили совместно с нефтяниками Нижневартовска. На Самотлоре, довольно-таки сложном в геологическом и технологическом отношении, бурение скважин доверяли самым опытным мастерам. Кроме Норкина Григория Ивановича – первооткрывателя Самотлора, на месторождение вышли бригады буровых мастеров Хафизова Фаата Закиевича и Малыгина Семена Лукича, впоследствии доверили бурить там и комсомольско-молодежной бригаде Курбатова Анатолия Ивановича, усилив ее молодыми, но со среднетехническим образованием и быстро набирающими опыт кадрами. На период становления этой бригады в ней стали работать Михаил Стюров – бурильщик, Николай Рыжков – помощник бурильщика, Николай Овчаренко – помощник бурового мастера, Николай Геничев – помощник дизелиста. Меня тоже, как самого молодого дизелиста в экспедиции, перевели в состав бригады Курбатова. За бригадой из состава ИТР закрепили куратора, опытного буровика, начальника ПТО Степана Леонидовича Каталкина.

Там, на Самотлоре, в стужу, под минус 50-градусную зиму 1967 года на заключительных работах по вскрытию нефтяных пластов, каротажу и спуску эксплуатационной колонны работали три друга. Анатолий Курбатов руководил действиями вверенной ему бригады. Слаженно и без простоя менялись буровые вахты. Когда мороз зашкаливал за минус 40 градусов, чередовались через четыре часа, но процесс буровых работ не останавливали. Выходящий из скважины теплый раствор не давал замерзнуть оборудованию. Сутки простоя могли стоить возникновению аварийной ситуации, особенно когда вскрыт нефтяной пласт.

Если члены вахт по очереди менялись, могли отдохнуть и выспаться, то буровой мастер (Курбатов), инженер по глинистым растворам (Коломасов) и начальник по производству (Каталкин) сутками бодрствовали и руководили безостановочным процессом заключительных работ по скважине. Периодически взбадривая себя крепким чаем, ночными партиями шахматных баталий и расписыванием пульки в преферанс, они на финальной стадии заканчивания скважины бурением могли по несколько дней без сна руководить работами и бдеть пульсирующее устье, сдерживая напор и энергию вскрытого нефтяного пласта.

Мне, работающему по вахтам, было интересно знать – когда же они спят? Ответ был таков – только после спуска и цементирования эксплуатационной колонны труб – надежной крепи вырывающегося из недр Самотлора джина. Напряженный процесс заключительных работ закончился, люди от усталости падают с ног в натопленных буржуйками вагончиках. У некоторых даже не хватает сил на завтрак в котлопункте, где повар приготовил по случаю завершения скважины сибирские пельмени. Самые стойкие парятся в рубленой по-черному баньке, нахлопывая промерзшие бока пихтовым веничком. На буровой непривычная тишина со слабым тархтением электростанции. Все окунулось в приятную двухсуточную истому-спячку, кратко называемую буровицкой аббревиатурой ОЗЦ – ожидание затвердевания цемента. За это время буровые вахты готовятся к переезду на другую точку – скважину.

Инженеры-буровики, возвратясь в Мегион, в первый же день обработают и сдают в контору экспедиции документацию и отчеты по законченной скважине, побудут день-другой с семьями и опять в тайгу, поближе к очередным бурящимся скважинам.

Коломасовы, Владимир и Ирина, жили через стенку в одном деревянном доме с Каталкиными, Степаном и Неллей. По соседству жили и Курбатовы – Анатолий и Валентина. У всех по двое малых детей. Дружили семьями, и в радости и в беде были вместе. Ирина Дмитриевна и Валентина Феоктистовна преподавали в средней школе соответственно математику и физику, иностранный язык. Нелли Евстафьевна работала товароведом в ОРСе. Трудностей у этих молодых матерей было не меньше, чем у их мужей-буровиков. Работа, воспитание детей, топка печи дровами и приготовление пищи, запас воды с цистерны-водовозки или с речки Мега за 200 метров от дома и многие другие житейские проблемы в небольшом на тысячу жителей рабочем поселке.

Со Степаном Леонидовичем Каталкиным я встретился в первый мой день приезда в посёлок Мегион в кабинете начальника Мегионской НРЭ Абазарова Владимира Алексеевича. После окончания нефтяного техникума в конце июня 1965 года на представлении перед поступлением на работу напутствие давали Абазаров, Синюткин Модест Федорович (главный геолог экспедиции) и Каталкин.

Степан Леонидович, 30-летний крепыш с большими линзами очков, по-простецки и доходчиво объяснил условия работы и проживания в полевых условиях, пожелал не бояться трудностей и после трех лет отработки, как молодому специалисту, остаться в геологоразведке и почувствовать себя не временным жителем на Севере, а полноправным хозяином новой родины на всю жизнь.

Степан Каталкин – коренной сибиряк из г. Колпашево Томской области, рождения 16.10.1934 года. В 1960 году окончил Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени И.М. Губкина (МИНХ и ГП) по специальности горный инженер. Как и все, начинал с помощника бурильщика – верховым на первой скважине Сургута в бригаде мастера Багдасарьянца Николая Андреевича. Тяжело было в запотевающих очках на высоте 25 метров при пронизывающем осеннем ветре тянуть и ставить за палец полутонные свечи ТБПВ – 127 мм.

Первые вахты знатный бурильщик Виктор Лагутин, на чем свет стоит костерил нерасторопного верхового. Со временем Степан пообвык, приноровился и мог с закрытыми глазами работать на слух, ставить и подавать свечи. В 1962 году при создании Мегионской НРЭ его, уже состоявшегося инженера и семьянина с супругой и сыном Игорем из Сургута направили в Мегион. Работая в сложных полевых условиях, он быстро по карьерной лестнице дошел до начальника экспедиций, сначала Мегиона (1969-72 г.), затем Карской на Ямале (1973-76 г.).

Когда при бурении разведочной скважины Р-6 на Варьеганском месторождении случился аварийный открытый фонтан нефти, Степан Леонидович технически грамотно руководил работами по тушению, обошлось без человеческих жертв. При нем в должности главного инженера и начальника Мегионской НРЭ на Самотлоре пробурили около сотни разведочных скважин, подготовили геологические материалы к защите в Государственной комиссии по подсчету запасов нефти и передали в разработку нефтяникам Нижневартовскнефтегаза.

Как руководитель крупнейших экспедиций в Главтюменьгеологии, Степан Леонидович не жил одним днем, а на много вперед, на перспективу планировал геологическую, техническую, житейскую (гражданскую) политику своего региона. Не зря он отлично играл в шахматы, где нужна стратегия на много ходов вперед. Участвовал он и в соревнованиях, не чурался своей должности. Занимал призовые места. Спортивного разряда у него не было, но уж в силу первого играл точно. За что ни брался, старался быть лидером и дело доводить до конца.

Достойный пример для подражания. В поселок Мегион он первый завез личный легковой автомобиль, до этого был один разъездной вездеход ГАЗ-69, «козлик». На своем малиновом «Москвиче-407» по центральной улице Советской длиной в 500 метров он катал своего Игорька с ватагой друзей. Десятками набившихся в салон мальчишек и еще больше желающих покататься, бегущих за машиной, по вечерам развлекал Каталкин.

К началу семидесятых годов он пробивал строительство бетонной дороги в 30 километров до районного центра Нижневартовска. Тогда легковые и грузовые машины на Самотлор и Нижневартовск пошли колоннами. Нефтяники начали наступление на Самотлор широким фронтом. Ну а геологи продолжили выполнять свою задачу – уходили на новые отдаленные от Мегиона и Нижневартовска перспективные площади, где были открыты Варь-Еганское, Урьевское, Поточное и другие месторождения нефти, на базе которых выросли современные города: Радужный, Лангепас, Покачи.

Трио геологов – мавры своего буровицкого дела, сделав его на Самотлоре, ушли снова в разведку, но уже по разным тропам-маршрутам.

Сначала Коломасов в конце шестидесятых годов ушел на повышение главным инженером Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции. Затем Курбатов, проработав три года в ГДР, осел в Тюмени командиром отряда, а затем в течение двадцати лет главным инженером Тюменской военизированной части по ликвидации открытых нефтяных фонтанов. Каталкин же передислоцировался в самую северную экспедицию на Ямал – главным инженером Карской нефтегазоразведочной экспедиции. С 1980 года он начальник Сургутской НГРЭ, заместитель генерального директора объединения «Обънефтегазгеология». Куда бы ни бросала их судьба, они были верны геологоразведке и буровицкой дружбе, зарожденной на Самотлоре.

На закате своей производственной деятельности, уже будучи в пенсионном возрасте (старше 55 лет) они, продолжая работать, вновь оказались вместе в Сургуте. Вместе продолжали активно, как и в молодости, работать на переднем крае крупнейшего геологического предприятия – Сургутском ордена «Дружбы народов» объединении «Обънефтегазгеология». Владимир Иосифович Коломасов – начальник отдела бурения, Степан Леонидович Каталкин – заместитель директора института «ЗапСибБурНИПИ», Анатолий Иванович Курбатов – заместитель командира военизированного отряда по ликвидации фонтанов. Все так же крепко дружили семьями, став дедушками, учили играть в шахматы внуков, да и сами между собой не прочь были сыграть партию-другую или расписать пульку в преферанс. Они были старше меня на 10-12 лет, и я продолжал работать с ними в должности главного технолога объединения «Обънефтегазгеологии». Когда подошло время их заслуженного отдыха и выхода на пенсию, они расстались и общались только по телефону. Я же встречал и навещал Степана Каталкина и Владимира Коломасова до самого ухода их из жизни и провожал в последний путь. Степана Леонидовича похоронили в Сургуте, а Владимира Иосифовича в Санкт-Петербурге в возрасте 72 лет.

Анатолию Ивановичу Курбатову, 26.02.2020 года исполнилось восемьдесят пять лет, и он вместе с большой семьей живет в Тюмени. Бывая в Тюмени проездом или участвуя в Тюменском марафоне (беге на 42 км 195 м), захожу проведать их к ним домой или в совет ветеранов. О таких людях – первопроходцах Самотлора – нужно снимать фильмы, а это только небольшой очерк-сюжет их героического труда по открытию нефтяных месторождений на благо процветающего Тюменского региона и России в целом.

## ВОЗВРАЩЕНИЕ НА САМОТЛОР

Осенью 1967 года, проработав два с половиной года на Самотлоре, я получил хранящийся в сейфе отдела кадров Мегионской НРЭ диплом и вместе с ним повестку из военкомата на призыв в Армию. Так я не успел до Армии поступить в институт, хотя желание учиться в нефтяном вузе было огромное, даже заработанные деньги копил на сберкнижке для учебы. Перед призывом, уже в областном военкомате Тюмени дали неделю для побывки на родину в Бугуруслан. Купил матери теплое зимнее пальто с меховым воротником (такого не было в ее жизни), а отцу новый мотороллер «Вятку». На старом ещё мы с братом в юности гоняли. Остатки денег – около одной тысячи рублей, что было для них большой суммой при пенсии в шестьдесят у отца и сорок у матери, оставил дома на сохранность для учебы после Армии.

Отец и мужья старших сестер (участники войны) благословили на службу Отечеству. Два армейских года в войсках ПВО и СКА (в спортроте) города Баку пролетели быстро, и в декабре 1969 года после демобилизации вернулся домой в Бугуруслан. До поступления в институт оставалось более полугода. Во время службы переписывался с друзьями по совместной жизни и работе в Мегионской геологоразведке, постоянно следил за грандиозными открытиями и бурным развитием Западно-Сибирского нефтегазового региона. Север манил как магнитом, и перед новым 1970-ым годом самолетом из Куйбышева через Тюмень, за полсуток долетел до города Нижневартовска, а там и рукой подать – всего-то 30 километров по бетонке на автобусе до Мегиона. В Нижневартовске меня удивили первые построенные и заселенные нефтяниками пятиэтажки, а в Мегионе – новый дом культуры «Геолог», где я и встретился на новогоднем балу с коллегами по работе в геологоразведке и повзрослевшими школьниками-выпускниками 1967-69 годов. Многие из них (мои одноклассники) уже учились на 2-4 курсах Тюменского индустриального института и приехали на Новый год к родителям-геологам. Это Владимир и Валя Печерины, Валера Яковлев, Виктор Долгов, Наталья Липковская, Татьяна Матвеева, сестры Вахрушевы – Ольга и Рита, и другие. До Нового года успел оформиться на старое место работы дизелистом в бригаду Семена Лукича Малыгина, получить зимнюю спецодежду и с первого января должен быть в своей родной вахте на Самотлорской буровой.

Однако за час до Нового года в зал к наряженной елке вбегает с красным носом, слегка поддатый, но не Дед Мороз, а наш начальник цеха бурения Юрий Иванович Романченко и командует: «Военная тревога! Демобилизованный воин, не вставший на учет в военкомате, дизелист Виктор Федотов – «на выход!».

Я пообещал партнерше по танцу Татьяне Матвеевой закончить прерванный вальс позднее. Оказалось, что вахта буровиков собралась не в полном составе, и ее для отправки на буровую необходимо доукомплектовать дизелистом. У клуба тархтел поджидавший меня гусеничный вездеход тягач АТС. На армейской аббревиатуре это артиллерийский тягач средний для буксировки орудия с боевым расчетом из шести человек. Мы называли его семейным, так как кроме механика-водителя в его теплой кабине вмещалась буровая вахта – шесть человек.

Я впрыгнул в его теплое чрево, где уже в рабочей одежде сидели бурильщик Михаил Павлюченко, помбур Гена Серков и помощник дизелиста Владимир Илькин. Они проявили радостное праздничное ликование по поводу моего возвращения на Самотлор после двухгодичной службы в рядах СА. По пути заехали в общежитие переодеться в спецовку. До буровой, что находилась на Самотлоре в тридцати километрах от поселка, к двенадцати часам для смены вахт доехать не успели. Без пяти минут бурильщик скомандовал механику-водителю – «Стоп – машина!» Разлил по четырем кружкам пол-литра спирта и предложил выпить за Новый год. Я воздержался, но, чтобы не выглядеть «белой вороной», из своего рюкзака достал бутылку шампанского. Но бурильщик сказал: «Кто не выпьет спирт, тот пойдет пешком до буровой». Трое выпили, а я вылез из теплого тягача, повернул в сторону Мегиона и, сделав марш-бросок в сорокаградусный мороз на двадцать километров, продолжил новогодний бал в клубе «Геолог». Отрицание, равнодушие и даже независимость от алкоголя у меня выработалась еще с детства и юности. Отец раз в неделю во время выходных употреблял спиртное, а мы с младшим братом прятались от его шумной ругани под кровать или убегали на улицу.

С четырнадцати лет занимался спортом под руководством тренера и в армию ушел с первым разрядом по лыжным гонкам и вторым в беге. В армии выполнил норматив кандидата в мастера спорта по легкой атлетике в беге на средние дистанции (1500, 800 м). После армии спорт решил не бросать и продолжить тренироваться и выступать на соревнованиях при поступлении в институт. В общем, считал, что курение и алкоголь несовместимы с моим увлечением спортом. Правда, был один случай, приводящий также к отрицанию алкогольных напитков. В поселке Мегион запасы алкоголя для продажи иссякали обычно перед Новым годом, и спирт питьевой этиловый, не замерзающий при хранении в холодном складе, выдавали только по паспортам в день рождения, на свадьбу, рождение малыша и похороны. Весной любители спиртного за десятки километров от поселка с моторных лодок на ходу брали на бордаж первый в навигацию теплоход и затаривались спиртным. В мое двадцатилетие (09.02.1967 г.) геологи-буровики по совместному проживанию в комнате общежития уговорили меня сходить как юбиляра за спиртом. Выделили мне на именины две бутылки, что равносильно пяти бутылкам водки. Разлили первую бутылку чистого 96-градусного спирта на восемь человек. Меня поздравили, выпили, запивая водой и закусывая тушенкой из металлических банок. За разговорами подошло время второй бутылки. Я вскрыл ножом еще несколько банок тушенки и не заметил, как разлили по стаканам вторую бутылку. Под тосты за буровицкую дружбу на Самотлоре и за тех, кто в поле – на скважинах, выпил спирт и стал запивать водой из второго стакана. Чувствую, что не хватает воздуха и ощущаю спазмы в горле. Едва не задохнулся, меня вырвало. Оказывается, ребята решили надо мной, непьющим, подшутить и вместо стакана с водой, пока я открывал тушенку, подставили второй стакан со спиртом. Так что пил спирт, запивая спиртом, и получил не крещение, а отвращение. Через месяц, в марте, я своих друзей-«собутельников» ответно подколол.

На областной спартакиаде геологов, будучи в Тюмени, привез оттуда двадцатилитровую канистру пива – дефицит того времени в северных поселках, добавил туда две бутылки спирта, благо что в Тюмени он продавался свободно, а не по паспорту. Прибыл в общежитие поздно вечером, когда все уже спали. Но вопрос задали: «Привез ли пиво?» Тут всем, конечно, было не до сна. Кто-то высказал, что пиво слишком крепкое, но я ответил, что свежее и для сохранности бросил туда горбушку черного хлеба. К середине ночи в комнате поднялся шум-гам, запели песни, а некоторые, заснув, утром проспали на работу. Сам я, конечно, к канистре не прикоснулся.

Буровой мастер Семен Лукич Малыгин в новогоднюю ночь не допустил к работе прибывшую на скважину изрядно подвыпившую и неукомплектованную вахту и отправил их обратно домой. Машинисту-водителю тягача наказал на обратной дороге забрать меня до поселка. Каково же было удивление водителя, не догнавшего меня по дороге и увидевшего только в клубе, вальсировавшего с партнершей вокруг новогодней елки.

Первого января с родной вахтой, из которой ушел в армию, стал работать дизелистом на скважине, где вскоре после окончания ее бурения испытатели получили первую нефть Белозерского месторождения – спутника Самотлора. Через три месяца работы дизелистом меня назначили инженером-механиком цеха бурения, и я вместе со звеном слесарей-ремонтников на Самотлорских разведочных скважинах ремонтировали и запускали буровое оборудование и перед забуркой передавали его тепленьким бригаде буровиков.

Работа по сегодняшним меркам была тяжелейшей. На отдаленных автономных точках в тайге, зимой на замерзших болотах, а летом на небольших сухих участках-гривках стояло многотонное буровое оборудование с сорокаметровой вышкой.

Нас, звено слесарей (5-6 человек), в апреле и до середины мая, вездеходом по еле живым еще зимним дорогам, а в летнее время вертолетом МИ-4, доставляли на мертвую буровую. Первый день обустроивались сами, а затем в течение двух недель ремонтировали и раскручивали – приводили в движение всю буровую установку. С собой везли спецовку, спальники, продукты питания (пищу готовили сами), рацию с маленьким аккумулятором и тяжелые танковые (по 80 кг каждый) аккумуляторы для запуска дизелей буровой установки. Дрова для буржуйки заготавливали двуручной пилой и кололи топором. Ремонтные работы проводили вручную, для подъема применяли небольшую тальку (полиспаст) на треноге. О тракторе или автокране и речи не могло быть. Они появились на буровой только вместе с буровой бригадой перед забуркой скважины. И все это на открытом, продуваемом самотлорскими ветрами с озера, воздухе, а летом под мириадами комаров, мошки и полосатых паутов-матросов. На голове накомарник, на плечах сетка Павловского, а спецовка превращалась в серый цвет от сидящих на ней комаров, обедали под растянутым над спальником марлевым пологом, иначе можно было есть с комарами. После запуска дизельной электростанции, для чего грели на костре две двухсотлитровые бочки с водой и маслом, можно было производить сварочные работы, а вечером перед сном залезть в спальник и штудировать математику с физикой для подготовки к поступлению в институт.

Правда, больше часа не выдерживал и засыпал мертвым сном. На ночь, в целях экономии дизтоплива, электростанцию глушили, да и следить за ее работой не могли, потому что днем каждая пара рук была дорога для выполнения ремонта в назначенный срок – графика бурения, утвержденного руководством экспедиции.

С Михаилом Павлюченко - бурильщиком, с которым у меня произошла новогодняя размолвка ввиду употребления спиртного по пути на Самотлорскую буровую, уже после окончания института через пять лет была совместная работа в бригаде. Работая помощником бурового мастера (1975-76 г.), зарплату в кассе бухгалтерии экспедиции получал на всю бригаду и выдавал по ведомости под роспись ее членами. Поначалу деньги за Михаила Павлюченко приходила получать его жена-преподаватель в средней школе. Я попросил ее в очередной месяц за получкой прислать супруга. Михаил пришел. Я достал из холодильника запотевшую бутылку спирта, и мы выпили с ним по рюмке «за мировую». После этого случая ни Михаил, ни другие члены нашей буровой бригады Семена Малыгина в рабочее время спиртного не принимали.

## САМОТЛОРСКИЙ МАРАФОН

Разведка и дальнейшая промышленная эксплуатация Самотлорского месторождения внесли неоценимый вклад в развитие земли Российской. Сбылись пророческие слова Михаила Ломоносова: «Россия прирастать Сибирью будет».

Пятидесятилетний юбилей открытия Самотлора, этой «черной жемчужины Югры», можно сравнить с классическим марафоном – бегом на 42 км 195 м. Даже более того – со сверхмарафоном, дистанция которого составляет пятьдесят километров. Пятьдесят лет развития и становления промышленной эксплуатации нефтегазовых месторождений Западной Сибири – это знаковое событие, веха в истории нашей страны, отмеченная трудом поколений геологов и нефтяников, начинавших свое нелегкое дело с освоения Каспия, разработки месторождений средней полосы России и на базе накопленного опыта продолжающих осваивать залежи углеводородного сырья как на месторождениях, разведанных на всем протяжении от Урала до Якутии, так и на шельфе северных территорий России.

Вспоминается более раннее событие, отмеченное геологами, нефтяниками, газовиками и вообще всеми жителями Югры – пятидесятилетие открытия Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции. 21 сентября 1953 года на Березовской опорной скважине был получен мощный газовый фонтан, положивший начало более широкому поиску и разведке нефти в Западной Сибири. Торжественные мероприятия, посвященные 50-летию этого события, прошли в Березово, Тюмени и Ханты-Мансийске 21 сентября 2003 года. Отмечалась эта дата и во многих других городах, поселках нефтяников и газовиков Югры и Ямала.

В Нижневартовске в программу этих мероприятий был включен Самотлорский марафон «Золотая осень» – бег по улицам города на 42 км 195 м. Пробежав эту дистанцию, я, уже с медалью на груди, продолжил бег до 50 км в честь юбилея.

Этот марафон проводился в двадцать четвертый раз, начиная с 1980 года – года Московской Олимпиады. Первые марафоны проводились со стартом у обелиска на скважине-первооткрывательнице Самотлора Р-1 и финишем на центральной площади Нижневартовска. Последующие проводились со стартом и финишем на стадионе до памятника «Алеше» на развилке дороги на Самотлор. Жаль, что в последние годы дистанция марафона сократилась до полумарафона (21 км), проходящего по набережной Оби. Традиция проведения Самотлорского марафона была заложена клубом любителей бега с одноименным названием – «Самотлор», энтузиастами здорового образа жизни: фронтовиком и ветераном труда Мищуком Андреем Федотовичем, Юрием Налобиным, Николаем Кольцовым, Андреем Пясецким, Михаилом Каримовым, Леонидом Перминовым и другими. Их дело продолжили в настоящее время Сергей Заболоцкий и Сергей Еремин. Это все энтузиасты и активные пропагандисты бегового марафонского движения, занимающиеся здоровым образом жизни в свободное от основной работы время, Неоценимую поддержку в проведении соревнований оказывали тренеры-преподаватели детских спортивных школ, городской комитет по физической культуре и спорту под несменным руководством в течение 25 лет его председателя Клименко Александра Григорьевича.

Вспоминается далекий год открытия Самотлора Мегионскими геологоразведчиками – 1965-ый, когда спортивное движение в Нижневартовском районе только-только зарождалось. Первый официальный спортивный работник района назначен летом 1965 года – Станислав Кондращенко. Был образован районный спорткомитет, и Станислав стал первым его председателем. Когда я осенью того же года вставал на военный и комсомольский учет, то Кондращенко назначил меня ответственным за спортивную работу в Мегионской нефтеразведке и в поселке Мегион, выдав удостоверения общественного инструктора и судьи по спорту за №4. До этого я четыре года, учась в Бугурусланском нефтяном техникуме, под руководством тренера занимался спортом и имел вторые разряды по лыжам, легкой атлетике (бегу) и настольному теннису. Также за сборную техникума играл в хоккей с мячом, а летом гонял на гоночном велосипеде.

В начале 1966 года Тюменскую область объявили комсомольской ударной стройкой и в Нижневартовске создали штаб по освоению Самотлора. От Мегиона в него избрали нашего секретаря комсомола Мегионской нефтеразведочной экспедиции Тамару Симонову и меня – ответственного за спортивную работу. Первое задание мне было – обеспечить спортивным инвентарем п. Мегион. Работал дизелистом в бригаде Семена Лукина Малыгина, и меня он ни в какую не отпускал с работы. Перевахтовка была через четыре дня, и за четыре дня выходных я не успевал слетать в Тюмень за инвентарем. Помогли друзья по работе и супруга Лукича – Мария Федоровна.

Отработать за меня по совместительству согласился старший дизелист бригады Владимир Пехота, с которым я жил в одной комнате общежития. А в командировку отправляли от профкома экспедиции, где замом председателя, казначеем, работала супруга Малыгина. Я же был членом профкома и возглавлял сектор спортивной работы. Вручили мне под расписку расчетный чек на кругленькую сумму и командировали на восемь дней в Тюмень.

В спортивном магазине Тюмени на углу улиц Одесской и Республики закупил часть спортивного инвентаря, реализуемого в продажу жителям, и загрузил в грузовую машину ГАЗ-51, выделенную мне в Главке. Этого оказалось мало, да и спортивный инвентарь предназначался для массового потребителя. Занимаясь спортом, знал, что есть и более качественный спортивный товар, но он предназначался для сборной областных команд, находился на складах и базах и выдавался по разрешению спорткомитета и администрации города. Тогда я пробился к начальнику штаба комсомольскихстроек Геннадию Шмалью и секретарю обкома комсомола Пульникову и получил разрешение на отбор самого лучшего инвентаря со складов и баз. Шмаль лично ездил со мной по складам, и мы даже загрузили десять пар лыж с Тюменского деревообрабатывающего комбината, изготовленных по специальному заказу и предназначенных для мастеров спорта.

Под завязку вместе с Геней загрузили самолет АН-2 и прямым рейсом с болтанкой, сквозь снегопад и пургу, через пять часов приземлились в Мегионе. Меня, не привыкшего летать самолетами, вывернуло наизнанку, и пилоты пустили меня из холодного салона в теплую кабину между собой. Зато лыжники, футболисты, баскетболисты, волейболисты, легкоатлеты, теннисисты, шахматисты и даже конькобежцы и хоккеисты, боксеры и борцы были рады новому инвентарю. Сразу же при школьном небольшом спортзале организовали соответствующие спортивные секции старших школьников, геологоразведчиков, строителей и сельской молодежи. Жить в глухом рабочем поселке стало разнообразней и веселее. А когда в свободное время отдохнешь с пользой для здоровья, а не за стаканом водки или курением, то и поработаешь на славу Самоглора.

Большую работу по организации спорта в Мегионе, да и в районе, проводил единственный преподаватель по физкультуре в Мегионской, сначала семилетней, а с 1965 средней школе Мельников Александр Васильевич. После окончания Владимирского института, вместе с супругой Анастасией Ефимовной – физиком, они в начале 60-х годов приехали учить мегионских школьников. Саша – многосторонний спортсмен, перворазрядник по лыжам, баскетболу и Настя – перворазрядница по настольному теннису, сплотили вокруг себя школьную и работающую молодежь поселка. Многие и я от них – старших по возрасту друзей – образованных, культурных и ведущих здоровый спортивный образ жизни – перенял.

Первый неофициальный марафон на Самотлоре я покорил 55 лет назад осенью 1965 года. Мороз уже в октябре, в безветренную морозную погоду сковал ледяным панцирем водную гладь озера Самотлор. Я в это время в составе слесарей пуско-наладочной бригады Мегионской НРЭ ремонтировал оборудование буровой установки на скважине первооткрывательнице Самотлора Р-1. Буровая установка в ожидании более сильных морозов и прокладки зимних дорог, готовилась вышкомонтажниками к перетаскиванию на новую точку – скважину Р-9.

Будучи малолетними пацанами, мы всегда первыми открывали зимний сезон, вставая на коньки по первому хрупкому льду реки Кинель. Старались бегать вдоль берега по мелководью и в случае провала льда, что случалась неоднократно, промокали по пояс и быстро бежали домой, за что получали взбучку от старших сестер. Вот и на Самотлоре по привычке взял с собой коньки. После работы я за два часа обежал вдоль берега на коньках вокруг озера, имеющего в длину двенадцать, а в ширину восемь километров.

По периметру получился почти целый марафон – 40 километров. Находящийся на скважине топограф Афанасий Бондарь по карте курвиметром подтвердил это расстояние, а с буровой вышки (высотой 41 метр) контролировал мое прохождение дистанции визуально. Вышкомонтажники, буровая вахта бригады Норкина Григория – первооткрывателя Самотлора и мои коллеги слесари-ремонтники были удивлены столь героическим спортивным поступком и признали своим в доску сибиряком, хотя работал в геологоразведке всего четвертый месяц. Соответствующая физическая подготовка была у меня с детства и юности. Зимой вечерами по три-четыре часа гоняли на коньках-канадках по залитому катку – футбольному полю стадиона, играя в догонялки, казаки-разбойники и другие забавы. Старшие сестры и родители выгоняли с катка нас с младшим братом Володькой за уроки.

С 1980-го года меня, перешедшего в 1977-ом году работать с Самотлора в Сургутское объединение «Обьнефтегазгеология», как первооткрывателя месторождения и чемпиона Нижневартовского района по кроссу, ежегодно приглашали туда для участия в беговом марафоне «Золотая осень». Сначала я пробегал полумарафон (21 километр), а начиная с 1988 года полный классический марафон – 42 километра 195 метров. Неоднократно становился чемпионом в своей возрастной группе, завоевывая призы и медали. Вот и в 2003 году, в год 50-летия нефтегазоносной провинции Западной Сибири, финишировав победителем в возрастной группе старше 50 лет с результатом 3 часа 06 минут и 33 секунды и с медалью на груди, не останавливаясь, продолжил бег. В честь юбилейной даты всего пробежал 50 километров за 3 часа 48 минут и 12 секунд. Это был XXIII Самотлорский марафон «Золотая осень» и мой, пятнадцатый по счету в официальных стартах, марафон (по состоянию на 01.01.2021 на моем счету 74 марафона).

Начиная с 2007 года Нижневартовский клуб любителей бега «Самотлор» переименовался в КЛБ «Марафонец», но как ни парадоксально, стал проводить не классический марафон на 42 км 195 м, а полумарафон памяти А.Ф. Мищука – 21 км. Поредели ряды нижневартовских марафонцев, которые стали бегать в других городах России и за рубежом, в том числе и в Сургуте. Сургутский марафон 42 км 195м был организован энтузиастами здорового образа жизни из местного КЛБ «Барс» в 1999 году, проведен двадцатый раз в последнее воскресенье мая 2019 года и находится на подъёме. Члены нашего КЛБ «Барс» отзываются на приглашения КЛБ «Марафонец» и ежегодно приезжают к своим коллегам по бегу участвовать в соревнованиях.

На торжественные мероприятия, посвященные 50-летию открытия Самотлора, в 2015 году приезжал и участвовал в полумарафоне, заняв первое место в группе старше 65 лет.

Наступает период возрождения Самотлора с увеличением ежегодной добычи нефти. Возродится и былая слава Самотлорского марафона – бега на 42 км 195 м. Пока бьется «сердце озер» – Самотлор, пока бьются сердца ветеранов и молодых покорителей нефтяного Самотлора, будет продолжаться начатый 55 лет назад марафон – марафон нефтяной, марафон классический – беговой...

## ГЛАВА ШЕСТАЯ

### Такова спортивная жизнь

В августе 1965 года при постановке на воинский и комсомольский учёт в райцентре посёлка Нижневартовск (30 км вверх Оби от посёлка Мегион) секретарь ВЛКСМ Раиса Литвинова, выяснив, что я имею спортивные разряды по лыжам, лёгкой атлетике и настольному теннису, направила к председателю райспорткомитета. Райспорткомитет в то время только образовался и начинал активную работу по организации физкультуры и спорта в развивающемся нефтяном регионе. Станислав Кондрашенков сразу выписал мне удостоверение под номером четыре методиста-инструктора и судьи по спорту. Станислав также порекомендовал мне встретиться в Мегионе с супругами Мельниковыми, которые работали преподавателями в средней школе. По возвращении в Мегион в комнате общежития, куда меня поселили, отдыхающая смена буровиков сидела за бутылкой спирта. Отказавшись от предложения составить компанию, я переоделся в спортивную форму и пошёл в школу, где был спортзал – единственное помещение в посёлке для занятий спортом. Вечером после учебы школьников спортзалом пользовались работники Мегионской нефтеразведочной экспедиции. Спортзал – громко сказано! Это была комната чуть побольше учебного класса (8 на 12 м), но с высоким потолком. За теннисным столом против мужчины в нападающем стиле вела игру молодая спортивно сложенная женщина. Вдоль стенки на скамье сидели в очереди несколько юношей, к которым присел и я. После всех проигравших юношей я вышел на игру с женщиной и, к изумлению болельщиков, выиграл подряд три партии. Во время игры познакомился с соперницей. Она оказалась той самой Мельниковой Анастасией Ефимовной, заочно рекомендованной мне накануне председателем райспорткомитета. Настя, как она просто представилась, была сильнейшей теннисисткой в Мегионе не только среди женщин, но и абсолютной чемпионкой среди мужчин. Так в одночасье я стал чемпионом Мегиона. А впоследствии и района. Настя, приноровившись к моему стилю игры, иногда выигрывала у меня. Свою лучшую шведскую ракетку фирмы «Stiga» она подарила мне, которой я играю и по сей день. После тренировок в спортзале супруги Мельниковы пригласили меня в ближайший воскресный день на кроссовую пробежку. Александр Васильевич Мельников или просто Саша, как он тоже представился, закончил во Владимире физкультурный факультет института с женой – физиком Анастасией Ефимовной приехали в 1962 году учить мегионских ребятишек. В воскресенье я вытащил из компании собутыльников общежития помощника бурильщика Николая Рыжкова. Тоболяк, он после учёбы в тюменском ГПТУ-7 – кузнице нефтяных рабочих кадров, приехал в Мегионскую экспедицию. Вместе с ним, Александром Мельниковым и двумя старшеклассниками, мы по просеке-сейсмопрофилю выбежали за посёлок и через 2 км оказались на взлетном поле местного аэропорта. На нем базировался всего один вертолёт МИ-4, обслуживающий геологов. Самолёт АН-2 прилетал один раз в неделю из Тюмени через Ханты-Мансийск. Так что огромное песчаное поле длиной в один километр было для нас подходящим местом – стадионом для тренировок по бегу.

Как опытный тренер-наставник Саша научил нас технике бега, методике проведения тренировок, последующего восстановления, подготовительному периоду к соревнованиям и тактике участия в них, то есть режиму спортивного образа жизни. После тренировки уставшие, но удовлетворенные выполненной программой выходного дня, вернулись в поселок. На тренировках в беге по песку мы принимали колоссальные нагрузки, и бег по дорожке стадиона или кроссу по пересеченной местности казался нам легкой прогулкой. Супруги Мельниковы пригласили меня в свой деревенский дом на краю поселка возле леса. Во дворе их маленький сынишка Вася играл с сибирской лайкой. Саша прежде всего затащил меня в подпол-подвал для хранения продуктов. Холодильников в посёлке не было, но продуктов впрок заготавливали много, особенно рыбы осенью до ледостава. Это картошка и капуста, оленина и лосятина, водоплавающая и боровая дичь, грибы ягоды в виде варенья и свежие, начиная от июльской морошки, черники, голубики и кончая осенними брусникой и клюквой. Также заготавливали кедровые орешки. По весне резали лёд на реке и большими кубами опускали его в подпол на всё лето. Из большой эмалированной ванны Саша зачерпнул кружкой красно-янтарного напитка – брусничного морса (моченая брусника) и предложил мне напиться. Такого вкуснейшего, особенно для обезвоженного после тренировки организма, напитка я ещё не пил. Три кружки махом опорожнил. Много напитков перепробовал, но мочёная брусника – лучший напиток всех времен и народов. Анастасия пригласила всех к столу на обед. После питания в рабочей столовой и всухомятку тушёнкой и колбасным фаршем на буровых в полевых условиях обед оказался на славу. Особенно понравился пирог с обской белорыбицей – нельмой, пальчики оближешь. Спиртного в повседневной жизни Мельниковы не признавали за исключением великих праздников – три-четыре раза в год. Узнав о моём желании продолжить образование в ВУЗе, они как преподаватели посоветовали пойти в вечернюю школу и к лету получить аттестат для поступления в институт. Диплом мой в отделе кадров забрали под сохранность на три года, чтобы не украли заключённые. Их сослали в посёлок – 400 человек мужчин в возрасте от 18 лет. Они работали на лесоповале и строили из брёвен жильё для геологов и нефтяников, прибывающих в большом количестве. Жили условно освобожденные на свободном поселении без права выезда из посёлка с ежедневными утренними и вечерними построениями-поверками. А в основном, так называемые «химики» со сроком осуждения за мелкие нарушения закона до трех лет, они жили и общались свободно с нами, ходили в кино и на танцы, в спортзал, вечернюю школу. Некоторые из них как хорошие спортсмены участвовали за нашу команду геологов на районных и даже областных соревнованиях под ответственность (расписку) тренера.

Так начиналась моя самостоятельная жизнь в геологоразведке в полевых условиях за десятки, а то и сотни километров – работа дизелистом буровой бригады Малыгина Семёна Лукича, три дня в неделю на выходных в поселке: общественная работа в комсомоле и профсоюзе, тренировка в спортзале и бег по таежным просекам, вечером учеба в школе, кино и танцы в клубе «Геолог».

В общежитие приходил только переодеться и ночевать. Два раза в году в составе сборной Мегионской НРЭ участвовал в летней и зимней спартакиадах геологов в Тюмени. На зимней спартакиаде в марте 1966 года выполнил первый спортивный разряд в лыжных гонках на 15 км и эстафете 4х5 км вместе с Александром Мельниковым, Николаем Рыжковым и Вячеславом Курбановым. В легкой атлетике спортивное мастерство повышалось медленнее. Стадиона в Мегионе не было, да и северное лето короткое – всего 4 месяца. Получив аттестат, я вместе с Николаем Рыжковым и школьниками мегионского выпуска 1966 года (Виктор Долгов, Владимир Печерин) планировали поступить в институт. Николай, уволившись с работы, поступил в Омский институт физкультуры, школьники поступили в Тюменский индустриальный институт, а меня не отпускали с работы и не выдавали производственную и комсомольскую характеристику, без которых вступительные документы в институт не принимали. Даже в отпуск молодых специалистов не отпускали, и, как сказал начальник экспедиции Абазаров Владимир Алексеевич: в отпуск будете ходить, как я, один раз в три года, а за два года получать денежную компенсацию за неиспользованные два года. Абазаров в посёлке был и бог, и царь, и герой. Так что планы получить высшее образование по нефтяной специальности (по стопам старшего брата) пришлось временно, на 5 лет отложить. После работы трех лет вместе с дипломом вручили повестку на службу в Армии. В шестидесятых годах в том дремучем, но богатом нефтью и газом краю иначе и не могло быть. Стране нужна была «большая нефть».

В тяжелейших природно-климатических условиях таких темпов развития топливно-энергетического комплекса мировая практика не знала. Ведь через десять лет с момента отправки первой нефти из Мегиона на Омский нефтеперерабатывающий завод годовая добыча в Среднем Приобье достигла 116 миллионов тонн. Для сравнения, к таким объёмам нефтедобычи в Татарии шли 20 лет, а условия там намного комфортнее. В тот период по призыву ЦК ВЛКСМ (Тяжелыников Евгений Михайлович) молодёжь начала массово приезжать и активно осваивать Западную Сибирь. Начали создаваться всесоюзные ударные комсомольские стройки и их штабы с центральным в Тюмени, возглавляемым Геннадием Шмалем. Меня избрали членом штаба комсомольской ударной стройки по освоению Самотлора – ответственным за организацию спортивной работы в посёлке Мегион – плацдармом наступления на нефтяные месторождения. С помощью Шмаля и первого секретаря обкома ВЛКСМ Пульникова мы обеспечили спортивным инвентарем и создали многочисленные секции по видам спорта. Зимой залили хоккейный корт с освещением, играли в хоккей, а жители поселка и школьники просто катались на коньках. За активную общественную работу члены штаба были награждены медалями «100 лет со дня рождения Ленина» и транзисторными переносными радиоприёмниками Рижского завода «Спидола» – дефицитом того времени, особенно на Севере. Приемник в полевых условиях принимал все радиостанции не только Советского Союза, но и зарубежные «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкую волну» и «Свободную Европу».

Приёмник 1965 года выпуска был моим постоянным спутником –информатором жизни в мире полсотню лет и передан в дар музею Самоотлора в юбилей его пятидесятилетия. На торжественных мероприятиях в честь этого юбилея (2015 г.) ветеранов-нефтяников и геологов наградили медалями. Мною к этому юбилею была издана книга-воспоминания о первых годах работы на Самоотлоре. Презентация книги «Самоотлорский марафон» (всего 400 экземпляров) успешно прошла в г. Мегионе и Ханты-Мансийске, и она мгновенно разошлась между участниками торжеств в честь 50-летия Самоотлора.

Хоть на длинных, средних и коротких радиоволнах в двухтысячные годы перестали транслировать радиопередачи, приемник «Спидола» был в рабочем состоянии, и мне было даже немного жаль передавать его в музей, ведь его крутили и слушали в те далекие времена полевые геологи, в том числе и первооткрыватель Самоотлора – буровой мастер Норкин Григорий Иванович.

Со мной приемник «служил» и в Армии, где мы – армейцы спортроты ночами слушали репортажи наших комментаторов, в том числе и Николая Озерова из Олимпийского Мехико-1968. Со многими Олимпийскими чемпионами из СССР мне посчастливилось повстречаться и даже пообщаться на Всесоюзных соревнованиях в молодости (Виктор Санеев – тройной прыжок, Владимир Голубничий и Геннадий Смага – спортивная ходьба, Фаина Мельник – диск, Юрий Коновалов, Валерий Борзов и Александр Корнелюк – спринт, и др.).

Газеты и журналы доставляли в п. Мегион с недельным, а то и большим отставанием целыми пачками. Александр Мельников как единственный в поселке преподаватель физкультуры и тренер вел подшивку газеты «Советский спорт», выписывал журналы «Физкультура и спорт», «Легкая атлетика». Иногда после тренировки я забирался в его тренерскую каморку при школьном спортзале и часами не мог оторваться от подшивок газеты и журналов за многие предыдущие годы. Полученные знания о тренировках, победах и жизни наших и зарубежных чемпионов настраивали на постоянство и регулярность занятиями физкультурой и спортом, на трезвый и здоровый образ жизни вдали от цивилизации. Особенно запомнились победы наших легендарных спортсменов – олимпийских чемпионов в беге на пять и десять километров в Мельбурне в 1956 году – Владимира Куца и в Риме в 1960 году – Петра Болотникова. Также сенсационной победой было выступление в Риме африканского бегуна из Эфиопии Абебе Бикилы. Пробежав босиком 42 км 195 м, он стал олимпийским чемпионом в марафоне с новым рекордом – 2 ч. 15 мин. 16 сек. И что удивительно, через четыре года на Олимпийских Играх в Токио он повторил свое достижение, став двукратным олимпийским чемпионом, но бежал уже в кроссовках – 2 ч. 12 мин. 11 сек. – новое мировое достижение. На Олимпиаде в Мехико-1968 он был готов выиграть марафон в третий раз, но незадолго до Олимпиады попал в автокатастрофу и оказался в коляске, но в играх участвовал по стрельбе из лука.

Марафон в Мехико-68 выиграл его ученик Мамо Волде. Марафон – самая трудная дисциплина Олимпийской программы, но считается и самой ценной и почетной завоеванной медалью в этом виде легкой атлетики, финиш которого происходит на заполненном стадионе во время торжества закрытия Игр.

Среди массовых соревнований, проводимых в поселке Мегион и районном центре Нижневартовске, считалось ГТО. На предприятиях, в школе, независимо от возраста, сдавали нормативы по ГТО. Лучшие отбирались на соревнования районного и областного масштабов. В перечень ГТО входили: бег на 100 и 3000 метров, стрельба из малокалиберной винтовки по мишени, плавание на 100 метров, метание гранаты на дальность, подтягивание на перекладине. Мои любимые виды были беговые (зимой бег заменялся лыжными гонками), а «коньком» – кросс на три километра. Среди молодежи призывного возраста в районе я не проигрывал, а на областной спартакиаде геологов был в призерах, а в 1980 году даже чемпионом. Осенью 1967 года, так и не дождавшись летнего отпуска, был призван в Армию. На сборном пункте в г. Тюмени, ожидая отправки в часть, дали три дня для поездки на родину в г. Бугуруслан. Отец и мои дядьки, прошедшие войну, благословили на добрую службу Отечеству. Неделя вагонной тряски, и я из Тюмени прибыл на место прохождения службы – в столицу Азербайджана – Баку. В казарму привезли с вокзала затемно и уложили спать. Когда я проснулся утром, то в глазах мне померещились буровые вышки, а на самом деле воинская часть располагалась на берегу Каспийского моря, на мелком побережье которого стояли вышки нефтепромысла «Лениннефть». Видно, жизнь связала меня с «нефтянкой» железными оковами навсегда. Первые полгода службы должны были проходить в сержантской школе младших командиров. На армейских соревнованиях по бегу в военной форме мне не было равных в части, дивизии. На соревнованиях Бакинского округа противовоздушной обороны (ПВО) уже в спортивной форме я выиграл кросс на 3 км среди солдат первого года службы с результатом 8 мин. 47 сек., что соответствовало нормативу первого разряда. Не дав закончить и половину службы – учебы на радиста-радиотелеграфиста, меня Приказом по Закавказскому военному округу передислоцировали в спортивный клуб армии г. Баку (СКА). В то время при каждом военном округе в СССР были СКА, а в Москве центральный – ЦСКА. Основную часть времени службы в них проводили в спортивных тренировках и участии в соревнованиях как военных, так и гражданских (за сборную Азербайджана). Не давали нам забывать и армейскую подготовку: строевые учения, стрельбы из боевого оружия, суточные наряды на охрану территории СКА и кухню (два дня в месяц). В беге я стал специализироваться на дистанциях 800 и 1500 метров на дорожке стадиона. На первых же соревнованиях на этих дистанциях выполнил норматив первого разряда. Сборная Азербайджана по легкой атлетике готовилась к участию в Спартакиаде народов СССР, которая проходила в Москве один раз в четыре года перед очередными Олимпийскими Играми, на сей раз в Мехико-68.

Лучшие спортсмены СКА отбирались по результатам соревнований для сборной команды Азербайджана. По бегу в сборную я не попадал. Тренеры, узнав, что до армии я бегал на лыжах по первому разряду, а это соревнования на выносливость, предложили попробовать себя в спортивной ходьбе. Ходоки были только в СКА, и двое из них весной 1968 года готовились к демобилизации и уезжать к себе в Россию.

Главный тренер по легкой атлетике Азербайджана Авган Гейдарович Сафаров даже пригрозил мне в случае отказа заниматься спортивной ходьбой посодействовать моей отправке из СКА в боевую часть в горы. Мне оставалось по-военному выполнить команду «Есть!» и приступить с нового 1968 года к тренировкам в ходьбе. В тренировку входили и беговые кроссы по пересеченной местности в течение одного-двух часов, чему я и отдавал предпочтение как бегун. На первых весенних стартах по спортивной ходьбе на 10 км сразу выполнил первый разряд. В конце мая на матчевой встрече республик Закавказья (Азербайджан, Грузия, Армения) и Молдавии, проходившей в г. Кишиневе в ходьбе на 20 км (1 час 42 мин.), подтвердил уровень первого разряда и вошел в сборную Азербайджана для участия в Москве. Времени оставалось мало, и меня одного командировали в г. Иваново, где проводились отборочные соревнования сильнейших ходоков СССР на 20 км. Мне, новичку, пришлось стартовать вместе с такими мастерами, как олимпийскими чемпионами – Владимиром Голубничим, Геннадием Смагой, Отто Барчем, Агаповым и Щербиной. Хорошего результата я, конечно, не показал – 1 час 40 мин., по сравнению с чемпионами – 1 ч. 20 мин.-1 ч. 30 мин., но к финишу пришел не последним и с достоинством. Сафаров, оценив мою выносливость и характер бойца, включил в состав сборной – четыре ходока. Так я на первом году службы попал на Спартакиаду народов СССР в Москве. Зачетных очков я не дал Азербайджану, но и «баранки» не получили, выставив команду в полном составе.

Ежедневные тренировки в СКА были изнурительными, на пределе физической возможности организма. Особенно тяжело как северный житель я переносил физические нагрузки в жару. Круглый год для меня в Баку – это лето. Большая влажность соленого вблизи Каспия воздуха до крови натирала подмышки, соски груди и промежности ног, соленый пот разъедал глаза. Кроме повышенного пайка при питании в солдатской столовой, восстанавливаясь после тренировок, подпитывали организм дешевыми фруктами и натуральным молоком, покупаемым у местного молочника с тележки, запряженной осликом.

Месячный объем двойных тренировок в день доходил до 500-600 км, примерно по 50% ходьбы и бега. На втором году службы (1969 г.) в обеих дисциплинах выполнил только что введенный норматив кандидата в мастера спорта (КМС). В переписке с друзьями, тренером Мельниковым Сашей из Мегиона и Нижневартовска, они сообщили, что я первым в Ханты-Мансийском национальном округе получил звание КМС. Кроме соревнований в Баку, участвовал в первенстве войск ПВО в Ростове, чемпионате вооруженных сил СССР в Одессе, а в составе сборной Азербайджана на кубке СССР в г. Днепропетровске, на матчах Союзных республик в Тбилиси, Кишиневе, Ташкенте.

Многое познал о культуре народов СССР, образе их жизни и национальных традициях. На эстрадные концерты в открытом летнем театре в парке имени Кирова и на футбольные матчи первенства СССР по футболу солдат пропускали бесплатно. Парк Кирова находился рядом, и вечерами ходили на Дина Рида из ГДР, Марылю Родович из Польши, Карела Гота, Гелену Вондрачкову из Чехии, Радмилу Караклаич из Югославии, Лили Иванову из Болгарии... На республиканском стадионе «Нефтчи» посмотрел игры всех команд высшей лиги СССР по футболу.

В СКА меня избрали комсоргом, и на комсомольской конференции г. Баку удалось послушать концерт молодых певцов Муслима Магомаева и Полада Бюль-Бюль Оглы. За время службы в Армии (2,5 года) дважды отмечался отпуском по десять дней на родину. Проездом заезжал к старшей сестре Лидии в г. Новый Буг Николаевской области и брату Анатолию в Волгоград. Более того дома, в Бугуруслане принял участие в первенстве города по легкой атлетике за команду нефтяников и обновил рекорды в беге на 1500 и 800 метров. Соревнования проходили на стадионе летнего училища, и его командир, награждая меня, пригласил после армии учиться на пилота. Но меня тянуло на Север, в ставший уже родным Мегион и знаменитый на весь мир Саянск. Перед демобилизацией в декабре 1969 года тренер Авган Сафаров предлагал остаться в Баку, учиться в любом ВУЗе или сверхсрочно в Армии, гарантируя хорошие условия и через год-два выполнение норматива мастера спорта СССР.

Перед Новым годом, попрощавшись с сослуживцами и тренерским составом, отправился домой – в Россию. Много каши съели с друзьями-спортсменами, и, конечно, они не забыты: спринтеры Александр Корнелюк, Анатолий Фараонов, Владимир Кухарев, стайеры Николай Павлюченко, Василий Шевченко, средневики Валерий Андриенко и Олег Алов, марафонцы Борис Дергачев и Александр Алёшков, ходоки Станислав Лошак, Сергей Даниленко, Мартин Юрис, Владимир Бурка, прыгун в высоту Александр Тихонов, копьеметатель Тофик Алиев, десятиборец Павел Дьяченко и многие другие.

Я решил не связывать дальнейшую жизнь с профессиональным занятием спортом. Рабочая специальность геолога-нефтяника и верность семейным традициям звали меня на Север. В Бугуруслане, на своей родине, я не стал долго задерживаться. В родном доме с отцом и матушкой, старшими сестрами и их семьями, возвратившимися со службы в Армии братом Володей и племянником Михаилом, традиционно встретились за большим столом в семейном общении. Соскучившись по лыжам и родным загородным местам, два раза сбегал на лыжные тренировки. Рано утром на первую электричку до Самары на железнодорожном вокзале Бугуруслана меня проводил брат Владимир. В г. Самаре через полтора часа встретил меня племянник Юрий Рыбаков – студент политехнического института. Купили мне хорошие фирменные лыжи с ботинками, а ему подарил большую готовальню с никелированными инструментами для черчения.

Шесть часов лёта на АН-24 с дозаправкой в Тюмени, и вечером я уже в Нижневартовске, а там и рукой подать на последнем автобусе 30 км до Мегиона. За один световой день прибыл до места, не то, что пять лет назад целую неделю «шлепал» по ж/д, земле, воде. За следующий день 31 декабря оформился на работу, получил спецовку, поселился в новое общежитие, ходил в школьный спортзал, вечером и ночью встретил новый 1970 год с друзьями в новом, пахнущем свежей сосной клубе «Геолог», и утром первого января на военном гусеничном тягаче АТС с вахтой прибыл в свою родную буровую бригаду Семёна Лукича Малыгина на скважину Самотлора.

Везде встречали на «Ура!». Не ожидали, что я вернусь, как не вернулся в Мегион после службы в Армии мой однокашник Николай Гаврилов. Не мог я изменить наказам отца и старшего брата Анатолия и сворачивать с намеченного пути – полгода до поступления в институт, за которые подготовиться к вступительным экзаменам и заработать денег на первый случай. Ближайшая цель видна невооруженным глазом. Как говорил отец-конармеец Чапаевской дивизии, словами писателя-военкора Константина Симонова (1915-1979 г.):

Ничто нас в жизни не может  
Вышибить из седла! –  
Такая уж поговорка  
У майора была.

Работа-учеба-спорт – три вехи на ближайшее время для меня важны. Пока спорт на третьем месте, однако события в этой главе обязывают продолжить повествование по этой стезе.

Перед поступлением в институт в июне, уже работая инженером-механиком, будучи в производственной командировке в Тюмени, поучаствовал в первенстве города по легкой атлетике. На дистанции 1500 метров занял призовое третье место. От тренеров четырех институтов и военного училища последовали приглашения поступать в любой ВУЗ, и когда я объявил, что через месяц приеду поступать в индустриальный, на лице тренера Петровой Зои Петровны засияла улыбка. Зоя Петровна, как и Хомутов Геннадий Иванович из медицинского института, одновременно являлись тренерами сборной Тюменской области по легкой атлетике.

В ту пору команда легкоатлетов из Тюмени была одной из сильнейших в зоне Сибири и Урала. Это мастера спорта: в беге на 100 и 200 м – Владимир Русаков, прыгунья в длину и спринтер Людмила Хамидуллина, прыгун в высоту Евгений Авербух, марафонец Геннадий Иноземцев, кандидаты в мастера спорта, мои соперники средневики – Александр Казанцев и Юрий Прошкин, метательница диска и толкатель ядра – Вера Киричек, десятиборец Сергей Шорохов, бегунья на 400 м Татьяна Кайгородова и множество других перворазрядников.

Петрова и Хомутов, работающие старшими преподавателями в институтах, были специалистами высшей квалификации. Они за минимальную зарплату целиком отдавали себя любимому делу, занимаясь им и вечерами после основной работы, и в воскресные дни проведения соревнований.

За отеческую заботу о нас мы их между собой называли папа Гена и мама Зоя. Замечу, что в молодости оба успешно представляли нашу область на различных соревнованиях: Геннадий Хомутов – в беге на 400 и 800 метров, Зоя Петровна – в толкании ядра и метании диска. На Олимпийских Играх в Москве-80 они, пройдя жесточайший отбор-конкурс, участвовали в судействе соревнований по легкой атлетике.

В Мегионе после службы в Армии предпочтение в тренировках отдавал на свежем воздухе, в основном лыжному бегу. Три года не вставал на лыжи и бегал на выходных в охотку, наслаждаясь после Баку морозным воздухом.

Районные соревнования по лыжным гонкам не выиграл, но был включен в состав сборной для участия в первенстве области. В сильные морозы за минус сорок в спортзале играл в настольный теннис. В Тюмени бежал в эстафете 4x10 км и играл в теннис.

По приходу весны свое взял, выступая в соревнованиях по кроссу на один и три километра, став чемпионом Нижневартовского района. Стадионов в районе тогда не было, и стандартные олимпийские дистанции на мои любимые 800 и 1500 метров тогда не бегали. В июле 1970 года в Московский МИНХиГП, куда напутствовал меня старший брат Анатолий, поступать не решился. Там был большой конкурс, да и направление на учебу от производства в Мегионской НРЭ давали только в Тюмень. Возраст, однако – 23 года, и риск был неуместен. С направлением, характеристиками от комсомола и производства, с рекомендательным письмом начальника экспедиции Владимира Абазарова к начальнику «ГлавТюменьгеологии» – Герою Социалистического труда Юрию Георгиевичу Эрвье о поселении в Главковское общежитие, сдал экзамены, поступил на нефтегазопромысловый факультет по специальности – бурение.

Кроме повышенной на 15% стипендии за счет производства, за участие в составе сборной области по легкой атлетике в летнее время получал талоны на питание в столовой или кафе из расчета 2,5 рубля в день. Два раза в году на летних и зимних каникулах областной спорткомитет организовывал учебно-тренировочные сборы на спортбазах или в домах отдыха за городом.

Осенью вместо отправки студентов на сбор картофеля, нас, сборников области, освобождали от этой обязанности для тренировок и поездок на соревнования в другие города (Уфу, Омск, Свердловск, Курган, Нальчик). Тренировки, как во время учебы, так и на каникулах, проходили два раза в день: утром гимнастическая разминка и кросс в легком темпе на 5-8 км, к вечеру – основная тренировка под руководством тренера по дорожке стадиона или кросс по пересеченной местности на 12-15 км. Раз в неделю аэробная тренировка на выносливость – кросс или бег по шоссе на 20-25 км. После каждой тренировки обязательно душ, а раз в неделю устраивали отдых с походом в парную баню или сауну. Институтский спортивный лагерь, где иногда мы жили и тренировались совместно со спортсменами многих других видов спорта, находился в тридцати километрах от города на живописном берегу реки Пышма.

Легкоатлеты и лыжники тренировались в одной группе под руководством супругов Петровых: Зоя Петровна – легкоатлеты, Алексей Александрович – лыжники. Поддавшись уговору двух лыжников – мастеров спорта: Виктора Низковских и Виктора Степанова, а еще с ними марафонца Виктора Яковлева, мы четыре Виктора (в переводе с греческого – победитель), не объявив тренерам, утром после завтрака побежали в Тюмень, где у каждого были подруги, а к ужину прибежали назад в спортлагерь. Тренеры, конечно, заметили нашу самоволку. Лыжники и марафонцы получили небольшую взбучку, а мне как средневику досталось по полной. Не много ли – 60 километров, мог получить перегрузку организма и не допущен к ответственным осенним стартам. Но все прошло благополучно, и я даже впервые выиграл первенство области в кроссе на три километра, пробежав по кандидатскому нормативу за 8 мин. 28 сек. Это был мой лучший результат в беге на 3 км за всю спортивную карьеру. Но Зоя Петровна под нажимом мужа Алексея Александровича зимой предложила мне повыступать на лыжах за сборную института на городских соревнованиях. Вначале я вошел в состав эстафеты 4x10 км, а к весне пробежал 30 км с результатом первого разряда. Далеко, конечно, от мастеров, таких как международники Николай Аржилов и Виктор Низковских, но зачет за команду дал.

Выступление на соревнованиях в разных дисциплинах – бег, спортивная ходьба, лыжи, не дало сосредоточиться и повышать результаты, вплоть до выполнения Мастера спорта в одном из этих видов, особенно любимом мной беге. Да еще, бегая осенью 1972 года по скользкому льду тротуаров, получил травму – порыв связок коленного сустава, которую залечивал целый год, ходя очень медленно на лыжах. Щадил суставы безударным лыжным ходом, поддерживая спортивную работу сердечно-сосудистой и легочной систем организма.

С моим другом по спорту Виктором Низковских произошла более трагическая история. Он стал сильнейшим лыжником области, выиграл на Празднике Севера в Мурманске престижную гонку на 30 км с присвоением звания мастера спорта международного класса, был зачислен кандидатом в сборную СССР и мечтал попасть в ее составе на зимние Олимпийские Игры в Инсбруке-1976 (Австрия). Его мечте не удалось осуществиться. На одной из тренировок вниз по склону с резким поворотом он потерял координацию и со всей скоростью врезался в сосну. Результат – летальный. Такова спортивная жизнь! Памяти его ежегодно на родине – в г. Ишиме, проводятся соревнования по лыжным гонкам.

Постепенно мне пришлось заканчивать «большой» спорт и переходить в разряд любителей спорта, а в преклонном возрасте после выхода на заслуженный отдых в любителей здорового образа жизни (ЗОЖ).

Весной 1972 года, будучи на первенстве РСФСР среди студентов в г. Нальчике, привез в Тюмень огромный букет тюльпанов и охапку веток белой сирени (летели самолетом). В Тюмени лежал еще снег, а в женской комнате общежития 8 марта благоухала весна с ее запахами свежих цветов.

Ирина, моя любимая девушка, к которой я бегал из спортлагеря за 30 километров полтора года назад и затем и весной, и летом с утренней зарядки за городом приносил ей первые подснежники и букеты полевых цветов, не устояла, и мы подали заявление в ЗАГС. 5 мая состоялась наша регистрация и молодежно-студенческая свадьба в Главковском общежитии, а 7 мая на морально-духовном подъеме я стал чемпионом города в кроссе на 3 км – 8 мин. 27 сек. Есть такое поверье у студентов: «Сдал сопромат и можешь жениться!» Оно меня не подвело, произошло именно так. Десятисекундное мгновение спринтерской стометровки глаза в глаза на «голубом огоньке» 7 ноября 1970 года, когда я появился там и Ирина приколола мне на лацкан пиджака красный бант, превратилось в длительный пятидесятилетний марафон совместной жизни. Поздней осенью (27.10.1972 г.) у нас родился первенец – сын Алексей. Спорту я стал уделять еще меньше времени и вместо сборов 3 месяца летних каникул стал работать в Мегионской экспедиции в лучших буровых бригадах Малыгина, Хафизова, Макара.

В зимнее время после учебы работал на полставки в научно-исследовательском институте, где работала также Ирина. Жить стало лучше, жить стало веселее! Нам выделили комнату в малосемейном общежитии при ГлавТюменьгеологии. За сборную института до самого выпуска я продолжал выступать на соревнованиях городского масштаба. После учебы, вернувшись в уже ставший родным Мегион, окунулся вместе с Ириной в рабочие будни непрерывного процесса бурения геологоразведочных скважин. Физическую форму поддерживал небольшими и нерегулярными тренировками на лыжах и в беге. Комсомол, профсоюз, а затем и партия дважды в год вытаскивали меня из тайги для участия в областной спартакиаде геологов за команду Мегионской экспедиции. На старом запасе физических и морально-волевых сил выигрывал в беге и приносил зачетные очки команде, а иногда и кубки за победу, которые хранятся в музее геологии и в моем домашнем архиве.

В 1977 году, переехав на повышение по работе во вновь организованное в Сургуте объединение «Обънефтегазгеология», поначалу выступал на городских соревнованиях по кроссу и на первом, самом престижном этапе эстафеты по городу на приз газеты «К победе коммунизма» (с 90-х годов «Сургутская трибуна») завоевывал первые места.

Когда же меня назначили на должность главного инженера Сургутской нефтегазоразведочной экспедиции с числом работающих более тысячи рабочих и специалистов, стало не до спорта. Круглосуточная занятость, даже в выходные и праздничные дни. По половине воскресных дней был дома с семьей, когда находился в городе, а повседневно в тайге на буровых или до позднего вечера работа с документами в конторе экспедиции. Организаторы спортивной команды пытались включить меня в список командированных в Тюмень на спартакиаду спортсменов, но главный инженер объединения красным карандашом вычеркивал мою фамилию. Однажды я самовольно ночным самолетом в субботу вылетел в Тюмень, за два дня дал необходимые команде очки для завоевания первого места и кубка и в понедельник утром уже был на работе. Это было в год Олимпиады в Москве – в 1980 году. За отлучку получил выговор по партийной линии, лишен премии за рекордную проходку по бурению скважин в мае.

В зимнее время, которое длилось семь месяцев в году, в основном бегал на охотничьих лыжах с ружьем за плечами. Стрелял мало, и ружье было как в нагрузку и в целях безопасности от бродячих в поисках пищи голодных медведей-шатунов, не залегших в берлогу в спячку. Но если на пути попадались зайцы, глухари или куропатки, то не пропускал их, что являлось разнообразием к столу, мясо-то диетическое. К юбилейным датам в геологии, в жизни страны партия, комсомол вместе с администрацией и профсоюзом все-таки организовывали официальные соревнования по спорту.

В 1978 году в честь 60-летия комсомола и 20-летия бурения первой скважины в Сургуте был проведен пятикилометровый пробег по городу от обелиска – символической вышки этой скважины, до памятника первым комсомольцам Сургута времен Гражданской войны. Легкой атлетики в городе не было, а кроссы бегали в основном лыжники, среди которых были и мастера спорта. Первым мастером спорта по лыжным гонкам в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) был коренной сибиряк – сургутянин Юрий Щепёткин, выполнивший этот норматив в 1964 году на областных Тюменских соревнованиях. В те годы он был слесарем по ремонту автомобилей и секретарем комсомольской организации Сургутской НГРЭ. Победил в пробеге школьник – 18-летний ученик 11 класса. Я на финише был вторым, проиграв несколько секунд. В пробеге участвовали и младшие школьники (7-10 классов) и ветераны. Победители в группах награждались кубками, грамотами и ценными призами. Награждение проводили убеленные сединами ветераны комсомола и Герой социалистического труда, буровой мастер геологоразведки – Нажметдин Уакпаевич Жумажанов. В этом акте воспитывалась патриотическая связь поколений и веков. На пьедестале рядом с нами стоял сорокалетний ветеран Юрий Филаретович Щепеткин, занявший третье место. Так я познакомился с легендарной спортивной личностью Сургута и всего Ханты-Мансийского автономного округа в целом. Юрий Филаретович после окончания Омского института физкультуры работал тренером в ДЮСШ. Его родители были первыми комсомольцами в Сургуте времён Гражданской войны 1918-1922 г. На юбилеях комсомола в 2008 и 2018 годах в числе ветеранов нам с Юрием Филаретовичем торжественно вручили медали, посвященные 90 и 100-летию ВЛКСМ.

Я моложе Юрия на десять лет, и он, как наиболее опытный лыжник, открыл для меня принципы сохранения спортивного долголетия. Он сделал акцент, что с годами необходимо увеличивать километраж пробегаемых дистанций, одновременно уменьшая скорость их прохождения, то есть давать организму объемные во времени аэробные нагрузки. Один раз в неделю необходимо пробегать на лыжах 30-50 км. Я поинтересовался у него – сколько же километров всего он набегал за свою спортивную жизнь? «Да вокруг Земного шара круга два с лишним будет!» – ответил он в свои сорок лет. Перейдя в ветераны спорта, он – постоянный участник первенств страны и мира, сильнейший гонщик ХМАО в своей возрастной категории. В последующие годы мы часто встречались с ним на соревнованиях Сургутского спортивного клуба любителей бега «Барс», городских и окружных соревнованиях, как в лыжах, так и в легкоатлетическом беге.

На лыжах он меня, конечно, бежал быстрее, несмотря на разницу в возрасте, но зато я отыгрывался в летних кроссах и пробегах по асфальту. И сегодня, в возрасте 84 лет, он на клубных соревнованиях пробегает дистанцию в пять километров, подавая пример молодым лыжникам. Придя домой с пробега в честь 60-летия комсомола, я поднял все свои спортивные дневники, начиная с юношеских лет под руководством тренеров, подсчитал общий километраж в тренировках и соревнованиях, и оказалось, что за 17 лет пробежал расстояние вокруг Земли по экватору – 40 тыс. км. Произошло это спортивное событие на первое октября 1978 года.

Есть первый круг Земли! По состоянию на 19.09.2017 г. на моем счету пять кругов, финиш которых совпал с финишем на Московском марафоне-2017. Об этом событии моей спортивной жизни был репортаж по первому Российскому каналу телевидения. После назначения в начале 1979 года главным инженером Сургутской НГРЭ, объемы моих тренировок в течение двух последующих лет резко снизились. Кроме основной работы, читал лекции в школе подготовки рабочих кадров (ШПРК), тренировал детишек подшефной школы №2 и работников экспедиции в настольном теннисе. Бегал только в воскресные дни после обеда да, находясь в тайге на буровых, вставал на охотничьи лыжи.

В конце мая 1979 года на подведение итогов работы геологоразведчиков, когда наша Сургутская НГРЭ набурила рекордное по Министерству геологии СССР количество метров за месяц – 13014 м, прилетел после облета буровых на вертолете МИ-8 начальник ГлавТюменьгеологии Салманов Фарман Курбанович. Вечером на подведении итогов за меня отчитался главный инженер объединения Коломасов Владимир Иосифович. Салманов выразил неудовольствие по моему отсутствию: «Наверное, водку пьет?» – и повелел вызвать меня на «ковер». Я же после работы читал лекции на курсах буровых мастеров в ШПРК, а затем вел секцию настольного тенниса в школе №2. В секции занималась дочка Коломасова – Ольга. Она то и сказала мне, что Салманов вызывает на «ковер». Отпустив школьников и назначив старшим – ответственным за продолжением тренировки взрослых Петра Корниевского, моего друга и соперника за теннисным столом, работавшего начальником геофизического каротажного отряда по исследованию скважин, как был в спортивной форме явился в гостиницу «Геолог», что напротив школы. За ужином с армянским коньяком (почему-то не с азербайджанским, Салманов – азербайджанец) он удовлетворился моим производственным отчетом и предложил рюмку коньяка. Я воздержался, объяснив, что занимаюсь спортом – КМС по легкой атлетике, и меня ждут теннисисты, а то что не был на совещании – то с разрешения Коломасова – читал лекции в ШПРК.

Поняв ситуацию, Салманов со связки ключей снял брелок бронзового футболиста и вручил мне на память, сказав, что премию за рекорд в проходке скважин получишь сполна, хотя директор объединения «Обьнефтегаз-геология» Морозов Николай Михайлович успел объявить на совещании за моей отсутствие – лишит премии. Салманов был в молодости большой любитель спорта (играл в футбол за дублеров Бакинской команды «Нефтчи»), а где работал – создавал футбольные команды и строил спортивные сооружения. Брелок он привез из Лондона, где в 1966 году он был болельщиком на чемпионате мира по футболу.

Будучи в Англии в г. Манчестере в 2018 году на очередном 67-ом марафоне (бег на 42 км 195 м), ходил на футбольный матч сильнейших команд «Манчестер-Сити» и «Манчестер-Юнайтед», а в кармане у меня с ключами висел этот брелок, и я вспоминал Фармана Курбановича, которому бы в этом 2021 году 28 июля исполнилось 90 лет. Светлая память ему – моему начальнику и коллеге по совместной работе в геологии!

На Московскую Олимпиаду-80 я готовился в качестве болельщика четыре года, собирая статистику выступления легкоатлетов СССР и стран зарубежья по газете «Советский спорт», журналу «Легкая атлетика», по телевидению и радиорепортажам. В те годы небывалого подъема и бума спортивного движения в СССР в больших и малых городах создавались клубы любителей бега (КЛБ), и в Москве мне посчастливилось во время Олимпиады поучаствовать в пробеге на 10 км в парке им. Горького, организованном одним из первых клубов «Муравей». В Москву на Олимпиаду планировали ехать с моим дядей Михаилом Рыбаковым (мужем моей старшей сестры Антонины). Он был страстным болельщиком спорта, особенно футбола. Мы даже заранее переслали переводом деньги на билеты его сестре, проживающей в Москве возле Останкинской телебашни. В конце 1979 года Михаил Алексеевич скоропостижно скончался, и на Олимпиаде я был без него. Мы даже планировали поселиться на дни Олимпиады у его сестры, несмотря на то, что они проживали впятером в двухкомнатной квартире. Были согласны на балкон. Но мне подфартило с жильем с другой стороны, где и не ожидал. К нам в Сургутскую нефтеразведку на целое лето прибыл стройотряд – целая буровая бригада студентов-практиков из Московского института МИНХиГП, и я был куратором бурения ими скважины. Узнав о моей поездке в Москву, один из студентов – бурильщик, предложил мне воспользоваться своей пустовавшей однокомнатной квартирой в районе спорткомплекса ЦСКА и Динамо, что недалеко от городского аэровокзала и Олимпийских спортивных объектов. Удобно во всех отношениях.

Ходили неофициальные слухи, что Москву на время Олимпиады освободят от некоторых категорий жителей и закроют от въезда болельщиков и криминального контингента, то есть будут проверять приезжающих. Я раньше ежегодно бывал в Москве по производственным вопросам и на этот раз заручился командировкой в Министерство геологии. И на самом деле, во время Олимпиады, сутолоки в Москве было намного меньше, чем в обычные годы. Студентов отправили в стройотряды, школьников – в пионерлагеря, пенсионеров – по путевкам в дома отдыха и санатории. За три дня до открытия Олимпиады прилетел в Москву. Еще не дали трап, а у самолета стояли два поста милиционеров и дружинников в синей униформе. У меня ёкнуло сердце и затряслись коленки – сейчас отправят обратным рейсом в Сургут. Выйдя из самолета, получив багаж и сев в автобус «Икарус», почувствовал себя более спокойно. Еще один контроль предстоял при прибытии в городской аэровокзал, но все прошло спокойно, даже командировку не пришлось показывать.

Поселившись, сразу съездил к сестре дяди Миши за билетами. Москвичи оказались не очень-то гостеприимны, а переданные мне билеты наполовину оказались ненужными, так как я планировал смотреть всю программу соревнований по легкой атлетике в Лужниках, а это целых девять дней из двенадцати. Вечером по телевидению объявили, что за три дня до Олимпиады будет открыта продажа билетов в кассах спортивных комплексов, а в парке Горького продажа на все виды спорта, в том числе на открытие-закрытие.

В 6 утра я стоял у дверей метро и уже в 6.30 у касс в парке. Желающих приобрести билеты – сотни, а касс всего десять. К открытию касс в 9.00 было не протолкнуться. Милиция и дружинники к каждой кассе пропустили по 10 человек. Удалось купить билет на церемонию открытия и на все дни утренней и вечерней программы легкой атлетики в Лужники. В свободное от легкой атлетики дни приобрел билеты на полуфиналы бокса, штанги, волейбола, баскетбола. На церемонию закрытия билетов не было. Стоимость билетов – от четырех до десяти рублей, а на открытие – 25 рублей. Всего приобрел билетов на 150 рублей, да еще на 110 рублей отдала мне билеты сестра дяди Миши, которые в основном пропали (футбол, гребля, конная выездка...). В общем на билеты ушла моя месячная зарплата, о чем я не сильно жалел, ведь такое бывает раз в жизни – посмотреть наяву Олимпийские Игры.

С утра 19 июля москвичи и гости столицы стали выдвигаться к Лужникам (центральный стадион имени Ленина, вмещающий 105 тысяч зрителей, 10 тысяч участников представления и 5179 атлетов из 80 стран).

В связи с вводом в декабре 1979 года Советских войск в Афганистан игры по инициативе США бойкотировали 64 государства, в том числе сильнейшие команды США, ФРГ, Турции, Канады, Японии и другие. Некоторые спортсмены выступали не под официальными флагами своих стран, а под флагом Международного Олимпийского комитета (МОК). Игры были организованы великолепно, и они прошли как большой праздник дружбы, сотрудничества молодежи, народов нашей планеты. На Олимпиаде достигнуты выдающиеся спортивные результаты, установлено 36 мировых и 74 олимпийских рекорда. Больших успехов добились спортсмены Советского Союза, завоевавшие 80 золотых, 69 серебряных и 46 бронзовых медалей. Второе место заняла команда ГДР (47-37-42 медали) и третья – Болгария (8-16-17 медалей). До начала соревнований по легкой атлетике на Олимпиаде в Москве я посмотрел несколько встреч по волейболу и баскетболу, штангистов во Дворце спорта «Измайлово» и поединки боксеров в «Олимпийском» Дворце. В боксе увидел бой знаменитого кубинца Теофила Стивенсена, победившего в финале нашего тяжеловеса Петра Заева и ставшего трехкратным олимпийским чемпионом.

Из одиннадцати разыгрываемых медалей кубинцы завоевали семь золотых и стали чемпионами по боксу. В финальном бою выиграл золото только один наш боксер первого наилегчайшего веса до 57 кг – Шамиль Сабиров. Обладателями серебряных медалей стали шесть наших боксеров, проиграв кубинцам. А 19 июля за три часа до церемонии открытия Игр стали пропускать на спортивную арену Лужников. Пройдя зону контроля, можно было приобрести редкие сувениры, которые не продавались на улицах и к подходу к спортивным объектам. За время Олимпиады еще одну зарплату израсходовал на сувениры домашнего спортивного архива и в подарок родственникам и друзьям.

С собой в пакете взял фотоаппарат, сильный бинокль «Зенит», бутерброд и пару бутылок непривычной для нас «Пепси-колы» в стеклянной таре. На контроле бутылки и бутерброд пришлось выбросить в урну. Сказали, что напоят и накормят, конечно, за деньги, на стадионе. Всего было достаточно, но в бумажной и пластиковой таре.

Стадион к Олимпиаде обновили: установили вместо скамеек индивидуальные пластиковые кресла, идеально выглядел футбольный зеленый газон и оранжевые тартановые беговые дорожки, установлено большое электронное табло и мачты освещения. Мое место было в 20-25 метрах от представительской ложи и, рассматривая в бинокль, я смог четко рассмотреть выражения лиц, выступающих на открытии: президента МОК лорда М. Килланина, председателя МОК СССР и оргкомитета Игр И.Т. Новикова, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, объявившего Олимпийские Игры Москва-80 открытыми. Команды всех стран выстроились на зеленом поле. После их ухода на трибуны особо запомнились выступления юных гимнастов и акробатов, показывающих сложнейшие сальто, прыжки, перевороты и пируэты. Красочно прошел вынос и подъем Олимпийского флага и зажжение Олимпийского огня трехкратным Олимпийским чемпионом в тройном прыжке Виктором Санеевым. Санеев трижды выигрывал Олимпийские Игры: в Мехико-68, Мюнхене-72 и Монреале-76. Его мировой рекорд (17 м 39 см) накануне Игр побил кубинец Оливейра, прыгнув на фантастические 17 м 89 см. Но в Москве Оливейра был только третьим, прыгнув на 17 м 22 см. Санеев же в последней, шестой, заключительной попытке, собрав все силы и мощь, прыгнул на два сантиметра дальше и занял почетное для ветерана второе место. Победил наш молодой советский прыгун из Эстонии Яак Уудмяэ – 17 м 35 см. Я специально на этот день соревнований купил билет рядом с сектором прыжков и воочию видел все перипетии ожесточенной борьбы за медали. Стадион стоя целых пятнадцать минут аплодировал Виктору Санееву, ибо его серебряная награда ничуть не уступала золотой. Этот выдающийся 35-летний спортсмен и великодушный в общении человек, награжденный орденами Ленина, дважды Трудового Красного Знамени, Дружбы народов. Виктор жил в Грузии, вначале в Сухуми, а потом в Тбилиси. Виктор всегда для меня был, есть и будет примером мужества, силы воли, стремления к победе и долголетия в спорте и в то же время естественной скромности в общении. Больше всего я был рад в Москве успешному выступлению Виктора Санеева, с которым в молодости участвовал вместе на соревнованиях республик Закавказья. На соревнованиях в Тбилиси в мае 1969 года на стадионе при награждении за победу Виктора Санеева произошло оригинальное запоминающееся событие. Вместе с медалью организаторы соревнований водрузили на Виктора огромный килограммов на двадцать мандариновый венок. Это событие было в знак того, что Санеев работал лаборантом на кафедре Грузинского института субтропического хозяйства, который он закончил в 1967 году, получив диплом агронома по цитрусовым культурам. Потом он закончил еще институт физической культуры, аспирантуру и стал работать тренером, как и его тренеры-наставник Акоп Самвелович Керселян и Витольд Анатольевич Креер. Почему я так подробно излагаю об этом? А потому, что на одной из тренировок на Республиканском стадионе «Локомотив» в Тбилиси он написал в моем спортивном дневнике добрые пожелания и достижения по жизни и в спорте и расписался.

Виктор Санеев, мой тезка, не просто Олимпийский чемпион – это великий человек, и я, закрывая глаза, снова вижу последний олимпийский прыжок – дерзкий, злой, отчаянный, и его мне не забыть никогда. После распада СССР Виктор Санеев уехал вместе с семьей в Австралию и уже долгое время тренирует там местных спортсменов – элиту и подрастающее детское поколение.

Запомнился еще один момент в Олимпийских Играх, который, кажется, перевернул вспять мои мнения о долголетию в большом спорте. Это забеги на стайерские дистанции 5 и 10 тыс. м, которые выиграл 38-летний чернокожий бегун из Эфиопии Мирус Ифтер – капитан королевских войск и отец пятерых детей. В отличном стиле он на финише легко обходил своих африканских соперников и сильнейших в то время финских бегунов. Дважды олимпийским чемпионом на этой дистанции был знаменитый советский бегун Владимир Куц на Олимпиаде в Мельбурне-1956 г. Но Куц был моложе Ифтера на десять лет. Мне в ту пору Олимпиады-80 было 33 года, и результат 38-летнего Мируса Ифтера привел меня к мысли о возможности возврата в спортивную жизнь, но уже на стайерских дистанциях, вплоть до марафона, где на старт встают вместе и чемпионы, и бегуны всех возрастов. Только старше 40 лет зачет происходит по возрастным группам через пять лет. То есть можно и в преклонном возрасте быть молодым в своей возрастной группе и соревноваться со сверстниками и даже с более молодыми. Очень интригующая ситуация!

Дома в Сургуте семья «сидела на чемоданах» и ждала моего возвращения с Олимпиады. Сразу с одного самолета на другой, и мы уже в Одессе на морском пляже. Старшая сестра Лидия с мужем Иваном Дементьевым ожидали нас, обеспечив путевками в дом отдыха под Одессой – «Коблево». Идеальная чистота моря и августовское солнце, как говорят в Одессе, – 365 дней в году, быстро сняли годичное напряжение северной широты. Утром, до восхода солнца, делал часовые пробежки по песчаной зоне пляжа длиной в полтора километра. Днем много плавал, с непривычки сначала ощущая боль в руках и плечевых суставах. И так в течение трех недель. Кормили до отвала, но вес в 70 кг оставался прежним, зато рост увеличился на 2 см, чего не ожидал по незнанию удлинения позвонка и его гибкости при плавании. На пляже за 20 копеек замеряли эти параметры. Загорелый мужчина, по натуре коренной одессит, не переставая рассказывать анекдоты, привлекал к своему месту очередь желающих проверить свои параметры. После того, как он объявил мой рост в 181 см, я возмутился, что высотомер врет, так как мой рост всегда был стабилен на 179 см. Он попросил не мешать работе, на что я за двойную плату снова встал под ростомер. Тут уж он был вынужден несколько минут уделить мне внимание и объяснил, что если я раньше только бегал, а сейчас много плаваю, то мой позвоночник удлинился., увеличив толщину межпозвоночных хрящей и расстояние между звеньями позвонка. Всё по медицине логично, и это хорошо. Впоследствии, особенно с годами, когда стал ощущать небольшие проблемы с болью в спине, стал включать в процесс тренировки плавание и вис (подтягивание) на турнике, одновременно с поворотами тела. Отличное упражнение!

Вернувшись из длительного двухмесячного отпуска, за который побывали, кроме моря, на моей и Ирины родинах, приступили к повседневной жизни с некоторыми изменениями после впечатлений об Олимпиаде в Москве. Работать перешел в управленческий аппарат объединения «Обънефтегаз-геология» на должность главного технолога. Казалось бы, на повышение, но на более низкую зарплату и без служебной машины, зато времени на личную жизнь стало больше. Не надо рано вставать, и в утренние часы, по привычке вставая рано в 6 часов, стал выходить на пробежку в соседний парк вдоль речки Сайма. По улучшению физической формы утренняя пробежка в 12 км по экологически чистому сосновому лесу скоро дала о себе знать. В выходные дни, которых стало больше, проделывал объемные тренировки по 20-25 км, а раз в месяц – 30 км. И побежал! В Сургуте, кроме соревнований в кроссах от одного до пяти километров, не проводились пробеги на более длинные дистанции. В соседнем Нижневартовске после создания в 1980 году КЛБ «Самотлор» стали проводить соревнования по бегу на шоссе на дистанциях 20 и 30 км, а затем и в марафоне – 42 км 195 м. Как первооткрывателя Самотлора в 1965 году меня стали приглашать на юбилейные торжества нефтяников, в том числе и для участия в пробегах. По примеру в лыжном спорте, первая ветеранская группа по возрасту начиналась с 35 лет и у легкоатлетов. На дистанции в 20 км свою возрастную группу выиграл с результатом 1 час 18 мин. 35 сек.

В 1984 году в Сургуте на юбилей 20-летия создания НГДУ «Сургутнефть» от первой скважины Западно-Сургутского месторождения нефти до площади нефтяников проводился пробег на 30 км, участником которого был и я. Марафонцы в Сургуте тогда были, и они стали победителями пробега. Это Виктор Перевозчиков, Анатолий Плеханов, Николай Яр, Татьяна Маслова. В марафоне – беге на 42 км 195 м они выступали только на выезде: в Тюмени, Омске, Москве, Риге и, конечно, рядом, в Нижневартовске.

Традиционно команда марафонцев и лыжников в летнее время выезжала на полумарафон (21 км) в г. Тобольске. В Сургуте под руководством ветеранов-лыжников (Захаров Леонид Александрович, Щепёткин Юрий Филаретович) создали клуб любителей лыжного бега, куда вошли и легкоатлеты-марафонцы. Вступив в его члены, я стал с ними ездить на соревнования в полумарафоне в Тобольск. Свою возрастную группу 35-39, а затем 40-49 и далее я выигрывал с результатом 1,20-1,24. Но в голове-то у меня было желание принять участие в марафоне.

И вот настал момент, мне пошел сорок второй год. Долго я готовился к этому событию в моей жизни. К моменту старта в первом марафоне должен быть особый настрой и стечение многих обстоятельств, способствующих завершению бега и удачному финишу. Главное – не сойти с дистанции и не получить отрицательные эмоции от бега в первом марафоне. Иначе повторно выйти на старт марафона будет практически невозможно.

Такие положительные обстоятельства сложились осенью 1988 года:

- мне шел 42-й год, то есть пробежать 42 км в 42 года это очень символично;
- с 17 по 30 сентября в Сеуле (Южная Корея) проходили XXIV летние Олимпийские Игры, где 25 сентября были соревнования в марафоне, которые выиграл итальянец Джелиндо Бордини с результатом 2 часа 10 мин. 32 сек.;
- в сентябре 1988 года я находился в Москве на месячных курсах повышения производственной квалификации;
- в сентябре под впечатлением телевизионного просмотра Олимпиады-88 находился на пике моральной и спортивной формы, которая обычно у марафонцев бывает осенью после летнего большого объема беговой нагрузки.

Советские атлеты на Олимпиаде заняли первое место, завоевав 132 медали, из них 55 – золотые.

Московский марафон памяти генерального конструктора космических ракет Сергея Павловича Королева проводился 25 сентября (то есть вместе по времени с марафоном в Сеуле), в котором участвовали около пяти тысяч человек разных возрастов. Мой стартовый номер – 4855, и на финише я был в первых пятистах участников марафона, а в своей возрастной группе 40-44 года – двадцать первым с результатом 3 ч. 20 мин. 55 сек. Но главное, не победа, особенно в первом марафоне, а процесс подготовки и участие в нем. Марафон ведет к самоутверждению и ощущению собственной значимости. Марафон – это праздник эмоций, не сравнимый ни с чем другим! Это покорение вершины, доступной только тем, кто ведет соответствующий здоровый образ жизни! Те, кто познал прелесть марафона, всегда с нетерпением ждут встречи с ним на следующих стартах. Моральной настрой и физическая форма уже через месяц после марафонного бега позволяли участие в последующих стартах. Однако повседневная работа, рождение и воспитание маленькой дочери Елены (28.07.1988 г.) не позволяли отлучаться из Сургута, и второй марафон я пробежал только через год в Тюмени. В пятницу вечерним поездом из Сургута, ночь в поезде, утром в субботу регистрация и получение нагрудного номера и сразу на старт марафона. Вечером поздравление старшей сестры Юлии с днем учителя и сразу на поезд обратно в Сургут. В воскресенье утром уже на планерке у Генерального директора объединения. В такой спешке не до результатов в марафоне. 1.10.1989 г. пробежал Тюменский марафон за 3 ч. 30 мин. 05 сек. И так каждый год, вплоть до 1995 года, раз в году участие в Тюменском марафоне, доведя результат до 3 ч. 08 мин. 15 сек. После 1995 года стал пробегать два марафона в год. Вторым марафоном приурочивал к отпуску в Одессе, Омске.

Была у нас, марафонцев Сургута, голубая мечта – провести свой Сургутский марафон, которая осуществилась 16.05.1999 года. Мы сами – любители бега спортклуба «Барс» стали инициаторами, организаторами и участниками марафона, независимо от администрации города и его спорткомитета. Во многих городах России так проводили марафоны, а потом регистрировали его в Российском клубе любителей бега (КЛБ «Бег и мы»), руководимом Прокопьевым Борисом Михайловичем в г. Зеленограде, Москва. В последующие годы к марафону подсоединились спонсоры, спорткомитеты Сургута и Ханты-Мансийска, и уже двадцать лет он проводится на высоком по рейтингу уровне.

Кстати, свой родной Сургутский марафон я пробежал за 3 ч. 01 мин. 03 сек., заняв четвертое место в общем зачете. Это был мой тринадцатый по счету официальный старт в марафоне. За все двадцать лет на Сургутском марафоне стартовал ежегодно, что дорогого стоит: в определенное время в определенном месте морально и физически быть готовым к бегу на 42 м 195 м. Лучший результат в спортивной карьере показал в следующем 2000 году, находясь в отпуске на Алтае в Белокурихе, на Бийском, памяти Василия Шукшина, марафоне. В свои 53 года пробежал 42 км 195 м при жаре в 30 градусов за 2 ч. 59 мин. 40 сек., впервые выбежав из трех часов. В последний раз в районе трех часов показал результат в возрасте 57 лет на Тюменском марафоне – 3.00.36 сек. Это был мой уже 26-й марафон.

В последующие годы результаты понемногу стали ухудшаться по времени, а по занятому месту в своей возрастной категории оставался на первом месте. После выхода на заслуженный отдых и переезда из Сургута в Пермский край на родину супруги Ирины бегать марафоны стал чаще – 3-4 раза в год. На тренировках предпочтение отдавал медленному длительному бегу – полтора-два часа, доведя месячный объем до 500-600 км.

Являясь членом Всероссийского КЛБ «БиМ», я стал и членом Европейской Ассоциации марафонцев, устав которой обязывает в поддержку Олимпийских Игр и здорового образа жизни принять участие в марафонах в европейских городах, где проводились Олимпиады, начиная с 1896 г. в Афинах. Таких городов в Европе – 12: Хельсинки, Стокгольм, Барселона, Париж, Берлин, Рим, Афины, Мюнхен, Амстердам, Антверпен, Лондон и, естественно, Москва. За 11 лет, начиная с 2008 по 2018 выполнил эту программу, участвуя в марафонах во всех двенадцати городах Европы.

Обычно ездили группой ветеранов-марафонцев под руководством организатора, тренера и одновременно участника марафона Сухорукова Владимира Николаевича. За выполнение этой программы Российским отделением Европейской Ассоциации марафонского бега был награжден призом с вручением Сертификата за номером шесть, то есть только шесть бегунов из России пробежали марафон в этих двенадцати городах Европы. Кроме участия в марафоне, два-три дня ходили на экскурсии по городу с осмотром его исторических достопримечательностей, в том числе олимпийских спортивных стадионов.

29 сентября 2013 года был участником Берлинского марафона. В числе сорока семи тысяч бегунов со всего мира со стартом от Рейхстага пробежал по улицам Берлина 42 тысячи 195 шагов и через 3 часа 47 минут 08 сек. финишировал у Бранденбургских ворот, где в мае 1945 года советские воины слагали фашистские знамена к ногам победителей. Этот марафон я посвятил памяти отца Алексея Кузьмича, совершившего боевой путь от Москвы до Берлина в звании старшины разведроты. Перед стартом при регистрации на марафон каждому участнику было дано право написать отзыв и расписаться на громадном картонном плакате длиной 12 м и высотой в 2,5 метра. Моя надпись гласила: «Марафон посвящаю памяти своего отца Федотова Алексея Кузьмича – гвардии старшины разведроты Бобруйской ордена Красного Знамени ордена Кутузова 2 степени 348 стрелковой дивизии, бравшего Берлин и штурмовавшего Рейхстаг в мае 1945 года», и, естественно, расписался. Это был мой очередной, 52-ой марафон.

Начиная с 2009 года также в память о моем отце, участвовавшем в снятии блокады Ленинграда в конце 1943-начале 1944 года, ежегодно возлагаю цветы на Пискаревском кладбище к монументу погибшим воинам, а на следующий день – в последнее воскресенье января бегу международный марафон «Дорога жизни» от Ладожского озера до Санкт-Петербурга, где по шоссе через каждый километр установлены гранитные стелы-памятники. Вот и в этом 2021 году 31 января в 74 года пробежал свой 74-й марафон за 4 ч. 23 мин. 34 сек., заняв второе место из десяти участников в группе 70-74 года. Всего в беге на 42 км 195 м участвовало 1600 человек, и при лимите в шесть часов я был не в числе последних, а 1209-ым, опередив около 400 более молодых соперников.

Запас лимита времени пробега марафона еще большой, составляет более полутора часов, и все еще впереди. Марафон, однако, продолжается!



5 мая 1972 г. Тюмень.  
Молодожены Федотовы – Виктор и Ирина (четвертое и пятое поколение династий Федотовых и Панютиных).



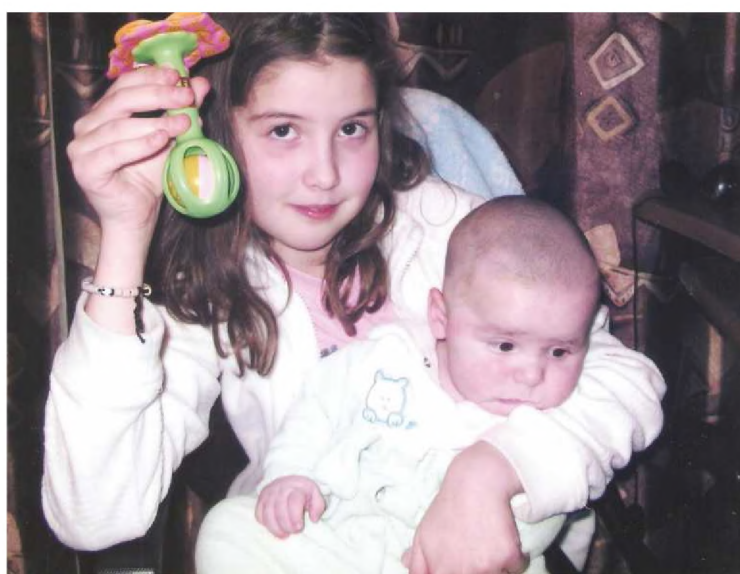
2013 г. Сургут.  
Династия Федотовых (4-6 поколение) в краеведческом музее на встрече, посвященной Дню геолога. Виктор Алексеевич с сыном Алексеем и продолжателем династии внуком Ярославом.



25 июля 1998 г. Сургут.  
Дворец бракосочетания. Алексей и Венера Федотовы (пятое поколение династии Федотовых).



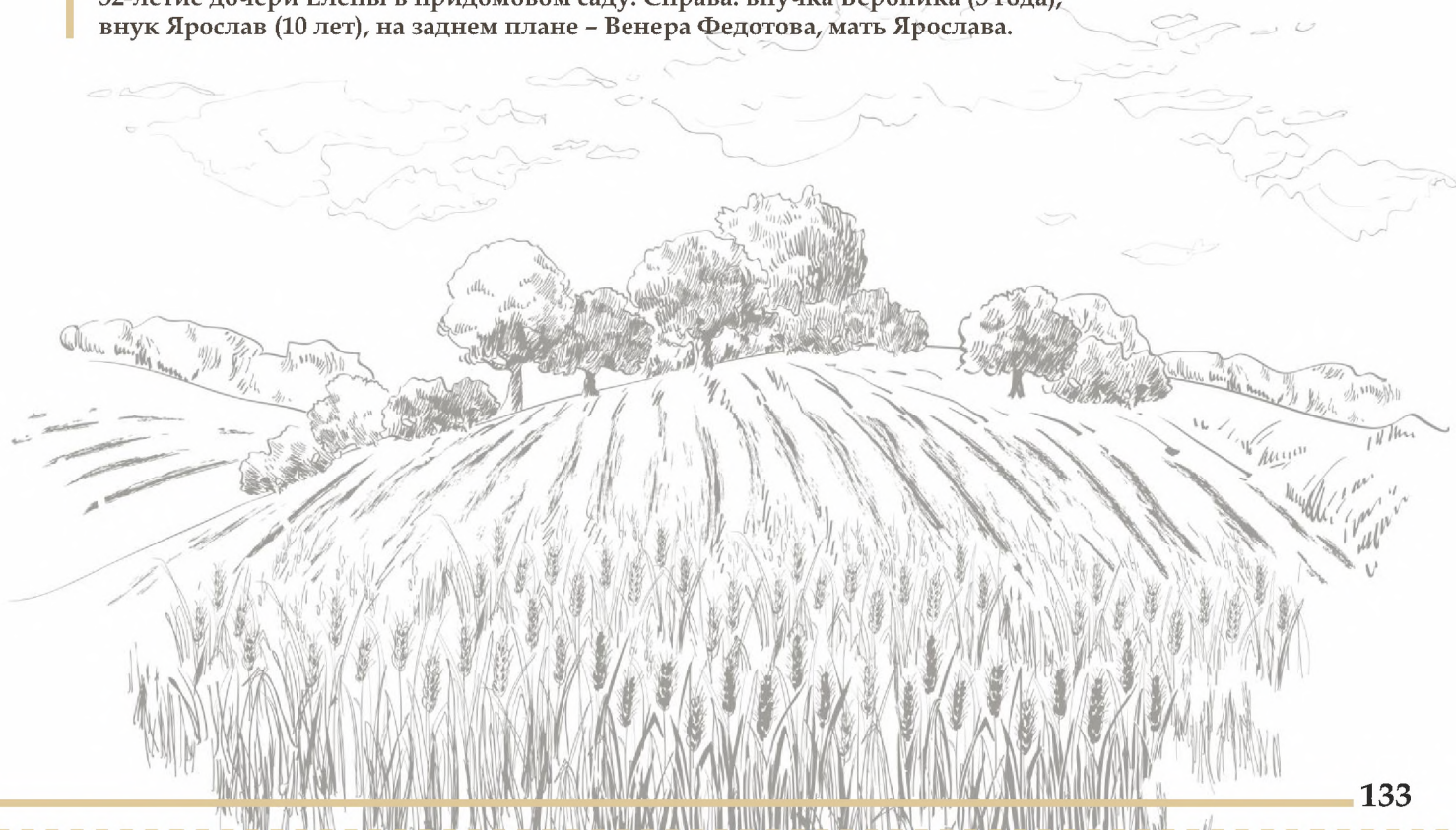
2 сентября 2010 г. Сургут.  
Виктор Федотов с долгожданным наследником династии внуком Ярославом (шестое поколение).



Сентябрь 2010 г. Сургут.  
Внучка Екатерина Федотова (10 лет) с братиком Ярославом (2 месяца).



28.07.2020 г. Город Оса, Пермский край.  
32-летие дочери Елены в придомовом саду. Справа: внучка Вероника (3 года),  
внук Ярослав (10 лет), на заднем плане - Венера Федотова, мать Ярослава.





Октябрь 1965 г. Самотлор.  
Виктор Федотов – слесарь  
Мегионской НРЭ на скважине Р-1.



Сентябрь 2015 г. Самотлор.  
Ветеран геологии В.А. Федотов.  
50-летие Самотлора. На мемориале.



2007 г. Бугуруслан.  
70-летие первой скважины  
«второго Баку».



Верный азимут.  
Самотлору – 50 лет.



Июнь 1965 г. Посёлок Мегион.  
Половодье на Оби. Виктор Федотов –  
молодой специалист, слесарь 4 разряда  
Мегионской экспедиции.  
Старый посёлок Мегион в воде.



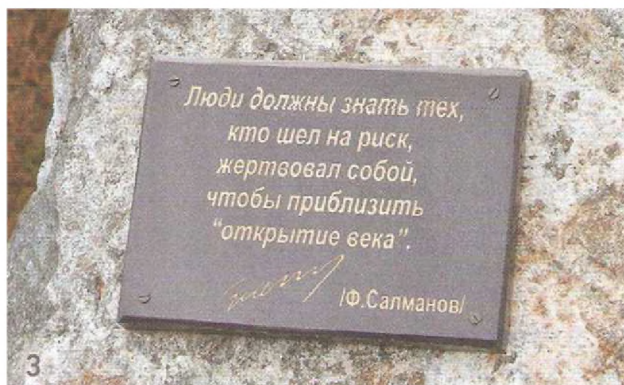
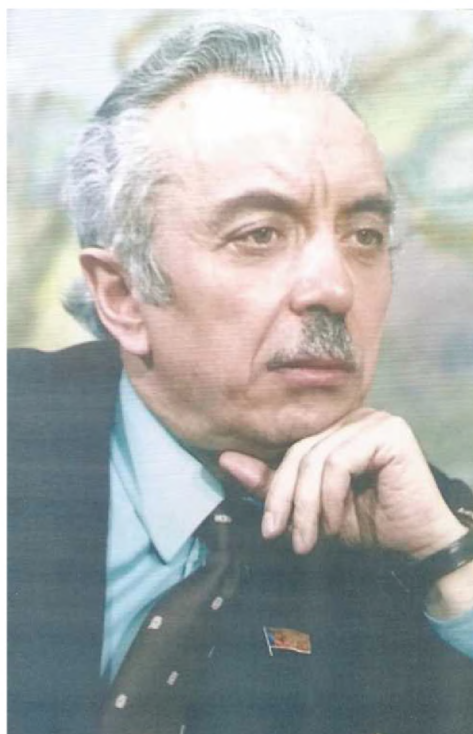
2014 г. Сургут.  
Открытие памятника нефтяникам в юбилей  
50-летия добычи первой нефти Сургута.



2012 г. Сургут.  
Музей Фармана Салманова. Ветераны геологии Среднего Приобья  
на 55-летию первого десанта геологов в Сургут.



2015 г. Ханты-Мансийск.  
Музей геологии нефти и газа.



Фарман Курбанович Салманов –  
начальник первых нефтеразведок Среднего Приобья (1957-1970),  
главный геолог, начальник Главтюменьгеологии (1970-1987),  
зам. министра геологии СССР (1987-1991). Герой Социалистического Труда,  
лауреат Ленинской премии, член-корреспондент. АН СССР.



Весна 1966 г.

Первооткрыватели Самотлора перед забуркой второй скважины Самотлорского месторождения нефти (Р-9). Справа: Николай Овчаренко – помощник бурового мастера, Александр Греков – бурильщик, Александр Петров – главный механик, Григорий Норкин – буровой мастер, Виктор Пархомович – начальник цеха бурения, Виктор Кануткин – главный энергетик, Валерий Андреев – начальник ПТО, Александр Сергунин – заместитель начальника цеха бурения, Афанасий Бондарь – старший топограф.



1959 г. Посёлок Локосово Сургутского района.

Начальник Сургутской нефтеразведки Ф.К. Салманов (в центре) с членами буровой бригады В.Н. Лазаренко на скважине Р-31 Локосовской площади.



Апрель 2007 г.  
День геолога в Сургуте в год 50-летия первого десанта геологов в Среднем Приобье.  
Слева – ветераны труда и спорта:  
Виктор Федотов (60 лет),  
Василий Мартынов (80 лет),  
Юрий Щепёткин (70 лет).



21 сентября 2013 г. Ханты-Мансийск.  
50-летие нефтегазоносной провинции Западной Сибири (п. Березово – 1953 г., газовый фонтан).  
Виктор Федотов (в центре) с наставником по работе Фарманом Курбатовичем Салмановым  
и по литературной деятельности – Анатолием Прохоровичем Зубаревым, председателем  
Сургутского отделения Союза журналистов России.



1979 г.

Главный инженер Сургутской НГРЭ Виктор Федотов (в центре, четвертое поколение династии нефтяников Федотовых) на испытании опытной партии долот с работниками Тюменского научно-исследовательского института ЗапСибБурНИПИ.



2020 г. Санкт-Петербург.

Директор Департамента бурения ООО «Газпромнефть» Константин Владимирович Кулаков (шестое поколение династии нефтяников Федотовых-Репиных-Кулаковых).



2015 г. Москва.  
Командировка в Газпром. Алексей Викторович Федотов – начальник отдела технологической безопасности ОАО «Сургутгазпромпереработка» (пятое поколение династии нефтяников Федотовых).



2014 г. Город Бузулук Оренбургской области.  
Константин и Евгений Владимировичи Кулаковы (шестое поколение династии Федотовых).  
Константин – заместитель Генерального директора по бурению ОАО «Оренбургнефть»,  
Евгений – коммерческий директор отделения ООО «Татбурнефть» в г. Бузулуке.



2018 г. Бугуруслан Оренбургской области.  
Игорь Евчук (справа) – бурильщик капитального ремонта скважин ОАО «Оренбургнефть»  
(седьмое поколение династии нефтяников Федотовых) с дядей  
Виктором Алексеевичем Федотовым (четвертое поколение).



1 февраля 2021 г. Санкт-Петербург.  
Виктор Федотов после участия в марафоне «Дорога жизни» (бег на 42 км 195 м) в гостях семьи Кулаковых –  
Константина и Ирины – с воспоминаниями из жизни династии Федотовых.



Июль 1945 г. Бугуруслан.  
Возвращение с Победой. Алексей Кузьмич Федотов – старшина разведроты 804 отдельного батальона связи 348 Бобруйской ордена Красного Знамени ордена Кутузова 2 степени Гвардейской стрелковой дивизии. Конармеец 25-ой легендарной дивизии В.И. Чапаева в 1919 году.



1967 г. Баку.  
Виктор Алексеевич Федотов – рядовой радист-радиотелеграфист войск ПВО Закавказского военного округа. После учебы на военной кафедре института и воинских сборах (2 месяца) в боевой части присвоено офицерское звание старшего лейтенанта.



1945 г. Пруссия.  
Василий Илларионович Бавенков (муж Татьяны Алексеевны Федотовой). Водитель «полупортки» подвоза снарядов к линии фронта.



1968 г. Германия.  
Михаил Васильевич Бавенков – механик-водитель танка группы Советских войск в Германии. Участник подавления пражского мятежа в 1968 г.



Военные награды Алексея Кузьмича Федотова.



1987 г. Монгольская граница, г. Кяхта.  
Алексей Викторович Федотов (слева) – старший лейтенант, заместитель командира танковой роты (пятое поколение династии).



---

1969 г. Владивосток.  
Владимир Алексеевич Федотов –  
командир отделения дальнобойного  
артиллерийского орудия  
(четвёртое поколение династии).



2009 г.  
Игорь Евчук – сержант-водитель боевой машины «Град» (прототип военной «Катюши»)  
(седьмое поколение династии Федотовых).



28 января 2018 г. Санкт-Петербург.  
Виктор Федотов в беседе о снятии блокады Ленинграда в январе 1944 года, где участвовал отец – Алексей Кузьмич с генерал-лейтенантом Николаем Ивановичем Петровым – заместителем командующего Ленинградским военным округом, главным судьёй марафона «Дорога жизни», посвященного снятию блокады.



1975 г. Куйбышев (Самара).  
Юрий Михайлович Рыбаков (5 поколение династии) – старший лейтенант внутренних войск после военной кафедры института и прохождения военных сборов.  
Его отец – Михаил Алексеевич – участник Великой Отечественной войны – рулевой торпедного катера на Балтике.



1978 г.  
Александр Валентинович Хлебнов  
(5 поколение династии) – старший сержант.  
Сын Майны Алексеевны Федотовой.



2007 г. Город Санкт-Петербург  
Прапорщик Балтийского флота  
Геннадий Чипишко (6 поколение династии).



2018 г. Город Оса, Пермский край.  
В строю «Бессмертного полка» Виктор и Ирина Федотовы с портретами отца Алексея Кузьмича  
и матери Дарьи Алексеевны.



1955 г. Бугуруслан Оренбургской (Чкаловской) области.  
Дарья Алексеевна Федотова - Мать-Героиня, труженица тыла,  
кочегар нефтепромысла №1 НПУ «Бугурусланнефть».



Правительственные награды Дарьи Алексеевны Федотовой.



2015 г. День памяти на Пискаревском кладбище Санкт-Петербурга в честь 70-ой годовщины Победы. Отец - Алексей Кузьмич Федотов - участник снятия блокады в январе 1944 г.

## ГЛАВА СЕДЬМАЯ

### Гранит науки

Тюменский индустриальный институт на пять лет с 1970 по 1975 год стал моей альма-матер, где я стал грызть гранит науки бурения нефтяных и газовых скважин. После открытия в 1953 году первого в Тюменской области Березовского газового месторождения и начала поисково-разведочных работ на нефть, встала необходимость подготовки инженерных кадров в областном центре – Тюмени.

20 августа 1956 года Приказом №666 Министерства высшего образования СССР в Тюмени в здании машино-строительного техникума был создан учебно-консультационный пункт (УКП) от Уральского (г. Свердловск) политехнического института. Первый заведующий УКП Гурьев Федор Иванович нацелился на преобразование УКП в самостоятельный вуз. Нефтяные вузы страны не обеспечивали количество инженеров для освоения нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири. И только 8 января 1964 года Приказом №18 Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР был создан Тюменский индустриальный институт (ТИИ), ректором которого назначили Косухина Анатолия Николаевича. В годы моей учебы ректором института был Копылов Виктор Ефимович.

За годы существования ТИИ подготовил около 200 тысяч специалистов, что составляет 60% инженерных кадров топливно-энергетического комплекса страны.

Преподавательский состав на первых порах наполовину был укомплектован практиками, получившими непосредственный опыт работы на производстве в нефтяной промышленности. Это декан нефтегазопромыслового факультета Дворниченко Владимир Петрович (одновременно он и преподавал нам лекции по буровым растворам и химреагентам), преподаватели кафедры бурения Грязнов Георгий Степанович, Трубин Александр Николаевич, Филатов Павел Дмитриевич, Свищёв Михаил Федорович – профессор, доктор геолого-минералогических наук с кафедры разработки нефти и газа, и другие.

Моя семейная трудовая династия и работа после техникума на Самотлоре способствовали естественному пониманию и легкому усвоению институтских дисциплин. Правда, первые два года учебы давались с трудностями при изучении высшей математики, сопромата, термеха, да и над английским корпел, но терпел. В этих дисциплинах мне очень помог однокашник Сергей Ефремов, поступивший в институт после окончания школы с медалью. На старших курсах я, наоборот, помогал осваивать ему производственные дисциплины. Впоследствии, после окончания института, мы вместе с ним не один десяток лет работали в геологоразведке. На первых курсах учебы, когда я выезжал за сборную области на соревнования, то пропускал лекции, но их конспекты переписывал у Сергея и на экзамены и зачеты приходил подготовленным. Но находились преподаватели, которые принципиально ставили мне в укор пропуски лекций и гоняли по нескольку раз пересдавать предмет.

Так, например, сопромат пересдавал своему преподавателю дважды, а на третий раз не выдержал и с разрешения деканата сдал экзамен другому преподавателю на «хорошо».

За время экзаменационных сессий «хвостов» не было и стипендию начисляли вовремя все пять лет. Однако, будучи семьянином с третьего курса, средств стало не хватать и пришлось подрабатывать в научно-исследовательском институте нефти и газа (ЗапСибНИГНИ), где также работала супруга Ирина. По окончании Пермского геологоразведочного техникума Ира работала в секторе подсчета запасов нефти, возглавляемом кандидатом геолого-минералогических наук Шпильманом Владимиром Ильичом. Наши институты находились рядом на одной улице Володарского в центре Тюмени. После лекции и работы в институтах мы встречались и шли по центральной улице Республики к нашему общежитию. Тридцать минут дороги было основным временем продолжения нашего знакомства и дружбы. Иногда заходили в кинотеатр или кафе. Мои спортивные тренировки и выполнение домашних заданий по учебе в институте не давали нам часто встречаться в общежитии.

Когда после нашего знакомства на «голубом огоньке» седьмого ноября 1970 года проводил Ирину до двери комнаты, то она спросила, где я научился так хорошо танцевать (при приглашении на дамский вальс мы завоевали первый приз). Узнав, что в юношеские годы этому меня научили немецкие девушки, она спросила: а чему еще они тебя научили? Я молча впервые поцеловал ее, и это было ответом на вопрос. Легким прикосновением я ощутил кулон на ее груди в разрезе голубого платья, ладно облегающем ее точеную фигурку. Ее грудь украшал синий сапфировый камень в изящном обрамлении на крупной серебряной цепочке. Меня заинтересовало явно историческое происхождение этого редкостного ювелирного украшения. Она застеснялась продолжительного взгляда и скромно, но с достоинством удовлетворила мое неприличное любопытство. Кулон достался по наследству от бабушки – Панютиной (Мичуриной) Паины Васильевны (1905 года рождения). Она в то время проживала в п. Кочкор-Ата Ленинского района в Киргизии. Как потом сказала Ирина, они вместе с дедом Панютиным Александром Ивановичем закончили в г. Ташкенте курсы радистов (азбука Морзе), были военнообязанными и обслуживали радиосвязью с поселка Шахрихан 16 удаленных районов Узбекистана и Киргизии. Во время Отечественной войны Александр Иванович был призван на фронт. Паину Васильевну не призвали, так как у нее было двое малолетних детей (11 лет и 4 года) и необходимо было обеспечивать круглосуточную радиосвязь. Других радистов в поселке не было. Переехали жить на почту в маленькую комнатку, где на столе стояла рация. Спали все под столом. Но связи надо было быть 24 часа в сутки. По этой причине мать Ирины, Радченко (Панютина) Юлия Александровна, начала свою трудовую деятельность в 13 лет в должности связиста и впоследствии получила удостоверение «Труженик тыла».

Прапрадед Иры – полковник Панютин служил под командованием «белого генерала» Скобелева М.Д. (1843-1882 г.) во время Балканской войны (освобождение Болгарии), а затем в Средней Азии с 1880 г., когда внутрь Закаспийской области отправилась военная экспедиция, получившая название Ахал-Текинской. Это было последнее звено в присоединении земель Средней Азии к России. Генералу Скобелеву М.Д. Средняя Азия была хорошо знакома, он участвовал в завоевании ее земель, подавил междоусобную войну в Кокандском ханстве, был военным губернатором этого района в 1875-1876 годах. «Белым генералом» его называли русские воины и местное население в честь того, что в атаках он всегда был впереди на белом коне в белом парадном генеральском кителе при всех орденах.

Прадед Ирины Панютин Иван служил начальником Кокандской железной дороги. Отец Радченко Петр Павлович (12.07.1926-21.01.1962 г.) воевал во время Великой Отечественной войны добровольцем, приписав себе два года, был сильно контужен. После войны работал в п. Шахрихан слесарем, затем механиком в нефтеразведочной экспедиции в п. Кочкор-Ата (позднее объединение «Киргизнефть»), куда семья переехала в 1953 году (Ирина родилась 14.10.1950 г. в п. Шахрихан), затем главным механиком Маштексайской нефтеразведочной экспедиции (Казахстан).

Строительство Закаспийской железной дороги велось форсированными темпами. Капитану 2 ранга Макарову Степану Осиповичу (1848-1904), будущему вице-адмиралу, было поручено организовать доставку к месту сооружения железнодорожной трассы все необходимое. А необходимы были шпалы, рельсы, лес, паровозы, вагоны и многое другое. Все это доставлялось только по Каспию. Работа спорилась. Основной поток грузов для скобелевской экспедиции пошел к месту военных событий не на спинах верблюдов, а по железной дороге. Непосредственно руководителем строительства начальной части Закаспийской железной дороги стал генерал-майор Михаил Николаевич Анненков. Он был одним из ведущих специалистов в вопросах железнодорожного строительства в Российской империи.

В наших с Ириной детях и внуках соединились родовые династии Федотовых и Панютиных. Вот уже более пятидесяти лет в моей чайной кружке находится серебряная ложка с Российским гербом – двуглавым орлом.

Осенью 1972 года, перед выходом в декретный отпуск и рождением нашего первенца, Ирина пригласила меня в свой сектор подсчета запасов нефти института ЗапСибНИГНИ. Общение с ними открыло мне совсем иной взгляд на представления о сложении земной коры, в толще которой находятся залежи нефти и газа. Это была первая не только в Западной Сибири, но и в СССР группа ученых, внедряющих прикладную математику в геологию нефти и газа с обработкой данных и построением карт прогнозных запасов с помощью электронных вычислительных машин (ЭВМ Минск-22, Минск-32). В секторе, возглавляемом кандидатом (позднее доктором) геолого-минералогических наук Шпильманом Владимиром Ильичом (15.04.1941-11.01.2001 г.), под его руководством работали Гарий Исакович Плавник, Александр Еханин, Владимир Гришкевич, Лев и Наталья Судат, Наталья Таран, Ирина Радченко (Федотова).

Результаты их работы брались за основу перспективного развития целых нефтегазоносных регионов и привязанных к ним рабочих поселков и городов. Впоследствии все мужчины стали кандидатами геолого-минералогических наук, а Шпильман В.И. – член-корреспондентом Академии наук, руководителем созданного им в 1993 году в г. Ханты-Мансийске геологического научно-аналитического центра (ГУП ХМАО НАЦ РН). После преждевременной кончины Владимира Ильича НАЦ назван его именем, и дело его продолжает сын Александр Владимирович. Однако прямая династия.

5 мая 1972 года сектор в полном составе был на нашей с Ирой молодежной свадьбе в общежитии Главка. Трижды пришлось нам проводить торжественно свадебные ритуалы. 9 мая нас встречали в г. Осе Пермской области родители Ирины, ее школьные подруги и друзья детства и юности, коллеги по работе ее матери и отчима – Гирько Алексея Андреевича. Родители Ирины работали в Осинском управлении буровых работ на должностях главного экономиста и главного энергетика. Кроме свадебной церемонии, они организовали нам отличную свадебную неделю с выездом на Камскую заповедную зону – Материк.

Нам надо было срочно возвращаться в Тюмень. Ирине, как и положено, дали на свадьбу три дня, да и праздничные на 9 Мая, а мне необходимо было сдавать очередную экзаменационную сессию в институте. После сдачи сессии Ирина взяла на работе очередной отпуск, и мы отправились на мою родину – в Бугуруслан. Мои родители предупредили, что свадьбу будем играть по всем русским обычаям, и нам в третий раз пришлось облачаться в роль жениха и невесты. Собралась вся большая родня династии Федотовых, еле поместились в двухкомнатной квартире. Благо, было лето, и плясать и веселиться выходили во двор и наш небольшой садик-огород. На открытом воздухе в этом садике мы с Ириной и спали на раскладушке, вдыхая запахи цветов и плодово-ягодных насаждений. На отцовском мотороллере, вспомнив юность, объехали с Ириной всех родственников и ближайшие заповедные места: Аксаковское поместье с большим садом и прудом, накупались в чистой воде и позагорали под теплым Оренбургским солнцем; село Пилюгино, где отец воевал в Гражданскую войну в дивизии Чапаева; в деревне Карповка, где располагался пионерский лагерь (место моего летнего жития в детстве). Хорошо в родном краю! Обратно в Тюмень возвращались через г. Осу и закончили наконец-таки свой медовый месяц у родителей Ирины – на Каме. На моторной лодке «Прогресс» вместе с родителями Ирины пересекали обширную гладь Камского моря (Воткинское водохранилище), порыбачили лещей и судаков, пособирали ягод (клубники, земляники) на склонах холмов и белых грибов в заповедном сосновом бору, помогали растить урожай на дачном участке на берегу Камы. Отдохнувшие, воодушевленные прекрасным времяпровождением медового месяца начали молодую семейную жизнь: я продолжил грызть гранит науки, а Ирина готовилась стать матерью. Перед родами, в начале октября, Ирина уехала к родителям в Осу. До этого мы с ней четыре летне-осенних месяца жили в моей комнате в общежитии, благо, в летний сезон до первого снега мой напарник по комнате Валерий Солнцев – геофизик по образованию, работал на полевых работах в тайге.

Традиционно перед самым Новым годом в общежитие приходил поздравить молодых геологов сам начальник «ГлавТюменьгеологии» Эрвье Юрий Георгиевич. Мы между собой звали его папа Юра. В парадном костюме, при Золотой Звезде Героя Социалистического Труда, он поочередно вызывал на «ковер» вновь образовавшиеся в течение года семейные пары и раздавал подарки – кому комнату в семейном общежитии, а кому и отдельную квартиру.

Ирина 27.10.1972 г. родила сына Алешку, названного в честь дедов, и пока находилась у родителей в Осе. На «ковер» я вступил один, и Юрий Георгиевич встретил меня как знакомого геолога. Мы уже третий раз встречались официально. Он поздравил с законным браком и рождением сына, поинтересовался моей учебной работой в институте и занятиями спортом. Спросил и о родителях моих и Ирины, и выделил комнату в соседнем малосемейном общежитии, обещал садик сыну, а после окончания вуза и квартиру. Такие условия в геологии представляли семейным парам, где муж и жена работали в системе Главка. До Нового года оставалось 30 часов, и я ночным поездом к вечеру 31 декабря был в Перми. Последний автобус ушел, на такси денег нет. На городском автобусе доехал до последней остановки, вышел на мороз под минус тридцать градусов и в полушубке и меховых сапогах стал пританцовывать у обочины. До Осы 130 км, а время уже восемь вечера. Редкие легковые машины, торопясь перед Новым годом в район курорта «Усть-Качка» и п. Юго-Камский, что в 30 и 50 км от Перми, проскакивали мимо поднятой руки. Наконец грузовой бензовоз остановился и подбросил меня до Юго-Камского. Простояв еще с полчаса, мне повезло в прямом смысле – до Осы подвез порожний трубовоз ЗИЛ. За пятнадцать минут до Нового 1973 года я впервые держал в руках своего сыночка Алешку и обнимал супругу Ирину. Счастью в доме не было предела!

Через неделю надо было возвращаться в Тюмень для сдачи очередной сессии и продолжать учебу в институте. Весной нашему сыну исполнилось полгода, и Ира с ним приехала в выделенную малосемейку. Деньги, заработанные до института, кончились. В комнате одна кровать, столик с парой табуреток да детская кроватка. Через месяц, сдав сессию за третий курс, уехал на заработки в свою родную Мегионскую экспедицию на практику. Прихватил и августовские каникулы, работая в передовых буровых бригадах Малыгина С.Л. и Макара Владимира Антоновича – молодого специалиста после окончания Дрогобычского техникума, что на Западной Украине. Не выезжал с буровых и выработывал двойную норму часов, зато привез в Тюмень семье 1200 рублей, да потом еще переслали из Мегиона премию в 250 рублей, что хватило со стипендией в 47 рублей 50 копеек на последующий год. Приобрели даже холодильник и телевизор да шкаф для одежды. Пока я работал на Севере, в Тюмень из Средней Азии (п. Кочкор-Ата) прилетела Ирина бабушка – Паина Васильевна, но резко континентальный климат не соответствовал ее 68-летнему возрасту, да и не привыкла она жить в такой тесноте, и к осени она улетела обратно в теплые края. Уезжая, бабушка на следующее лето пригласила нас к себе.

В полтора года сына Алексея оформили в детсад-ясли, и Ирина вышла на работу в свой научный сектор. У меня продолжилась учеба, и на последних курсах я подрабатывал на полставки в лаборатории НИИ.

В Среднюю Азию, на родину Ирины, мы поехали только после окончания института и трех лет работы в геологоразведке без отпуска, то есть летом 1978 года. Северный отпуск в два месяца позволил побывать и в г. Осе на Каме, и на моей родине в г. Бугуруслане, где впервые с нами был сын Алеша. Наконец-то мои родители увидели продолжателя нашей династии Федотовых – внука Алексея. Из Самары, что в 150 километрах от Бугуруслана, самолетом ночью прилетели в Ташкент, где нас встретил двоюродный брат Ирины – Евгений Сухарев. Ни Ира, ни Женя не знали в лицо друг друга. Стою к справочному бюро и прошу объявить по громкой связи о встрече, а стоящий за мной мужчина говорит, что не надо объявлять, что Евгений – это он. Вот такая встреча!

На своем «жигуленке» он повез нас через весь ночной Ташкент, как он выразился, – в «махалья». По-узбекски – это район глинобитных домов с садом на окраине города. В своей городской квартире в многоэтажке летом они не проживали из-за жары и опасности возможного землетрясения, а за городом и прохлада, и большой фруктовый сад. Неделю отогревались от Севера и лакомились садовыми ягодами и фруктами. Евгений работал начальником узла связи при почтамте, а его супруга с матерью занимались садом-огородом и детьми. Через неделю маленьким самолетом ЯК-40 через весь Узбекистан и горы перелетели в г. Андижан, что ближе к Ферганской долине. В г. Андижане жила двоюродная сестра Ирины – Зоя и другие родственники. Посетив их и большой южный базар, надолго не задержались и на автобусе приехали к Ириной бабушке Паине Васильевне в п. Кочкор-Ата. Ей было 73 года, и она жила одна в однокомнатной квартире. Пешком ознакомились с окрестностями: нефтяной промысел, роща грецких орехов, арыки с гор и пастухи овец на осликах. Отдыхали в прохладной тени огромных деревьев – чинар. Съездили за 20 км в районный центр Ленин-Джол, где на базаре купили специально выращенный рис для плова и отправили его посылкой в Сургут. Через неделю переехали автобусом еще к одной двоюродной сестре Ирины – Алле в п. Боз, что рядом с г. Шахриханом. От нее несколько дней путешествовали по Ферганской долине протяженностью 300 км. Настоящий оазис южной природы и истинно азиатских городов: Фергана, Маргилан, Наманган, Коканд. Вся долина орошается рекой Сыр-Дарья и сетью Ферганских каналов. Последний этап нашего путешествия по Средней Азии – это перелет г. Ош – г. Фрунзе (столица Киргизии), где мы по путевке две недели провели в доме отдыха недалеко от большого и красивейшего озера Иссык-Куль.

Вечером на закате солнца из окна комнаты в доме отдыха вдали на плоскогорье виднелась большая поляна красноватого цвета. Ирина, как геолог, пояснила, что это обнажение глинистой породы, а я утверждал, что это тюльпаны. Сын Алешка для разрешения спора предложил совершить туда пеший поход.

Рано утром, пока все спали, в спортивной форме выбежал на зарядку в сторону красного обнажения и вернулся с охапкой красных тюльпанов, установив их в ведро с водой под носом крепко спящих с дороги Иры с Алешкой. Проснувшись, они убедились в моей правоте и после завтрака напросились в поход к цветам за пять километров от дома отдыха. Изрядно загоревшие под азиатским солнцем с букетами вернулись к обеду. Подали на стол лагман – блюдо с длинной вермишелью и бараниной. Алешка потянул в рот, сильно вдохнув, одну макаронину, и она попала ему в дыхательное горло. Чуть не задохнувшись, он прокашлялся с легким постукиванием нашей руки по спине. С тех пор он длинные макароны или лапшу стал предварительно делить на части вилкой или ножом.

Из Фрунзе в Сургут возвращались через Новосибирск самолетом. Таков итог нашего первого большого отпускного путешествия по местам проживания династии Панютиных-Радченко.

Последние два года учебы в институте пролетели быстро. Имея прединститутскую практику, спецпредметы щелкал, как кедровые орешки. Для содержания семьи подрабатывал в лаборатории спецрастворов Главковского института ЗапСиббурНИПИ. Заведующий лабораторией, кандидат технических наук Козубовский Александр Ильич, как никто другой, понимал мои проблемы. В молодости он занимался боксом – мастер спорта и чемпион Тюмени. Он поощрял мои занятия в легкой атлетике и лыжах. Впоследствии мы наши научные рецептуры буровых растворов применяли на практике при бурении разведочных скважин в северных экспедициях. На защите диплома в июне 1975 года председателем комиссии на нефтегазо-промышленном факультете был сам Муравленко Виктор Иванович – начальник ГлавТюменьнефтегаза, Герой Социалистического Труда. Он сразу уловил мою практическую струнку производственника и защиту оценил на «отлично», а тему спецглавы проекта предложил внедрить в практику – «Бурение оценочных скважин со вскрытием пласта раствором на нефтяной основе (РНО)». В десятке бурения таких скважин мне приходилось принимать непосредственное участие.

Выпускники нашей группы буровиков в основном распределились работать в Западной Сибири. Меня распределение не касалось, так как я учился по направлению от производства и должен вернуться в Мегионскую НГРЭ. Однако начальник ГлавТюменьгеологии Эрвье Юрий Георгиевич имел право направить меня на более необходимый участок работы, и он попытался переубедить меня. От двух руководителей производства к нему поступили заявки на мое распределение. Мой бывший начальник Мегионской НГРЭ Абазаров В.А., дававший направление на учебу, возглавлял самую северную на Ямале Карскую НГРЭ и приглашал меня туда, гарантируя квартиру в Тюмени, так как там работали вахтовым методом. Второе предложение поступило от Козубовского А.И. – остаться в Тюмени и работать у него в лаборатории с перспективой продвижения. Квартиру также гарантировали, причем супруге Ирине не пришлось бы менять место любимой работы в секторе подсчета запасов у Шпильмана В.А. Я воздержался от обоих предложений.

Меня ждали в Мегионе, где начальником экспедиции стал Гавриков Валентин Андреевич, с которым десяток лет назад мы были молодыми специалистами и вместе работали в геологоразведке и комсомоле. Эрвье, как начальник и авторитетнейшая личность, продолжал настаивать на своем, нажимая по политико-воспитательной линии. Из комсомольского возраста двадцати восьми лет я уже вышел, а в коммунистическую партию, куда рекомендовал мой отец, ставший коммунистом в окопах под Москвой в 1941 году, пытался вступить в институте. Однако, отнеся меня к интеллигенции (до учебы работал на должности инженера-механика), в приеме отказали. По разнарядке свыше на одного вступающего в КПСС интеллигента должны быть приняты двое из числа рабочих и крестьян (колхозников). В институте было много желающих стать членом партии из профессорско-преподавательского состава, и мне отказали. На прощание Юрий Георгиевич пожелал плодотворной работы в родной для меня Мегионской экспедиции и рекомендовал не затягивать с вступлением в ряды КПСС. Это была моя четвертая и последняя встреча с заслуженным геологом. В 1977 году его назначили заместителем министра геологии СССР. В возрасте 86-ти лет он ушел из жизни и похоронен в Тюмени. Раз в пять лет мы – однокашники из института встречаемся в Тюмени на кафедре бурения, идем на кладбище помянуть и возложить цветы на могилы своих друзей-сокурсников и к подножию могильных памятников Героям-геологам: Эрвье Ю.Г., Малыгину С.Л., Жумажанову Н.У. Продолжение встречи – в кафе или ресторане.

С лета 1975 года для нас с Ириной начались трудовые будни в полевых условиях Мегионской НГРЭ, вплоть до переезда в 1977 году на повышение в Сургут в образовавшееся объединение «Обьнефтегазгеология».

## ГЛАВА ВОСЬМАЯ

### Сургут – нефтяная столица

Объемы работ в Западной Сибири увеличивались невиданными в мировой практике освоения нефтегазовых регионов темпами, причем в тяжелейших природно-климатических условиях. Прирост запасов исчислялся миллиардами тонн нефти и триллионами кубометров газа. 306 млн тонн нефти – таков прирост запасов в рекордный год только одного объединения «Обънефтегазгеология», что являлось добычей по Тюменской области или половине добычи в СССР в 1985 году. Добыча нефти в Тюмени ежегодно увеличивалась на 30-50%. После отправки в 1964 году в Омск первой нефти с Усть-Балыка, Мегиона и Шаима, добыча в 1975 году по Тюменской области составила 143,2 миллионов тонн. К примеру, для достижения добычи нефти в районе «второго Баку» 100 млн тонн потребовалось 20 лет. Для возрастающего объема и оперативности ведения геологоразведочных работ 14 сентября 1976 года Приказом №498 Главного Тюменского ордена Ленина геологического управления создано производственное геологическое объединение «Обънефтегазгеология» (ПГО ОНГГ), в которое вошли пять нефтегазоразведочных экспедиций: Сургутская, Мегионская, Правдинская, Аганская и Вахская. Костяк объединения – геологоразведчиков Сургута пополнили опытные специалисты, прикомандированные из этих экспедиций. Из Мегиона в Сургут переехали работать Гавриков Валентин Андреевич – главным геологом, Абазаров Владимир Алексеевич – главным технологом, Каталкин Степан Леонидович – начальником производственно-диспетчерской службы. В том числе и меня пригласили сначала в командировку (в октябре 1976 года), а с 1 января 1977 года на постоянную работу и проживание в Сургуте. Весной 1977 года геологи от города получили первый в Сургуте дом, улучшенной по ленинградскому проекту планировки, в котором нам с Ирой выделили двухкомнатную квартиру на пятом этаже. Ранним июньским утром 1977 года на попутной барже, буксируемой катером «Ярославец», мы всей семьей с домашним скарбом подплывали по широко разлившейся Оби к Сургуту. Солнце еще не вставало над водным горизонтом, но далеко впереди показались 270-метровые ГРЭСовские трубы, озаренные первыми утренними лучами. Я всю короткую и светлую северную ночь провел на палубе баржи в уютном домашнем кресле. Супруга Ирина вместе с пятилетним сыном Алешей не выдержали атаки комаров и спустились в каюту катера. Бессонная ночь пролетела воспоминаниями романтической жизни и работы в Мегионской ордена «Знак Почета» нефтегазоразведочной экспедиции. Из 33-х экспедиций Тюменского севера – это было единственное предприятие, награжденное орденом за открытие Самотлора – «Черной жемчужине Сибири». Как нас, полевых геологов, примет Сургут? Город со сотысячным населением был с широко развитой инфраструктурой, включающей железную дорогу, современный аэропорт, крупнейшую в СССР ГРЭС, работающую на попутном газе, производственные подразделения «Сургутнефтегаза» и «Сургутгазпрома». Сургут небывало быстрыми темпами превращался в настоящий по европейским меркам город – нефтяную столицу СССР.

На дебаркадере причала приятной неожиданностью была встреча с моим однокашником по институту Владимиром Бурко. Он по окончании института в 1975 году вместе с женой Лидией, окончившей строительный институт, и маленьким сыном, тоже, как и у нас, Алешкой, приехал в Сургутскую НГРЭ и работал инженером в производственно-диспетчерском отделе (ПДО) объединения. Впоследствии на работе он вырос до начальника экспедиции, заместителя генерального директора объединения «Мегионнефтегаз-геология». В настоящее время он проживает в Москве, но работу не бросил и занимается увеличением притока нефти в Усинском регионе Республики Коми вахтовым методом.

Весь наш домашний скарб поместился на бортовом «Урале», на котором мы и подъехали к новому пятиэтажному дому в микрорайоне геологов. По внешнему виду он резко отличался от рядом стоявших без балконов и лоджий пятиэтажек моспроекта – хрущевок. После торжественной передачи дома от строителей к геологам, выдачи ордеров с ключами, мы поднялись на верхний этаж и ахнули. Из окон одной южной стороны открывался вид на Обь с ее обширным водным зеркалом. С балкона северной стороны не менее завораживающая красота тайги и вдаль производственные здания и высокие трубы ГРЭС. Впоследствии по выходящему дыму из этих труб, по его цвету и направлению мы, не выходя из дома, безошибочно научились определять погоду на улице и даже прогноз ее не хуже метеосводок: температуру по цвету дыма, направление ветра и его скорость по отклонению столба дыма, атмосферное давление по скорости подъема столба.

Семья Бурко из деревянного дома поселилась в соседнем подъезде в такой же двухкомнатной квартире, но на втором этаже.

Мы с Ириной сразу приступили к работе в аппарате управления вновь созданного объединения – я в должности ведущего инженера-технолога, а супруга диспетчером производственного отдела. Работы было невпроворот, а вот так называемый «соцкультбыт» явно отставал от опережающего роста основного производства – разведки и добычи нефти. Под детский садик для сына Алешки только заложили фундамент во дворе нашего дома. Так и не дождался он окончания его строительства, наблюдая с балкона, и пошел в школу. Два года водили его к нянечке в соседний деревянный дом. Школ явно не хватало, и ребятишки учились в три смены.

Первоначально работа в аппарате объединения была мне непривычной и даже скучной после полевой работы помощником бурового мастера и инженером-технологом непосредственно в экспедиции на скважине. Неоценимую помощь и даже в большей степени отеческую заботу оказал начальник производственного отдела по бурению, ветеран геологии Архангельский Владимир Васильевич. Участник Великой Отечественной войны, радист-стрелок тяжелого бомбардировщика, он после окончания Свердловского горного института прошел все ступени геологического поиска нефти, начиная от бурового мастера до главного инженера Треста. Он скрупулезно и настойчиво день за днем впитывал в меня навыки конторской работы по составлению регламентов, планов и отчетов, докладов и другой текущей документации. На войне он был ранен в ногу, контужен. В отделе мы разрешали ему курить на рабочем месте, не спускаясь на первый этаж или не выходя на улицу.

В каждый час работы он выкуривал по одной папиросе «Беломора» и делал 15-минутный перерыв для моего обучения. Несмотря на это, бумажную работу он выполнял со своим громадным опытом за двоих молодых. Как интеллигентный человек – был обаятельно общителен, как семьянин – воспитал двух сыновей, окончивших институт по профильной геологической специальности геофизиков. На скважины в поле, по состоянию здоровья, он выезжал редко и то на ликвидацию сложных аварий. Первая моя встреча с Архангельским В.В, была на скважине Р-8 Урьевской площади осенью 1975 года, когда после окончания института начал работать помощником бурового мастера.

Буровой мастер Литвиненко Василий Семёнович – орденосец «Трудового Красного Знамени» уехал за два года отпуска на четыре месяца, и я фактически руководил работой буровой бригады. Р-8 являлась первой поисковой скважиной на Урьевской площади, бурилась в летне-осенний период, то есть была в летнем исполнении без парового котла, и бригада располагалась в больших брезентовых палатках. К сентябрю скважину планировали закончить и получить первую нефть, то есть открыть новое месторождение. При заключительных работах произошла сложная авария, связанная с обрывом обсадной колонны (труб диаметром 146 мм) и полетом ее на забой около трех тысяч метров. В помощь на ликвидацию аварии прилетел Архангельский В.В. В сентябре полетели «белые мухи», ударили первые морозцы. Бросать незаконченный объект означало потерей многомиллионных затрат, а главное переносом на целый год открытие нового месторождения нефти. Нефтяники «Когалымнефтегаза» начинали осваивать этот регион из рабочих поселков Лангепаса и Покачей, которые впоследствии стали городами. Посовещавшись с рабочими бригады и получив добро из Мегионской экспедиции и Главка, продолжили ликвидацию аварии. Привезли из Мегиона печки-буржуйки, бензопилу для заготовки дров, спальные мешки из верблюжьей шерсти и высококалорийный запас продуктов питания.

В октябре морозы под минус тридцать градусов, все засыпано снегом. В палатках круглосуточно один из работников вахт поддерживал необходимое для жизни тепло. Буржуйки топились постоянно, а буровое оборудование поддерживали в рабочем состоянии выходящим из скважины теплым раствором, паяльными лампами и факелами, смоченными в солярке. Как трудовой подарок к 7 ноября рапортовали о ликвидации аварии, заканчивании скважины и открытии нового Урьевского месторождения нефти. Ну а зарплату получили мизерную, так как не уложились в нормативный срок строительства скважины. Вдобавок, приказом по экспедиции, получил выговор и снятие квартальной премии. «Хороший» подарок к празднику. Так доставалась Родине и соцстранам Европы «Большая нефть Сибири». Как писал поэт Владимир Маяковский: «Гвозди бы делать из этих людей, не было б в мире крепче гвоздей». Зато мы с Архангельским получили моральное человеческое удовлетворение, спасая жизнь одного помощника бурильщика – Ивана Каракулова. При аварийных работах ему сильно травмировало голову, раскроив череп. Без сознания, всего в крови, мы занесли его в кабину вездехода ЗИЛ-131. Владимир Васильевич, положив его голову на колени, велел мне сесть за руль и мчать в п. Мегион за 80 км от скважины по разбитой в колеях замерзшей дороге.

Водитель ЗИЛа был на выходном, я же имел навык (не имея прав) вождения грузовика по таежным дорогам, управления трактором и подъемником.

Через полтора часа доставили Ивана в Мегионскую больницу, где врачи спасли ему жизнь. Впоследствии Иван Каракулов стал секретарём ВЛКСМ экспедиции, работал техником в отделе труда и зарплаты. Виртуозный баянист, он без устали играл нам на танцах в клубе «Геолог», а на торжественных праздниках мы с ним со сцены пели патриотические комсомольские песни под аккомпанемент его баяна. Никогда не забыть этого комсомольско-молодежного времени, о чем напоминают две медали на моем парадном пиджаке: «90 лет ВЛКСМ» и «100 лет ВЛКСМ». Когда перед новым 1976-ым годом вместе с соседями по площадке и коллегами по работе: Хохряковым Борисом, Макаром Владимиром и Горбатовым Егором вступали в Коммунистическую партию, мой сын – трехлетний Алешка ни в какую не отпускал меня из дома. Он плакал, схватив меня за руку. Когда вечером я вернулся коммунистом домой, он, обрадованный моему возвращению, выдал: «Папа, ты еще не памятник?». Летучее выражение детей из цикла «от трех до пяти»!

Летом после окончания института мы гуляли с ним по площадям и садам многих городов, где стояли памятники В.И. Ленину. Объяснял Алешке, что это дедушка Ленин, что он был коммунистом, любил детей и к Новому году кружил с ними хоровод и раздавал вкусные подарки.

А тут у нас в Мегионе на носу Новый год, и под елкой в доме подарки. Вот он и не отпускал меня и думал, что меня превратят в безжизненный камень, которого еще не было в Мегионе. Через многие годы Борис Сергеевич Хохряков стал мэром г. Нижневартовска, а в настоящее время он председатель Думы ХМАО-Югры. Егор Иванович Горбатов – мэр г. Мегиона, а Владимир Антонович Макар – глава администрации пригорода Мегиона – п. Высокий.

Алешка же рос октябренок, пионером, комсомольцем, а вот коммунистом не стал, может, это и к лучшему.

Пошел третий год работы после вуза, а об отпуске в летнее время можно было только мечтать. Мой непосредственный начальник – главный технолог объединения Владимир Алексеевич Абазаров так же, как и двенадцать лет назад в Мегионе, повторял мне: «Отдыхать летом будете, как я, то есть три года работы, затем отпуск за один год, а за два – денежная компенсация». Закон на Севере позволял три года работать без отпуска. К тому времени Абазарову было под пятьдесят лет. Опытный заслуженный геолог, лауреат Ленинской премии, награжденный многими орденами, в том числе самым высоким – орденом Ленина, он был моим наставником и учителем, непререкаемым авторитетом по жизненной позиции. Он не сидел на месте в конторе, а постоянно бывал в экспедициях, в полевых буровых бригадах.

И меня первое время приучал к такой работе и постоянно учил чувствовать скважину как технолог, не по бумажным сводкам, а непосредственно находясь в рабочей обстановке на буровой. Половину рабочих дней в году я находился на буровых в тайге. Такую практику работы сохранил навсегда, даже работая главным инженером Сургутской экспедиции и затем до выхода на пенсию – главным технологом объединения «Обънефтегазгеология».

В 1978 году при создании объединения «Мегионнефтегазгеология» от Сургута отпочковались Мегионская, Аганская и Вахская нефтегазознведочные экспедиции. Генеральным директором объединения в Мегионе назначили Гаврикова В.А., ушел туда и Абазаров В.А. Они и мне предложили вернуться в Мегион. Но меня назначили главным технологом объединения в Сургуте.

Вскоре и в Ханты-Мансийске было создано объединение «Хантымансийскнефтегазгеология», куда влились Правдинская НГРЭ и вновь созданные – Красноленинская НГРЭ в п. Нягань и Назымская НГРЭ в самом г. Ханты-Мансийске. Для сохранения объемов бурения (а затем и увеличения) на базе Сургутской НГРЭ создали Восточно-Сургутскую НГРЭ, а для освоения северных широт Пуровского района Ямала за 300 километров от Сургута – Ноябрьскую НГРЭ в рабочем поселке (впоследствии городе) Ноябрьский.

С начала 1979 года меня назначили главным инженером Сургутской НГРЭ вместо проработавшего много лет там Коломасова Владимира Иосифовича, опытного буровика, назначенного главным инженером объединения. Переструктуризация в управлении, большая удаленность от базы, невозможность своевременного оперативного обеспечения материалами, особенно в летнее время бездорожья и всеми надеждами только на вертолетную авиацию, приводили к длительным простоям в бурении и, как следствие, к осложнениям и авариям. Все это ослабило Сургутскую НГРЭ – родоначальницу геологоразведочных работ в Тюменской области, и она естественно сработала в 1979-80 годах ниже уровня 1978 года, набурив соответственно 103426 и 91723 метра. В 1978 году – 132505 м. Но в целом по объединению с учетом двух созданных экспедиций было набурено 172554 метра скважин, что на 40000 метров больше 1978 года. Общий прогресс был сохранен, но больше всего работ досталось сохраненному костяку Сургутской НГРЭ, которая из года в год наращивала темпы геологоразведочных работ с открытием десятков новых месторождений нефти Среднего Приобья.

А все это имело начало много веков назад. Древняя Югорская земля – это страна лесов «Себир». «Спящая земля» – так называли ее монголы. Первые описания Западной Сибири в своих воспоминаниях сделал венецианский купец Марко Поло, путешествующий по Азии в XIII веке. Но еще раньше, в XI веке, русские летописцы свидетельствовали о хождении новгородцев на Югру и Самоядь (Ямал) за данью – собольим и лисьим мехом.

Многие века, вплоть до 1593 года, правителями Сибири были наставники русского царя из числа азиатов (братья Едигер и Бекбулат, узбекский правитель Кучум). Они облагали местных жителей хантов и ненцев ясаком, часть которого (всего 1000 собольих шкурок в год) выплачивали русскому царю. В 1581 году начал освоение Сибири атаман Ермак, который с русскими казаками разбил Кучума, но сам погиб в 1585 году. В 1593 году по указу царя Федора Иоанновича московскими воеводами Федором Барятинским и Владимиром Оничковым был основан сторожевой форпост – Сургут. В переводе с хантыйского Сургут – «рыбное место». На месте Сургута простиралась владения остяцкого князя Бардака. Городище Бардака находилось в 30 верстах от Сургута, где в Обь впадает река Тром-Аган.

В 1960-70 годах археологи Уральского университета (г. Свердловск) производили раскопки в окрестностях Сургута (поселки Барсово и Сайгатино) и находили вещи (каменные орудия, глиняную посуду, бронзовые и железные изделия), использовавшиеся людьми тысячи лет назад в каменном, бронзовом и железном веках соответственно в X-III, II-I веках до нашей эры, I-V века нашей эры. Поздним железным веком считалась эпоха Средневековья VI-XVI века новой эры. Колонизация Сибири была народной, так как, кроме царских указов, сюда пробирались отряды вольных людей. В Сибирь шли люди, уходившие от ограничений и притеснений и искавшие любой свободы – нравственной, религиозной, общественной, деловой и личной. Имена первопроходцев Сибири, их труды и дела остаются в памяти россиян навсегда: Семен Дежнев, Ерофей Хабаров, Василий Поярков, Петр Бекетов, Витус Беринг.

Основным занятием жителей Сургута была охота, рыбная ловля, заготовка леса, сбор даров тайги. На начало нефтяного освоения жизнь практически не менялась. Был колхоз «Новый путь», рыбзавод, леспромхоз. Архивный экземпляр местной газеты «Колхозник» за март 1935 года впервые сообщил о работе в Сургутском районе геологоразведочной партии Васильева Виктора Григорьевича (геолог партии – Гуголь Родион Фомич), бурившей ручным способом скважины глубиной 40-50 метров. На всю полосу газеты был заголовок «Наша цель – найти место выхода нефти!». Васильев, 1910 года рождения, вместе с Гуголем в 1934 году закончили Московский институт нефти и газа и по направлению от треста «Востокнефть» из Уфы во главе Обь-Иртышской экспедиции проводили изыскательные буровые работы в 1934-36 годах в районе рек Малого и Большого Югана, что от Сургута в сторону п. Угут. По результатам экспедиции они написали «Проект разведки нефти в Среднем Приобье» и изложили его академику Губкину Ивану Михайловичу, который научно обосновал наличие нефти за Уралом. С 1936 года Васильев трудился в Поволжье, создал в г. Куйбышеве центральную научно-исследовательскую лабораторию (ЦНИЛ), был директором Всесоюзного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИИГРИ), управляющим Главка «Куйбышевнефть». С 1964 года он – начальник Геологического управления Министерства газовой промышленности. Виктор Григорьевич – доктор геолого-минералогических наук, лауреат Государственной премии, орденосец, автор многих книг и статей. Выступая с трибуны на встрече ветеранов нефтяной промышленности 23 апреля 1973 года, в возрасте 63 лет он скончался. Он был блестящим примером первых открытий тюменских геологов в 50-60-е годы. Сейчас возрождается память о нем – первопроходце, геологе земли Югорской, человеку большой души, который всегда будет примером для тех, кто выбрал нелегкую профессию поисковика.

Планомерный поиск начался с начала пятидесятых годов, когда начали бурить первые глубокие опорные скважины. Тогда Западная Сибирь на геологических картах была белым пятном, и тяжелое буровое оборудование ставили там, куда можно было доставить его по рекам – это в районе Тюмени, Ханты-Мансийска, Ларьяка, Березово, Покура.

Все поисковые работы в Западной Сибири в пятидесятые годы велись под руководством Новосибирского геологического управления. В Сургутском районе в селе Покур в 1951 году забурилась первая опорная скважина под руководством бурового мастера Лагутина Виктора Павловича – фронтовика-разведчика. После войны он работал в Крыму бурильщиком нефтеразведки, а услышав о больших перспективах Сибири, переехал в Колпашево, а затем вместе с бригадой в Покур.

При забое 2360 метров (до нефтяного пласта оставалось 200 метров) в декабре 1952 года произошла авария с обрывом бурильных труб, которую не удалось устранить, и Покурская скважина была ликвидирована по техническим причинам. То же произошло на Ларьякской и Ханты-Мансийской опорных скважинах. На Тюменской скважине была получена минерализованная лечебная вода. Нефтеразведочные партии были перебазированы в Кемеровскую область. Первое месторождение газа в Западной Сибири открыто 21 сентября 1953 года Березовской скважиной. То самое Березово, куда Петр II сослал сподвижника Петра I – светлейшего князя, генералиссимуса, сына придворного конюха Меньшикова Александра Даниловича. Газовый фонтан в Березово аварийно бушевал более полугода, мощности которого хватило бы на обеспечение в то время такого города, как Свердловск. Березовский фонтан опроверг доводы скептиков о бесплодности сибирского края и положил начало интенсивному его развитию.

По просьбе Новосибирского треста «Запсибнефтегеология» Исполком Сургутского районного Совета депутатов трудящихся 25 апреля 1957 года отвел в районе Черного Мыса, рядом с кладбищем, земельный участок для развертывания базы геологов.

Осенью 13 сентября 1957 года первый небольшой отряд из Нижнегрянченской нефтеразведки, базировавшийся в селе Ивановка Кемеровской области, во главе с молодым 26-летним геологом Фарманом Салмановым высадился с барж в Сургуте: Борис Мещанов – старший инженер, Яков Кайбичев – механик, Павел Семиряков – прораб вышкостроения, Дмитрий Ильин – буровой мастер, Александр Гуров – радист, Иннокентий Дёмин – дизелист, помощники бурильщика: Василий Культаев, Александр Адейкин, Владимир Трошин, слесарь Шульгин, плотник Евдокимов, бухгалтер Терехов, секретарь-делопроизводитель (она же инженер по кадрам) Антонина Романова. Заместитель Салманова – Петр Кононович Рогинский (секретарь парторганизации) погрузил свои пожитки на баржу, но его задерживало снятие с партийного учета, и он прилетел в Сургут позднее самолетом со всей семьей и семьями (детьми) других геологов. Всех расселили на квартирах у местных жителей и лишь к весне в построенных или перевезенных деревянных домах. Нелегко было первопроходцам, хотя Сургут и руководители района – Первый секретарь Виктор Гаврилович Бахмат, позже Василий Васильевич Бахиллов и секретарь комсомола Владимир Салмин встретили их по-братски.

Конец 1957 - начало 1958 годов были самыми трудными периодами становления. Начали прибывать молодые специалисты-геологи: Евграф Тепляков, Олег Перегудов, Александр Шашкин, буровики: Валентин Тулейкин, Борис Блинов, механики Валерий Ртвеладзе, Николай Ключко.

В начале 1958 года от Новосибирского управления в Среднем Приобье было создано еще несколько участков нефтеразведки: Локосовский (им руководил Горский Александр Тихонович), Нижневартовский на Багресе у п. Мегион (Подшибякин Василий Тихонович, затем Высочинский Иван Яковлевич), Пимский в п. Солкино (Терещенко П.В.). По весне на баржах с оборудованием, разобранными домами стали прибывать вторым десантом буровики во главе с мастерами: Лазаренко Вячеславом Николаевичем, Норкиным Григорием Ивановичем и Лагутиным Виктором Павловичем. Из-за сложности управления участками и снабжением их материалами из Новосибирска, работы шли очень медленно. По инициативе Фармана Салманова и поддержке секретаря райкома партии Бахмата В.Г. обратились в Тюменский обком КПСС с целью объединения участков и передачи их в состав Тюменского геологического управления под начало Юрия Георгиевича Эрвье. К концу 1958 года все партии были объединены в Юганскую нефтеразведку, которую возглавил Фарман Курбан-Оглы Салманов. Главным инженером назначили Горского А.Т., а главным геологом Савельева Бориса Власовича. И только 19 сентября 1959 года приказом Главного управления при Совете министров РСФСР создана Сургутская нефтеразведочная экспедиция. Бурение первой скважины в Сургуте началось 20 января 1959 года, а закончилось 6 марта 1960 года глубиной 3088 метров. Буровую вышку поставили рядом с жилым поселком на Черном Мысу.

Во дворе бывшей базы производственного обслуживания можно и сейчас напротив Дома-музея Салманова посмотреть памятник-обелиск первой скважине Сургута. Сургутский историк-краевед Захаров Иван Прокопьевич вспоминал: «Был холодный зимний день. К подмосткам буровой собрались все геологоразведчики. Прибыли представители трудовых коллективов Сургута, руководители районной администрации. После непродолжительного митинга и выступлений первого секретаря райкома КПСС Бахмата В.Г., начальника экспедиции Салманова Ф.К., главного инженера Горского А.Т., разбития шампанского и бросания на удачу монет под долото, буровая бригада Багдасарьянца Николая Андреевича приступила к работе. Первую вахту несла смена бурильщика Лагутина В.П.: дизелист Николай Перепелюк, помощник бурильщика Федор Сухушин, старший дизелист Василий Солдатов. На смену им заступили вахты бурильщиков Александра Власова, Нажмитдена Жумажанова и Николая Каденкова. Помощниками бурильщика были Югов и Кеда, дизелистом – Николай Волостных. Так бурением опорной скважины начался долгий путь к большой нефти Сургута».

Испытание скважины показало непродуктивность пластов и отсутствие нефти. Об открытиях приходилось только мечтать и надеяться. Однако это была не первая глубокая скважина, удачно пробуренная до проекта в Сургутском районе. Вторым десантом в июле 1958 года из Колпашевской конторы разведочного бурения (Томская область) на баржах перебазировались с буровой установкой, техникой и своим разобранным жильем монтажники и буровики. Участок назвали Нижнемысовским и руководил им Борис Селиванов.

Среди первых в п. Локосово обживались целыми семьями молодые геологоразведчики: буровой мастер Вячеслав Николаевич Лазаренко с женой и двумя детьми, младший его брат бурильщик Юрий Лазаренко с женой-лаборанткой Тamarой Степановной, дизелист (по совместительству – шофер) Волков Иван Федорович с женой Клавдией Васильевной, тракторист Рындин Павел Васильевич с женой и двумя детьми, три брата Капустиных: Владимир – дизелист, Виктор – слесарь, Алексей – помощник бурильщика. Старшему Лазаренко Вячеславу было 30 лет, остальным по 18-25 лет. Супруги Капустины – Владимир и Раиса, плывя на барже, справили медовый месяц после свадьбы. Поселились на лето в пустовавшей школе, а к осени в привезенные с собой и построенные бараки. Братья Лазаренко из династии потомственных нефтяников-геологоразведчиков. Их родители после революции 17-го года работали в Краснодарском крае. Вячеслав и Юрий тоже начинали там с буровых рабочих, затем в Кемерово и Колпашево. После обучения на курсах работали бурильщиками и буровыми мастерами. Бурильщиками в бригаде Лазаренко В.Н., кроме Юрия, были Зиновьев Серафим Иванович, Денисов Владимир Иванович, помощниками бурильщика: Гена Мерзляков, Николай Щетков, Андрей Слинкин, Владимир Кузнецов, дизелистами: Алексей Девятков, Николай Стетюха, слесарь Андрей Придеин, кочегар Михаил Протопопов. Бухгалтером участка был опытный работник, фронтовик Туренко Алексей Степанович, кассир Капустина Раиса Васильевна. Связь с буровой, Сургутом, Новосибирском и Тюменью обеспечивал опытный радист, чемпион отрасли по азбуке Морзе – Паулев Виктор Федорович. Жена его – Любовь Гавриловна – геолог, работавшая под началом фронтовика Шашкина Александра Павловича – начальника геологического отдела Сургутской НГРЭ.

Монтажники сразу приступили к строительству буровой установки на окраине п. Локосово. В начале 1959 года бригада Лазаренко В.Н. приступила к бурению скважины Р-31 Локосовской площади, и к лету того же года достигла рекордной для Среднего Приобья глубины – 3264 метра.

Испытание с больших Юрских глубин дало несколько литров нефти, а верхние Меловые отложения пород оказались непродуктивными. Не получили промышленного притока нефти и другие участки бурения в Среднем Приобье. И только 21 марта 1961 года сургутские геологи открыли первое месторождение промышленной нефти дебитом 200 тонн в сутки скважиной Р-1 Мегионской площади. Первая промышленная нефть в Сургутском районе была получена 13 октября 1961 года на скважине Р-62 Усть-Балыкской площади (сейчас г. Нефтеюганск) дебитом 400 тонн в сутки. Самое близкое к Сургуту месторождение нефти – Западно-Сургутское было открыто 26 марта 1963 года.

В том же году (23.07.1963 г.) и в Локосово на второй скважине была получена промышленная нефть. На момент отправки первой нефти на Омский нефтеперерабатывающий завод (май-июнь 1964 г.) геологами Среднего Приобья было открыто десять месторождений нефти. За двадцать лет работы Сургутской НГРЭ (1957-1977) было открыто и передано нефтяникам в разработку 27 месторождений нефти, из которых наиболее крупными были Тайлаковское, Быстринское, Лянторское, Яун-Лорское, Вачимское, Алёхинское, Покамасовское, Когалымское, Федоровское (1971 г., вошедшее в мировую десятку по запасам нефти).

После реорганизации 1979 года (создание Восточно-Сургутской и Ноябрьской НГРЭ) в Сургутской экспедиции остался костяк опытных технических работников: главный механик Архипов Михаил Павлович, главный энергетик Ромашов Геннадий Алексеевич, начальник ПТО Амосов Алексей Иванович, главный технолог Липявко Юрий Дмитриевич, заместитель главного инженера по технике безопасности Седнев Анатолий Иванович, начальник отдела материально-технического снабжения Фридлиевич Эдуард Михайлович. Сильной осталась в экспедиции геологическая служба: главный геолог Катков Олег Иванович, патриарх геологии, начальник отдела Шашкин Александр Павлович, геолог Тиханкина Лариса Михайловна. Цех испытания скважин возглавил опытный специалист Гарнага Заур Поликарпович.

Особенно активными, целеустремленными на производстве, в общественной работе и в целом по жизни были молодые специалисты: буровики, геологи, экономисты: Владимир Вырвикишко, Рафаил и Галина Шариповы, Николай Демидов, Владимир и Лариса Хвостовы, Сергей и Вера Ткаченко, Аркадий и Анна Березкины, Александр и Виктория Оглезневы, Виталий Савин, Анатолий и Наталья Липявко, Леонид и Галина Пресман, Евгений Заярный, Иван и Людмила Кос, Виктор и Клавдия Заведеевы, Владимир Браташов... Да разве всех перечислишь! Все они с годами работы в геологии стали грамотными специалистами, компетентными руководителями среднего и высшего звена управления. К трем нефтегазоразведочным экспедициям добавилась образованная в 1982 году в п. Угут Юганская НГРЭ. В одиннадцатой пятилетке (1981-85 г.) было открыто 33 месторождения нефти. Ускорение поиска запасов нефти исчислялось сотнями миллионов тонн в год и превышало добычу в 2-3 раза, что предопределяло стабильность дальнейшего развития топливно-энергетического комплекса Западной Сибири.

16 июля 1985 года Указом Президиума Верховного Совета СССР объединение «Обнефтегазгеология» было награждено орденом «Дружбы народов», а сотни геологов орденами, медалями и знаками отличия. За счет интенсификации геологического производственного процесса к рекордному 1988-му году по сравнению с 1980 годом технико-экономические показатели работы сургутских геологов выросли в несколько раз:

- проходка возросла в три раза со 172554 до 534951 метров,
- скорость бурения в 2,6 раза с 767 до 2013 метров на станок в месяц,
- выработка на один станок в 1,8 раза с 3800 до 6629 метров в год,
- проходка на одну буровую в 2 раза с 13720 до 27433 метров в год,
- производительность труда в 1,8 раза с 46,2 до 83,1 метра на одного человека.

На десятый год своего существования (1978-88 г.) Ноябрьская экспедиция пробурила 161606 метров глубоких скважин, то есть вышла на уровень работы Сургутской НГРЭ, шедшей к такому результату 30 лет. Причем геолого-технические и природно-климатические условия работы на месторождениях в Ноябрьске намного сложнее. Вот что значит технический прогресс и интенсификация поиска нефти.

Огромными событиями в жизни сургутских геологов являлись награждения больших групп нефтеразведчиков правительственными наградами. За личный трудовой вклад в «Открытие века» звание Героя Социалистического Труда присвоили буровым мастерам – Мелик-Карамову Николаю Борисовичу и Жумажанову Нажмитдену Уакпаевичу, начальнику экспедиции Салманову Фарману Курбановичу. Тримя орденами «Трудовой Славы», что приравнено к Герою Труда, награждены буровые мастера – Соловьев Владимир Сергеевич и Маас Вильгельм Фридрихович. Всего за 50 лет работы в Среднем Приобье правительственными наградами отмечались сотни работников – геологов Сургута и Сургутского района: орденом Ленина – 12 геологов, Октябрьской революции – 10, Трудового Красного Знамени – 60, Дружбы народов – 8, Знак Почета – 81, Трудовой Славы – 50. Медалями различных достоинств награждено 418 геологов. Многие награждены знаками отличия в труде. Ими названы именные месторождения нефти, рабочие поселки, аэропорты, улицы, школы и гимназии. В городах и поселках установлены памятники, бюсты и мемориальные плиты на домах проживания и производственных зданиях работы. Вечная им память от потомков!

По состоянию на начало 2021 года в Сургуте проживает 380632 человека, а с учетом работников вахтового метода и гастарбайтеров – около 450 тысяч человек. 55 лет назад, в год отправки первой нефти, в рабочем поселке Сургуте было около восьми тысяч жителей. Такого прироста населения не было ни в одном городе нашей страны. Большая нефть «третьего Баку» опровергла мнения скептиков не только социалистического лагеря, но и капиталистических стран мира.

## ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

### Победный месяц май

Начало 1979 года для меня как главного инженера Сургутской экспедиции было особенно трудным. Достались переходящие с 1978 года три аварийные скважины, на ликвидацию которых ушел целый месяц, и в январе пробурили только 5438 метров при плане – 8000. Для выхода из прорыва буровые бригады были усилены помощниками буровых мастеров из числа молодых специалистов, закончивших вузы, и, кроме того, назначили кураторов – опытных начальников отделов:

- за бригадой Хвостова В.М. – Николая Демидова и Липявко Ю.Д.;
- Соловьева В.С. – Александра Оглезнева и Вырвикишко В.Я.;
- Малоштанова И.Ф. – Сергея Ткаченко и Ромашова Г.И.;
- Роменского И.И. – Дмитрия Плотникова и Амосова А.И.;
- Усанова Ю.А. – Гургена Квициани и Жумажанова Н.У.;
- Зиновьева С.И. – Анатолия Липявко и Архипова М.П.

Проходка по месяцам начала стабильно увеличиваться: в феврале – 8796 метров, в марте – 10067 метров, в апреле, несмотря на две аварии, – 10572 метра. Когда вышли из аварий в бригадах Соловьева и Роменского, в мае достигли рекордной в Главке проходки по экспедиции – 13014 метров и вышли на выполнение плана с начала года.

Я практически весь май находился в полевых условиях на буровых. Стоит привести пример и изложить характерный для того времени ритм работы нефтеразведчиков, особенно буровиков и испытателей скважин.

30 апреля с дозаправкой вертолета МИ-8 на подбазе «Русскинская» вылетели расширенной приёмной комиссией на самую дальнюю (за 400 км от Сургута) Муравленковскую площадь, названную именем прославленного нефтяника, начальника «Главтюменьнефтегаза», Героя Социалистического Труда – Муравленко Виктора Ивановича (25.12.1912-15.07.1977 г.). Его именем назван город Муравленко на Ямале. Монтаж буровой установки БУ-80 заканчивала бригада прораба Зайчука Петра Лаврентьевича – кавалера ордена Ленина. На бурение туда, за 400 км по зимникам, уже перебазировалась с Федоровского месторождения бригада Зиновьева Серафима Ивановича. Со своим инструментом (бурильными трубами), навесным оборудованием и так называемой «мелочевкой» общим весом около ста тонн, с жилым городком из шести вахтовых вагончиков, котельной, столовой, баней и другими вещами бригада колонной автомашин в сопровождении трактора успела до распутицы переехать на Р-215 Муравленковскую. В перспективе эта бригада должна была к концу года из Сургутской НГРЭ передана в состав новой Ноябрьской экспедиции. Комиссия приняла из монтажа буровую установку с небольшими замечаниями. Неделки шустрая бригада монтажников прораба Зайчука тут же устранила и была готова вылететь в Сургут на выходные и Первомайские праздники. Весь цикл строительства буровой установки монтажники провели за 15 дней без выезда на выходные.

После приемки с буровой бригадой провели собрание – пусковую конференцию, на которой обсудили сроки, сметную стоимость затрат, зарплату и подписали акт о приемке буровой с выдачей разрешения на бурение скважины от инспектора районной горно-технической инспекции (РГТИ). С сознанием выполненного рабочего долга, в третью очередь после буровиков и монтажников с аппетитом пообедали в просторной столовой-вагончике. Свой небольшой котлопункт в рубленой избушке монтажники уже свернули. На буровой в общей сложности находилось одновременно 45 человек, что в два раза больше обычного, но половина должна была вылететь в Сургут и ничего, по заверению диспетчера авиации, переданного по радиации, не предвещало худшего. Все были в приподнятом предпраздничном настроении хорошо завершеного дела, планируя провести Первомайскую демонстрацию и выходные дни в Сургуте.

Однако раннее жужжание подлетающего вертолета насторожило всех, и когда он приземлился и заглушил винты, что редко бывало на точке, у всех было недоумение и вопросительные лица. Дверь открылась и из вертолета вышла Главковская комиссия из Тюмени в сопровождении нашего директора объединения «Обънефтегазгеология» Морозова Николая Михайловича и главного инженера Коломасова Владимира Иосифовича. Возглавляли комиссию главный инженер Главтюменьгеологии Логанов Юрий Дмитриевич и начальник технологического отдела Симонов Виктор Михайлович, недавно перешедшие на усиление геологии из Главтюменьнефтегаза. Они до этого назначения долгое время работали на тех же должностях в объединении «Мегионнефтегаз». В течение часа они проверили готовность к бурению, провели небольшое совещание и ответили на вопросы рабочих. Логанов подтвердил весть о создании Ноябрьской экспедиции, более того, сказал, что вторую скважину на Муравленковской площади Р-33 бригада Зиновьева С.И. должна бурить в августе уже в составе новой экспедиции.

На Р-215 Муравленковской произошло мое знакомство с Виктором Симоновым, переросшее затем в многолетнее плодотворное сотрудничество по испытанию и внедрению новой техники и технологии на базе нашего объединения «Обънефтегазгеология». Он приехал в Сургут в командировку не один, а с создателем новейшей модификации гидравлического забойного двигателя Агеевым Алексеем Иосифовичем – кандидатом технических наук из Московского Всесоюзного научно-исследовательского института буровой техники (ВНИИБТ). Агеев был продолжателем славной школы турбинного бурения Капелюшникова, Шумилова и Иоанесяна. Из Москвы они доставили два комплекта экспериментального турбобура ТПС-172 (турбобур с плавающим статором), один из которых уже завезли в бригаду бурового мастера Соловьева Владимира Сергеевича на скважину Р-144 Федоровскую.

Пообедав из приготовленных продуктов неприкасаемого запаса (НЗ), комиссия Главка и пилоты засобирались в путь. Они могли забрать в Сургут только пятерых монтажников, сославшись на большую загрузку (вертолет дополнительно был обеспечен баком авиакеросина внутри салона) и длительный маршрут по намеченным комиссией точкам (скважинам).

Перед отлетом Морозов выразил неудовлетворенность по поводу оставления конторы и базы экспедиции в праздничные дни без руководства. Главный геолог экспедиции Катков Олег Иванович находился на скважине Р-54 Кочевской площади по случаю неожиданного нефтегазопроявления при отборе керна (образца породы) во время бурения на глубине 2855 метров. Начальник экспедиции Перепелюк Николай Егорович с начальником геологического отдела объединения Людофуном Федором Николаевичем и топографом Плехановым Владимиром Полиевтовичем делали облет буровых точек с контролем зимнего завоза материалов на них для бурения в летнее время.

К вечеру погода резко изменилась, небо заволокло тучами, поднялся шквальный ветер с зарядами снега, и видимость упала до нуля. Где-то вдалеке прошумел вертолет и позднее по вечерней радиосвязи нам сообщили, что пилоты из-за плохой видимости не нашли точку Р-215 и вынуждены были вернуться на базу в Сургут. Так мы вместе с монтажниками и буровиками остались на скважине – всего 40 человек. Есть фронт работ – буровая готовилась к забурке скважины, небольшой запас продуктов питания (ящик тушенки, макароны, мука, чай и сахар), жилье – вагончики, где по очереди можно поспать. Главковская комиссия успела вернуться в Сургут, а вот Перепелюк с комиссией попали в переплет, да еще какой! Любители охоты, они взяли с собой ружья, так как была «весновка» – открытие весенней охоты. Пока вертолет летал на дозаправку на подбазу «Русскинскую», они остались на обследовании очередной точки, на которой, кроме бурового станка и крыши без стенок для материалов (цемент, глинопорошок, химреагенты) ничего и никого не было. Вертолет из-за ухудшения погоды, конечно, не прилетел за ними, и они три дня «поохотились» от души, спасаясь от непогоды в продуваемом складе и питаясь подстреленной дичью и пойманной рыбой без соли и хлеба. Николай Егорович простыл и временно потерял голос и слух. Голос впоследствии восстановился, а слух только частично. За такой случай «дезертиров» производства разбирали на парткоме объединения, и мы – все работники Сургутской экспедиции, защитили их от наказания, выходя на высшие партийные и производственные инстанции, вплоть до горкома (первого секретаря Аникина Николая Григорьевича) и обкома КПСС (Богомякова Геннадия Павловича). Аникин и Богомяков, как и многие партийные и хозяйственные руководители того времени, прошли все ступени производства в нефтяной промышленности, геологии. Николай Григорьевич долгое время работал в Сургутнефтегазе, буровик по специальности дошел до должности главного технолога и был моим коллегой по производству. Геннадий Павлович в шестидесятые годы возглавлял Тюменский филиал Сибирского научно-исследовательского института геологии и минерального сырья (СибНИИГиМС). Они прошли через все трудности полевых работ и могли принять правильное руководящее решение как в производстве, так и в судьбах людей. Рано утром Первого Мая по предложению председателя разведкома (профсоюза) Дмитриенко Ивана Васильевича на скважине Р-215 провели митинг и праздничную демонстрацию с разводом по рабочим местам.

На импровизированную трибуну – площадку цементирующего агрегата ЦА-320 (автомашина КрАЗ) поднялись старейшие из сорока геологоразведчиков: буровой мастер, участник Великой Отечественной войны, награжденный многими орденами и медалями за бой и за труд Зиновьев Серафим Иванович (01.01.1924 года рождения) и машинист цементирующего агрегата, также участник Великой Отечественной и кавалер многих орденов и медалей Ковылин Николай Дмитриевич (22.10.1921 года рождения). Все награды оставались дома в Сургуте на парадных пиджаках. Остальные геологи строем по два в шеренгу с лопатами и ломачами на плечах, со знаменем и вымпелами, полученными буровой бригадой за участие в соцсоревнованиях, промаршировали по выпавшему снегу вокруг вышки и приступили к работе.

Вахта бурильщика Виктора Онищенко на площадке у ротора вышки подвешивала машинные ключи, делала оснастку талевого системы и выполняла другие необходимые перед забуркой специфические работы. Дизелисты под руководством старшего из них Геннадия Ботова запустили электростанцию и делали профилактический ремонт силового и насосного оборудования. Среди них отличался своей статностью, ростом и силой, с чёрной кудрявой головой слесарь Игорь Тудвачев. О нем рассказывали, что в трескучие морозы за -40 градусов он с такой силой заворачивал гайки на лобовой части насоса, что гаечный ключ 47x55 мм ломался в его руках, как карандаш. В восьмидесятые годы он, после заочного окончания Саратовского нефтяного техникума, возглавил во вновь созданной Восточно-Сургутской НГРЭ отстающую буровую бригаду и вывел ее в передовики. Монтажники вместе с главным инженером вышкомонтажного цеха (ВМЦ) Семилеткиным Федором Ивановичем и вездесущим Петром Зайчуком обшивали стенки земляного амбара объемом 200 кубометров тесом и жердями из подручного материала, поваленного под обширную вертолетную площадку.

Пусковая комиссия конторских работников – вахта ИТР, как назвал нас буровой мастер, разбилась на два звена. Одно в составе главного механика Архипова Михаила Павловича, заместителя главного инженера по технике безопасности Седнева Анатолия Ивановича, меня и ветерана геологии, начальника отдела труда и зарплаты Вольхина Льва Дмитриевича начало подвоз глинопорошка и приготовление глинистого раствора. На толстый лист железа (пена) грузили из склада-навеса мешки глинопорошка – 25 мешков весом 40 кг каждый и подтаскивали трактором до глиномешалки МГ-2-4. Вручную по маршевому настилу поднимали мешки на площадку высотой 2,5 метра, разрезали ножом многослойный бумажный мешок и засыпали глинопорошок в бункер глиномешалки. Через тридцать минут перемешивания четыре кубометра готового глинистого (бурового) раствора сливали в земляной амбар. И так двадцать раз в течение суток непрерывной работы.

Второе звено в составе главного энергетика Ромашова Геннадия Алексеевича, главного технолога Липявко Юрия Дмитриевича и председателя профкома Дмитренко Ивана Васильевича укладывало на стеллажи у приёмных мостков бурильные и обсадные трубы с помощью трактора и длинных стальных тросов (вожжей). Эта работа заняла у них два дня – 270 бурильных труб длиной 12,5 метра и весом 300 кг. каждая и 60 обсадных труб длиной по 9 метров и весом 450 кг. каждая.

Буровая находилась на гриве – сухой возвышенной песчаной поверхности, покрытой ягелем. Ягель был естественным кормом для стад оленей, особенно в зимнее время, когда олени копытами разгребали снег до корма. Муравленковское месторождение находилось на водоразделе, то есть начало одних рек текло на юг к реке Обь, а другая на север к реке Пур. Так что нам не пришлось на этой буровой дополнительно таскать на ногах болотные сапоги, но все равно с непривычки к такой физической работе инженерно-технические работники падали с ног и мертвецки спали на нарах, не раздеваясь.

Третьего мая скважина забурилась, и наше звено еще успело затарить вручную смесительную машину СМН-20 (КраЗ) двадцатью тоннами тампонажного цемента под руководством машиниста Ковылина Н.Д. В течение восьми часов двое подтаскивали к воронке смесителя мешки весом по 50 кг. каждый, а еще двое разрезали бумажный мешок ножом и высыпали из него цемент в воронку. Шнеки поднимали сухой цемент в бункер машины.

Аппетит у работающих на свежем воздухе людей был зверский, и запас продуктов таял на глазах. Все четыре дня сидели на одних макаронах с подсолнечным маслом.

К сладкому чаю повар Зоя Минеева баловала нас испеченными в духовке булочками. Хлеб и мясопродукты закончились еще 30 апреля. В 1985 году Зою, единственную из поваров экспедиции, наградили медалью «За освоение и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири».

Четвертого мая небо прояснилось, яркое весеннее солнышко быстро растопило свежий снег, и нас с извинениями за «погодку» пилоты вывезли в Сургут. 5 мая с семи утра провели планерку – совещание в конторе экспедиции, согласовали с подрядчиками план-график работы на май. Я навестил в больнице начальника экспедиции Перепелюка Н.Е., утвердил план-график и после обеда улетел в бригаду Хвостова Владимира Михайловича на скважину Р-54 Кочевскую (150 километров от Сургута), где никак не могли ликвидировать нефтепроявление. Главный геолог Олег Катков после недельного нахождения на скважине этим же вертолетом вылетел в Сургут, наспех, под шум вертолета объяснив мне ситуацию. Впопыхах он едва не забыл взять с собой на анализ в лабораторию отобранную пробу нефти в трехлитровой закупоренной парафином банке. Уставшие от тяжелой работы буровики с радостью и надеждой на лучший исход в ликвидации осложнения встретили свежие силы: вахту бурильщика Денисова Владимира Ивановича, бойцов противодантного отряда во главе с командиром Фадеевым Виталием Михайловичем, двух стропальщиков для работы с вертолетом МИ-6. Подлетел также опытный аварийный мастер Скорынин Виталий Федорович. С расположенной по соседству подбазы «Русскинская» вертолет МИ-6 каждые 30 минут подвозил по пять тонн утяжелителя раствора (барит) и глинопорошка. Территория буровой находилась на зимней точке, то есть на торфянике, и работы можно было проводить пока не оттаял грунт. Вышку приходилось постоянно центрировать, укрепляя ее основание и блоки стволами сосен и кедра. Территория и земляной амбар с буровым раствором начинали затапливаться талой водой.

Выяснив обстановку на скважине, запросил по вечерней радиосвязи две металлических емкости объемом по 40 кубометров и гусеничный вездеход. Задействовали в систему циркуляции раствора освободившуюся из-под дизтоплива 50-кубовую емкость. Бойцы противofонтанного отряда Протасов и Прыгунов вместе с Фадеевым провели профилактику запорного на устье оборудования (превентора), задвижек и аварийных отводов, хотя при первом нефтепроявлении оно сработало безотказно. Вахта бурильщика Денисова после праздничных выходных с воодушевлением начала приготовление новой порции утяжеленного бурового раствора.

Вертолет МИ-6 опускал корзины с утяжелителем и глинопорошком на сухие места в ста метрах от буровой, и приходилось вручную на спине перетаскивать 30-40-килограммовые мешки к скважине. Друг за другом гуськом в болотных сапогах по раскисшему торфянику с мешками на спине шли не только буровики, но и такелажники-стропалы с МИ-6, бойцы противofонтанной службы во главе с командиром, инженер-геолог Евгений Заярный, молодой специалист-инженер по бурению Владимир Жиров. Я не выдержал и тоже встал в общую шеренгу. Помощники бурильщика Виктор Топорков и Олег Астафьев, прибывшие по комсомольскому призыву после демобилизации из Армии, показывали пример физической закалки и делали по несколько ходок больше, чем остальные. Бурильщик Денисов тоже вспомнил армейскую молодость, когда 20 лет назад в 1958 году приехал после воинской службы в Германии на первую Локосовскую скважину в разведку к Фарману Салманову и работал там помбуром. Но все плоды нашего, поистине героического труда, через два дня скважина «выплюнула» вместе с нефтью через отвод закрытого устья за пределы обваловки в котлован для сжигания нефти. При закрытом устье давление фонтана доходило до пятидесяти атмосфер, и на отводе горел факел нефти.

Выбросив очередную порцию нефти с раствором, скважина успокаивалась и давала возможность снова подготовиться к задавке. Отдав распоряжение приготовить утяжеленный раствор, 8 мая вылетел в Сургут.

9 мая вместе с начальником технологического отдела Главка Виктором Симоновым и Агеевым Алексеем Иосифовичем – заведующим отделом турбинного бурения Московского института ВНИИБТ вылетели на буровую Р-144 Федоровскую для участия в испытании экспериментального турбобура ТПС-172 в бригаде Соловьева Владимира Сергеевича. С глубины 500 метров проходка началась этим турбобуром, испытание которого продлилось до конца года и на других скважинах. Особенно хорошие результаты были получены в сентябре 1979 года в бригаде бурового мастера Малоштанова Ивана Федоровича на скважине Р-47 Восточно-Сургутской площади. Турбобур отработал без ремонта с алмазными долотами около 500 часов, что в три раза превышало межремонтный период серийных турбобуров ЗТСШ-172. Турбобур ТПС-172 в 80-е годы пошел в серийное производство и стал применяться во всех экспедициях объединения и Главка. Но, как говорят, «первый блин всегда комом». На скважине Р-144 Федоровская испытание первого комплекта не закончили, так как в конце апреля турбобур ТПС-172 с двумя шпинделями (осевая опора) везли на трубовозе по просевшему зимнику, то один шпиндель уронили на обочину, и он провалился в сугроб снега.

Отыскивали его с вертолета и вывезли на подвеске только летом после схода снега. За этот случай я получил выговор из Главка от Салманова и лишен премии директором объединения Морозовым. Затем, за рекордную проходку по экспедиции в мае и за Золотую медаль ВДНХ (турбобур ТПС-172 экспонировался на выставке и был отмечен медалью и денежной премией разработчикам и испытателям на производстве) справедливость восторжествовала – награда нашла победителей.

С начальником технологического отдела Симоновым В.М., которого тоже наградили Золотой медалью ВДНХ, мы подробно обсудили стратегию на годы вперед по отработке опытных партий долот, гидравлических забойных двигателей (ГЗД), рецептур обработки бурового раствора новыми полимерными химреагентами, новой технологии крепления скважин по методу нефтяников, то есть все этапы технологии проводки разведочных скважин. Конечно, объединению «Обънефтегазгеология» было престижно и почетно стать полигоном для испытания нового, но производственных забот стало несравненно больше. В Сургутской экспедиции при цехе бурения уже создали группу по внедрению новой техники и технологии в количестве шести инженеров, и Симонов заверил, что в 1980 году в Сургуте при объединении будет создаваться отделение Западно-Сибирского бурового института (ЗапСибБурНИПИ), располагавшегося в Тюмени при Главке.

10 мая после обеда прилетел в Сургут и допоздна работал в кабинете конторы с бумагами и документами месячного отчета за апрель. Попытался найти помощника бурового мастера Демидова Николая Александровича, с которым планировал на следующий день вылететь на Р-54 Кочевскую задавливать нефтепроявление. 11 мая после утренней разрядки, готовый вылететь на буровую, заехал в объединение к главному геологу Новикову Г.Р. Георгий Ростиславович до переезда в Сургут 15 лет работал в Правдинской экспедиции. Начинал рядовым полевым геологом еще до приезда туда начальником Фармана Салманова (1964 год). При нем вырос до главного геолога экспедиции и, когда Салманов защищал докторскую диссертацию, то и Новиков защитил кандидатскую по теме разведки залежей нефти на месторождениях Баженовской свиты с аномально-высоким пластовым давлением (АВПД). По предварительному экспресс-анализу нефти, привезенной Катковым с буровой, и по поведению скважины Новиков предположил на ней АВПД Бажена. Но как практик он для окончательного решения должен лично побывать на скважине, о чем мы и договорились.

На УАЗике по данному мне в отделе кадров адресу проживания Николая Демидова поехал на улицу Песчаную, 11, что за речкой Саймой. Николай – местный житель, родился и вырос в Сургуте, в 1977 году закончил Тюменский индустриальный институт. Работал, как и все молодые специалисты, помощником бурильщика, затем помощником бурового мастера Хвостова Владимира Михайловича. Доехать смог только до высокого сухого места, где сейчас стоит здание Сургутгазпрома. Дальше все улицы залиты половодьем из Оби. В тот год вода поднялась до небывалого уровня – на два метра выше среднестатистического. Подняв ботфорты болотников, попытался пробраться до дома вдоль улицы, нащупывая ногами тротуар, но не тут-то было. Мальчишки, плавающие на лодках, доставили меня к крыльцу дома. В прихожей, по колено в воде, окликнул хозяина.

С чердака раздалось приглашение Демидова подняться по лестнице наверх. На чердаке все было завалено домашним скарбом, перенесенным снизу. Молодежь расположилась временно наверху, а стариков и родителей перевезли к родственникам в пятиэтажку. Николай объяснил, что не может вылететь на буровую по обстоятельствам, вызванным стихией – нужно было охранять имущество от мародерства и тут же написал заявление на отпуск, которое я вынужден был подписать и вылететь на буровую без смены мастеру Хвостову В.М. 12 мая на буровую Р-54 из объединения подлетело руководство – Морозов Н.М. и Новиков Г.Р. Болотоход и емкости забросили вертолетом МИ-6 двумя днями раньше, и все было готово к очередной задавке проявляющей нефтью скважины. Но и на третий раз раствор выбросило из скважины, и фонтан нефти перед закрытием устья обрызгал всю вышку, вплоть до площадки верхового рабочего на высоту 25 метров. Георгий Ростиславович дал единственно правильное в тех условиях указание: вновь приготовить запас утяжеленного до  $1,4 \text{ г/см}^3$  раствора. Закачать в скважину, быстро поднять бурильные трубы, по возможности провести запись геофизического прибора (каротаж) и спустить эксплуатационную колонну обсадных труб, не перекрывая нижний проявляющий пласт и зацементировать ее, оставляя забойную часть открытой для испытания. К 16 мая мы успешно провели эти работы несмотря на то, что в конце продавки цементного раствора за колонну, на устье выходила нефть, которую направляли по отводу в котлован и сжигали. Последующее испытание скважины подтвердило наличие АВПД до 40% от гидростатического давления, но с малым дебитом нефти из продуктивного пласта Баженовской свиты – 3 кубометра в сутки.

Скважина Р-54 находилась по структуре в купольной части пласта и такое нефтепроявление из Бажена (слабопроницаемый заглинизированный песчаник) в практике бурения сургутскими нефтеразведчиками наблюдалось впервые. С трудностями они удачно справились, и скважина была закончена до наступления полной распутицы. По данным геологических исследований Баженовская свита распространялась почти во всех районах Западной Сибири и в настоящее время представляет собой большой интерес (ведутся научные и опытно-производственные работы по промышленному освоению Баженовской нефти, запасы которой исчисляются миллиардами тонн).

Однако в бригаде рекордсмена по проходке Соловьева Владимира Сергеевича, работающей одновременно на двух скважинах шестивахтовым составом (вместо положенных на одной скважине четырех вахт), положение с каждым днем усугублялось. На скважине Р-44 Восточно-Сургутской площади, расположенной в затопляемой пойме Оби, еще в марте при забое 2803 метра произошла заклинка бурильных труб уроненным с устья посторонним металлическим предметом (твердосплавный захват бурового ключа). Длительные аварийные работы и перебуривание вторым стволом в течение двух месяцев к середине мая убедили в невозможности продолжения работ из-за подтопления буровой установки.

19 мая мы с главным инженером объединения Коломасовым Владимиром Иосифовичем вылетели на буровую для того, чтобы принять комиссионное решение по консервации скважины. На буровой находилась одна вахта бурильщика Смирнова Анатолия Ивановича, помощник бурового мастера Оглезнев Александр Алексеевич и начальник районной инженерно-технологической службы (РИТС) Аксарин Владимир Семёнович. Перед нами открылась необычная картина: работы не велись, стояла мертвая тишина, нарушаемая пальбой – салютом из ружья в честь дня рождения Смирнова. Буровой станок и жилой городок стояли в воде, и сообщение между ними осуществлялось только на лодке. Вода подходила к мосткам буровой и продолжала подниматься, что было видно по засечкам на вбитом шесте. Бурового раствора на поверхности всего 30 м<sup>3</sup> в одной емкости (положен двукратный запас объёма скважины, примерно 150 м<sup>3</sup>). Земляной амбар для раствора затоплен талой водой. Это все издержки рекордного параллельного на двух скважинах бурения. Члены бригады, имея большую переработку, теряют бдительность и слаженность при работе, снабженцы не успевают вовремя выполнять заказы по безаварийному плановому бурению скважин. Как говорится – приплыли! После вынужденной консервации скважину Р-44 перебурили с нуля в зимнее время. На 20 мая проходка с начала месяца по экспедиции составляла всего 3950 метров при плане 10000 метров. Партийный секретарь Громов Михаил Николаевич срочно собрал внеочередное заседание парткома экспедиции и вынес на обсуждение повестки дня только один вопрос – о состоянии буровых работ. До конца месяца планировалось забурить пять нулевок, то есть провести громадный объем подготовительных и организационных работ и, в конечном итоге, самого бурения разведочных скважин. Надо отдать должное транспортникам, дорожникам, управлению технического обслуживания и комплектации оборудования (УПТОиКО), подбазам, что они полностью выполнили зимний завоз на летние точки и создали фронт работ буровикам. Заседания парткома в те времена практически дублировали производственные совещания и планерки, и на них принимались чисто технические решения. Вот некоторые решения того заседания парткома:

1. Улучшить качество монтажа и не допускать задержек буровых бригад по причине ожидания станка.
2. Добиваться действенной помощи в централизованном снабжении передовых вахтовых бригад из Тюмени и других регионов (Украины, Оренбурга).
3. Строго соблюдать технические проекты и технологические регламенты при бурении скважин.
4. Ликвидировать простои во время заканчивания скважин при каротаже и спуске эксплуатационной колонны.
5. Шире и смелее применять передовую технику и технологию бурения, для чего подключать группу внедрения новой техники и научно-исследовательские институты Тюмени, Краснодара и Москвы.

6. Среди молодых ИТР проводить техническую учебу и повышение ответственности за порученное дело, ужесточить отчетность и спрос за нарушения и оплошность.

7. Для снижения аварийности соблюдать режим труда и отдыха, переработку допускать только в пределах нормы при заканчивании и забурках скважин.

В констатирующей части решения парткома были отмечены «рекорды» по авариям с начала года: Р-22 Покамасовская и Р-44 Восточно-Сургутская в бригаде Соловьева В.С., Р-104 Карамовская в бригаде Хвостова В.М., Р-41 Восточно-Сургутская в бригаде Малоштанова И.Ф., Р-105 Карамовская в бригаде Роменского И.И.

В общей сложности за счет аварий потеряно 12 тысяч метров скважин. Необходимо переходить к истинным рекордам – показателям бурения.

Воодушевленные партийными призывами, все разъехались по полевым бригадам, до конца месяца забурили планируемые пять нулевок и пробурили по экспедиции за девять оставшихся дней мая 9064 метра, в общей сложности за месяц – рекордные 13014 метров.

С приемной комиссией я вылетел в бригаду бурового мастера Усанова Юрия Алексеевича на скважину Р-18 Северо-Островную, что всего в семидесяти километрах к югу от Сургута, недалеко от поселка Локосово. Скважина находилась на берегу большого живописного озера и запомнилась не только выполняемой работой, но и удачной рыбалкой с отменной ухой и проснувшейся медведицей с двумя маленькими медвежатами. Комиссия, обследовав буровую и, дав разрешение на бурение скважины, в этот же день вылетела в Сургут, а я остался как ответственный по решению парткома за выполнение плана по проходке до конца месяца. Непосредственным руководителем бригады оставался помощник бурового мастера Квициани Гурген Иламазович. К нам в экспедицию годом раньше приехали два молодых специалиста из Тбилисского политехнического института. Один (запомнилось только имя – Кукури), не отработав и года, не выдержал зимних условий, сбежал назад в Грузию, а Гурген прижился на севере. Работал впоследствии во вновь образованной Восточно-Сургутской НГРЭ и вырос до начальника ПТО. Однако в годы развала Союза все-таки уехал на родину, а жаль – хороший буровик мог бы из него получиться.

Вода в озере на буровой к концу мая немного прогрелась, и мы с Гургеном плавали на противоположный берег за жёлтыми кувшинками – лилиями, как их называл южанин Гурген. С высоты буровой вышки (41 метр) было видно медведицу с медвежатами, спокойно лакомившимися прошлогодней клюквой на ближайшем болоте. Нам тоже хотелось пособирать крупной клюквы, особенно вкусной после зимы, но было боязно, а с ружьем не хотелось нарушать покой медвежьей семьи – хозяев тайги.

Буровая работала размеренно, скважина вела себя без осложнений, вахты возглавляли надежные бурильщики – Лазаренко Юрий Николаевич и Алексей Хабиров. Лазаренко с 1953 года в бурении, начинал в Краснодаре, Кемерево, Колпашево, а с 1958 года в Сургутской нефтеразведке.

Хабиров – мой земляк из Бугуруслана. Закончил там в 1972 году нефтяной техникум, долгое время работал помбуром, а с 1976 года стал бурильщиком. После перевода Юрия Усанова начальником РИТС, Хабиров в конце 1979 года принял буровую бригаду и продолжил работу буровым мастером. Юрий Лазаренко перед выходом на заслуженный отдых тоже работал буровым мастером, но короткое время. У него была особая любовь к скважине. Он ее чувствовал «нутром», интуицией, выработанной долголетним трудом бурильщика. Он обладал особым талантом буровика, переданным ему по наследству от родителей в нефтяном Краснодаре и привитым старшим братом Вячеславом, бывшим буровым мастером. Они вместе в 1959 году пробурили первую в Сургутском районе поисковую скважину Р-31 рекордной глубиной 3264 метра в поселке Локосово.

Во многом трудовая династия Лазаренко была похожа на нашу династию Федотовых, и мы с полуслова понимали друг друга. Часто бывая в бригаде, где бурильщиком работал Юрий Лазаренко, я не уставал со стороны любоваться виртуозным управлением с пульта комплексом оборудования. Особенно тонко он чувствовал поведение скважины при аварийных работах и с честью выходил победителем – был «Буровиком Сибири» с большой буквы. В тайге он был большим любителем рыбалки, охоты, сборов грибов, ягод и кедровых орехов. Ведро клюквы, брусники или черники он собирал в два раза быстрее, чем я. На Р-18 Северо-Островной перед выездом он пригласил меня на ондатровую охоту. Вокруг буровой множество мелких протоков от Оби, а между протоками протоптаны ондатровые тропы. С вечера он расставил на тропях петли, а рано утром, до рассвета, разбудил меня, и мы в болотниках затемно вышли на охоту. У озера возле входящего в него ручья расположились под березкой. Юра показал мне, в какую сторону вести наблюдение, а сам прилег на брезентовую подстилку, прихваченную с собой. Ему с утра заступать на вахту, и он решил подремать оставшуюся до рассвета часть ночи. Только начало светать, все вокруг оживилось. При восходе солнца над гладью озера в заводи заплескали щуки, гоняясь за мелкой рыбешкой. С неба стали падать стаи уток, а на середину озера от берега поплыла пара белых лебедей. Камыши, куда мне велел смотреть Юра, зашевелились, и из воды показались заспанные, с узкими глазами мордочки ондатр. Они начали гулко шлепать своими широкими хвостами по воде, пробираясь нахоженными тропами к озеру. Я не сразу разбудил моего наставника по охоте, не хотел нарушать идиллию пробуждения природы. Насладившись красотой увиденного, взбодрившись крепким чаем из термоса, мы пошли по свежим ондатровым тропам, вытаскивая их из петель. Изрядно подустав от хождения по трясине в тяжелых болотниках, мы подсчитали, что на две ондатровые шапки хватит. Вернулись к завтраку на буровую.

Юрий Николаевич, приняв от ночной смены скважину, со своей вахтой продолжил бурение. Забой приближался к запланированным на конец месяца 1700 метров, и я, уверенный в надежности бригады и прилетающего на смену мастера Усанова Ю.А., вылетел этим же рейсом вертолета домой в Сургут.

Наконец-то можно было один-два дня до конца месяца побыть дома с семьей. А потом с новыми силами в таком же ритме продолжать разведку с открытием месторождений, которых на счету сургутских нефтеразведчиков было 27. Всего же за 55 лет работы ими было открыто и передано в эксплуатацию нефтяникам 153 месторождения.

В 109 из них мне пришлось принять непосредственное участие. На разведку в тайгу шли с удовольствием, с чем и возвращались домой к семьям, которые продолжили наше дело – наши династии геологов-нефтяников. Юрий Николаевич Лазаренко с Тамарой Степановной, детьми, внуками, правнуками 25 лет прожил на заслуженном отдыхе в Тюмени, ушел из жизни в 2020 году в возрасте 86 лет.

Бывая в областном центре у своей старшей сестры Юлии или пробегая очередной Тюменский марафон (42 км 195 м), навещал семью Лазаренко, вспоминая совместную работу в молодости, рассказывая о сегодняшних делах в Сургуте, так изменившемся после первого десанта геологов в 1957 году.

В 1980 году меня назначили главным технологом объединения «Обънефтегазгеология» и началось новое десятилетие ускорения поиска нефтегазовых месторождений Среднего Приобья, перешедшего в 90-е годы в затянувшийся период кризиса и последующего краха большой геологии Сургута.



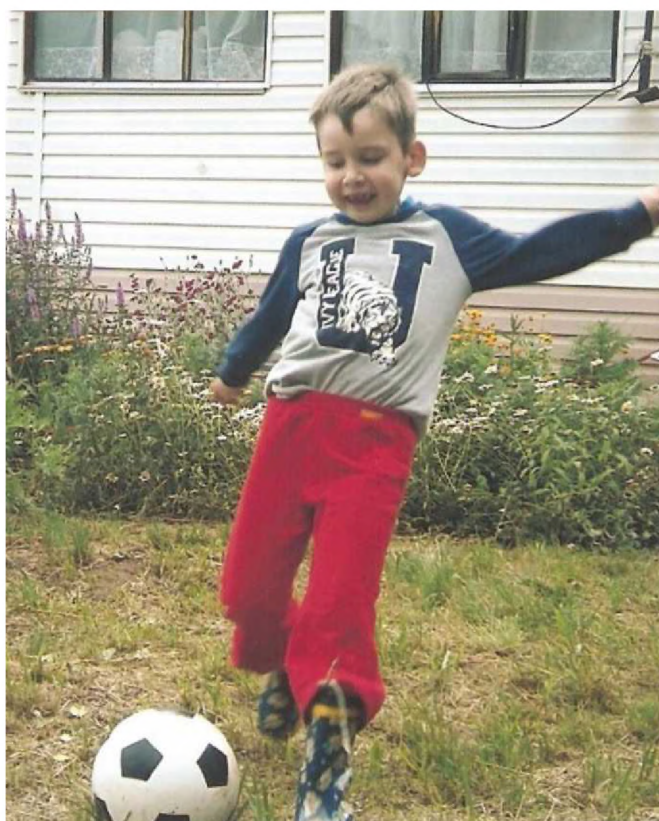
1967 г. Посёлок Мегион, Тюменская область.  
Виктор Федотов – чемпион Нижневартовского района в кроссе на один и три километра.



Май 1968 г. Баку.  
Виктор Федотов (третий) – чемпион Азербайджана в спортивной ходьбе на 10 и 20 км,  
кандидат в мастера спорта по легкой атлетике. Служба в спортивном клубе армии  
(1967-69 гг.).



1990 г. Сургут.  
Елена Федотова (2,5 года) на лыжной прогулке (пятое поколение династии).



2016 г. Город Оса, Пермский край.  
Ярослав Федотов из Сургута (6 лет)  
в гостях у бабушки  
(шестое поколение династии).



1971 г. Тюмень.

Виктор Федотов (КМС) – чемпион области в беге на 1500 м (4 мин. 01 сек.), №120.



2005 г. Тобольск.

Виктор Федотов – чемпион Тюменской области, ХМАО-Югра в марафоне (42 км 195 м) среди ветеранов – 2 ч. 59 мин. 40 сек.



1995 г.  
Константин Кулаков –  
член сборной команды «Нефтяник»  
города Бугуруслана – чемпиона  
Оренбургской области.



2020 г.  
Юлия Клецко (шестое поколение  
династии) – член юношеской сборной  
команды г. Тюмени по волейболу.



2013 г.  
Чемпион ХМАО-Югры в марафоне (42 км 195 м и 21 км) – Виктор Федотов с министром  
спорта ХМАО, олимпийским чемпионом по биатлону Евгением Редькиным.



2020 г.  
Участник Московских марафонов (42 км 195 м) Виктор Федотов вручает свою книгу комментатору Дмитрию Губерниеву.



2013 г. Берлин.  
Виктор Федотов (№8886) у здания Рейхстага перед стартом марафона (42 км 195 м) с руководителем сборной ветеранов России Владимиром Сухоруковым.

ATHENS

PARIS

LONDON

STOCKHOLM

ANTWERP

AMSTERDAM

BERLIN

HELSINKI

ROME

MUNICH

MOSCOW

BARCELONA



European Special Cities'  
**MARATHONS**  
RUNNERS' MOVEMENT

**RUN THE MAIN MARATHONS  
IN ALL THE EUROPEAN HOST CITIES  
OF THE OLYMPIC GAMES!**

# CERTIFICATE

**№006**

**is issued to confirm that**

**Fedotov Victor (RUS)**

**has participated and finished  
in all main marathons held  
in European host cities  
of the Olympic Games.**

08.04.2018

Co-ordinator ESCM



Boris Prokopyev

[www.esc-marathon.org](http://www.esc-marathon.org)

Сертификат члена Европейской Ассоциации марафонцев Виктора Федотова, участника 12-ти марафонов в поддержку Олимпийского движения и здорового образа жизни (в России эту программу выполнили только 6 человек).



2018 г., г. Сургут.

Спорткомплекс «Геолог». Группа тхэквондо на соревнованиях борцов.

Слева - Ярослав Федотов (8 лет), продолжатель династии в шестом поколении.

Тренер - Александр Сергеевич - мастер спорта международного класса, чемпион Европы.



---

9 мая 2021 г.  
Виктор Алексеевич Федотов -  
автор книги, ветеран геологии, спорта,  
писатель.



2021 г. Сургут.  
Литературное содружество с Николаем Васильевичем Ганущаком -  
деканом филологического факультета, кандидатом филологических наук,  
редактором книги.



2017 г. Ханты-Мансийск.  
На приеме у Председателя Думы  
ХМАО-Югры в честь в 60-летия первого  
десанта геологов в Сургут. Ветеран геологии  
Виктор Федотов вручает свою книгу коллеге  
по работе в геологии Среднего Приобья  
(Самотлоре) Борису Сергеевичу Хохрякову,  
председателю Думы ХМАО-Югры.



2015 г. Ханты-Мансийск.  
Губернатор ХМАО Наталья Владимировна Комарова поздравляет ветерана геологии  
В.А. Федотова на 50-летию Самотлора.

## ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

### Ускорение поиска и распад геологии Среднего Приобья

К концу десятой пятилетки (1976-1980 гг.) в системе геологии завершилась реструктуризация управления геологоразведочными работами в пределах Западно-Сибирского топливно-энергетического комплекса. Территория Западно-Сибирского нефтегазового бассейна составляет 1,7 миллиона квадратных километров. Это в основном болотистая местность, тайга и тундра, многочисленные реки и озера. По вертикали здесь была создана четырехзвенная система управления: Министерство геологии в Москве, Главк в Тюмени, шесть Объединений в отдельных крупных нефтегазовых регионах (в том числе в г. Сургуте объединение «Обьнефтегазгеология») и 30 нефтегазоразведочных экспедиций, непосредственно близко расположенных к месторождениям.

Развитие геологоразведочного производства в X-XI пятилетках (1976-1985 гг.) в основном осуществлялось в экстенсивной форме, то есть за счет главным образом количественного роста, создания новых производственных мощностей (буровых установок), увеличения числа работающих (бригад вышкостроения, бурения, испытания). На апрельском Пленуме ЦК КПСС и июньском (1985 г.) совещании в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса большое внимание уделялось перевооружению народного хозяйства, переходу к более интенсивным темпам развития. Интенсивная форма предполагает, прежде всего, более эффективное использование и совершенствование имеющегося потенциала (выработка в метрах на одну буровую установку или на одного работающего человека), повышение качества работы и производимой продукции. Для геологов такими показателями являются успешно законченная бурением скважина с последующим получением из нее притока нефти и максимальной геологической информации, обеспечивающей прирост запасов нефти. При этом материальные (финансовые) затраты должны быть минимальными и обеспечивать получение прибыли по отношению к расчетно-установленной предельно-нормативной стоимости одной тонны прироста запасов нефти. Ускорение и перестройка были объявлены девизом перемен, начатых во всей системе отношений в обществе в период правления М.С. Горбачева, перемен политических, экономических и социальных. Материально-техническая база объединения «Обьнефтегазгеология» на тот период была обновлена и соответствовала требованиям ускорения геологического поиска. Смежные предприятия геологов обладали потенциалом производственных мощностей: автотранспортное предприятие (АТП), строительно-дорожное управление (СДУ), вышкомонтажное управление (ВМУ), геофизики и топографы, речфлот и др. Общая численность работающих в объединении составляла 6,5 тысяч человек.

На совещании в г. Сургуте Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев отметил, что «дело перестройки, ускорения научно-технического прогресса потребует от каждого большой работы мысли, направленного труда, огромной собранности, сознательности и организованности. Главная сила, которая обеспечивает новые темпы, преобразует таежный край – это человек. Сегодня он спорит со стихией Севера, с его суровой природой не только на языке энтузиазма, но и на языке высокого профессионального мастерства во всеоружии знаний. Сегодня таежная ударная вахта – не только школа мужества, но и университет глубокой специализации, тонкой шлифовки талантов».

Сургутская нефтегазоразведочная экспедиция как родоначальница открытий в Среднем Приобье сыграла важнейшую роль в организации и становлении Восточно-Сургутской, Ноябрьской, Юганской и Красноленинской экспедиций и в целом развития объединения «Объединение нефтегазгеология». Начиная с тех времен (1980 г.), в течение 35 лет мы были на острие геологического поиска нефти в Среднем Приобье. Производственные службы Объединения возглавляли Коломасов Владимир Иосифович – отдел бурения, Липявко Юрий Дмитриевич – технический отдел, Федотов Виктор Алексеевич – технологический отдел. Это был производственный штаб при главном инженере Объединения, авторитет которого в решении технической политики основного производства (вышкостроение, бурение, испытание) и внедрения новой техники и технологии был непоколебим. С десяток главных инженеров Объединения сменилось, а штаб был постоянен и настойчив в проведении как организационных, так и технических мероприятий по достижению наивысших технико-экономических показателей крупнейшего геологического предприятия СССР (России), да и, пожалуй, в мире.

Если становление и последующая работа Восточно-Сургутской НГРЭ в самом Сургуте проходили бесппроблемно, то в отдаленных за 200-400 километров поселках экспедиции не могли выйти на плановые показатели годами. Так было и с Ноябрьской НГРЭ (п. Ноябрьский на Ямале), и с Юганской НГРЭ (п. Угут), и с Красноленинской НГРЭ (п. Нягань). Все эти тяготы легли на плечи ИТР Объединения и Главка.

При забурке первой скважины в Красноленинской экспедиции мы вместе с Коломасовым и главным инженером Главка Логановым Юрием Дмитриевичем вертолетом за 400 км прилетели на Талинскую площадь. Был ноябрь, мороз под 40 градусов, но зимние дороги для автотранспорта еще не накатали. Буровая наполовину была обеспечена материалами и инструментом, с кадрами бригады – комплект. Вроде бы все готово к бурению. Сам начальник экспедиции – ветеран геологоразведки Морозов Иван Федорович (27.01.1929-?) руководит подготовительными работами. Он в геологии с 1949 года после окончания Пермского нефтяного техникума. Комиссионно посоветались и отложили забурку скважины до вечера, предварительно вместе с Морозовым залетели на подбазу (запаса материалов нет) и приземлились на ночевку в поселке Нягань – базе Красноленинской экспедиции (впоследствии Нягань стала городом – форпостом наступления на Полярный Урал).

Производственные цеха в поселке заморожены, маломощная котельная работает на пределе, в конторе экспедиции штат не укомплектован, и люди в кабинетах работают в полушубках и унтах. Столовой нет, поужинали в общежитском буфете. После производственного совещания решили не забуривать скважину до создания надежного тыла. Спать определились в «финском комплексе» – удобном в быстром монтаже и комфортности, но холодном и непригодном для наших северных условий. Такими комплексами обеспечивались все новые экспедиции в отдаленных районах.

Мы с Коломасовым сняли унты и меховые комбинезоны, укрылись ватными одеялами, набросив сверху полушубки. Юрий Дмитриевич, ужаснувшись таким положением дел в геологии (до этого назначения он работал главным инженером Объединения «Мегионнефтегаз», то есть у нефтяников «Главтюменьнефтегаза»), уснул, не раздеваясь в унтах и даже не сняв галстука, чуть-чуть ослабив его на белой рубашке под теплым ангорским свитером. Утром я по устоявшемуся годами режиму вышел на зарядку, оббежал еще темный поселок. Мороз жуткий, даже собак нет на улицах, обычно гавкающих на незнакомого бегущего человека. На краю поселка натуженно работал двигатель дизельной электростанции, да над трубой котельной высоко стоял столб дыма. Легкий трехслойный костюм альпиниста и кроссовки всегда были в моей походной полевой сумке. Разогревшись в беге до пота и оставшись в одних плавках, стал умываться, раздробив наледь в алюминиевом умывальнике. Соском умывальника, как будильником, поднял своих коллег. Съездившись под одеялами и увидев меня почти голого под струями ледяной воды и мое парящее тело, они лишились дара речи. Только узнав о моей пробежке, поверили в реальность увиденного. День прошел в плодотворной работе по принятию оперативных мер. К вечеру Логанов и Коломасов вылетели в Сургут.

Через неделю по открывшемуся зимнику из Сургута на буровую пришла колонна автомашин с недостающими для бурения материалами. Скважина забурилась и без простоев и аварий была закончена испытанием с получением промышленного притока нефти. Так было открыто Талинское месторождение, из которого и по сей день нефтяники добывают нефть. Мы же с главным технологом Красноленинской НГРЭ Петром Сафроновым – выпускником Тюменского индустриального института, всю неделю занимались составлением планов работ, технологическими регламентами по бурению и креплению скважин, организацией лаборатории глинистых растворов, составили штатное расписание, положение о службе главного технолога и должностные инструкции работникам. Обратившись в Сургут я выехал вместе с порожней колонной автомашин.

Такая же ситуация складывалась и с организацией работ во вновь созданных экспедициях – Ноябрьской и Юганской в Угутае за 300 и 120 км соответственно от Сургута. Когда в Ноябрьск пришла железная дорога (1981 г.), работа там резко оживилась и было открыто множество месторождений нефти и газа. Угут же находился за поймой реки Оби, и завоз материалов летом был только по рекам, а зимой по временному зимнику – дороге. В межсезонье доставка только вертолетным транспортом, что затрудняло ведение геологоразведочных работ.

На южных от Сургута месторождениях нефти работало Объединение «Юганскнефтегаз», которое поджимало нас, геологов, в скорейшей передаче информации о залегаемой на глубине нефти. В 1983 году нефтяники Западной Сибири достигли небывалого уровня добычи – 1 млн тонн нефти в сутки, и продолжали наращивать темпы работ, поэтому геологам был необходим опережающий, как минимум в два раза, прирост запасов нефти.

С легкой руки главного буровика Западной Сибири Муравленко Виктора Ивановича и его девиза – «нефть находится на конце долота» – был взят за основу в работе технической службы объединения «Обънефтегазгеология». Для интенсификации геологического производства, ускорения поиска нефти впервые в практике пошли по пути комплексного решения этого девиза. С одной стороны добавили буровой раствор (промывочная жидкость), с другой стороны – гидравлический забойный двигатель (ГЗД-турбобур). «Раствор-долото-ГЗД» - триплекс решения проблемы интенсификации скорости бурения скважины. По аналогии с организмом человека раствор – это кровь, ГЗД – это сердце, долото – ноги и руки. Все это было поставлено в единую цепочку на научно-производственную основу. Разработчиками были научно-исследовательские институты Тюмени, Краснодара, Москвы и отделение при объединении в г. Сургуте. Изготовителями – заводы нефтяного оборудования в Свердловске (Екатеринбурге), Волгограде, Куйбышеве (Самаре), Кунгуре.

Опытно-промышленные испытания и рекомендации по дальнейшему серийному изготовлению проводили непосредственно на скважинах по программам и планам производственных отделов объединения «Обънефтегазгеология». Разработчики и конструкторы снимались с теплых насиженных мест, отрывались от кульманов и вместе с буровиками месяцами испытывали свое детище в северных полевых условиях. Такая оперативность позволяла быстро, без лишнего бюрократизма освоить новые типы долот, ГЗД, рецептур буровых растворов и из года в год наращивать темпы основного геологического материалоемкого производства – бурения скважины. Темп прироста технико-экономических показателей до девяностых годов ежегодно составлял 15-20%, а за пятилетку в два раза. В лучшие восьмидесятые годы бурили по 180 скважин с приростом запасов нефти до 350 миллионов тонн. Особо запомнился год 1985, когда наше объединение наградили орденом «Дружбы народов».

Мне в тот год пришлось практически находиться на работе в полевых условиях на скважинах. Из трехсот рабочих дней в году 145 дней находился на скважине вдали от дома. В Юганской экспедиции бурили скважины глубиной 2700-2800 метров. На новой Угутской площади планировалось в 1985 году пробурить первую поисковую скважину глубиной 3500 метров. Для безаварийной проводки и окончания этой скважины (Р-3 Угутская) от объединения закрепили ответственных инженеров-начальников отделов Коломасова, Липявко и меня. Мы постоянно по очереди находились на скважине. Буровая бригада, наполовину укомплектованная вахтовиками, летающими с Украины, имела слабую квалификацию. Тяжелые климатические условия, особенно морозы для южан, снижали работоспособность.

Скважина находилась в десяти километрах от посёлка Угут, и трудовая дисциплина (употребление спиртного, прогулы) местных угутских буровиков оставляла желать лучшего. Срочные заказы для безостановочного бурения и продукты питания доставлялись вертолетом из Сургута. Когда с открытием зимней дороги нормализовалась ритмическая работа на буровой, к Новому году забой достиг глубины 3372 метра. Предстояло немного поднапрячься и провести заключительные работы. Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

Одна украинская вахта (6 человек) уволилась, вторая вахта задержалась в пути, а местные, как и весь Угут, загуляли. На такой глубине простой скважины равнозначен аварии. Срочно по «тревоге» в Новый год подняли сургутскую инструкторскую вахту мастера – Героя Социалистического Труда Жумажанова Нажмитдена Уакпаевича (20.10.1926-?): бурильщиков Эдуарда Чернышова, Василия Склярова, Виталия Сапельникова, дизелиста Владимира Колмакова. Без простоя и аварии (прихват инструмента на глубине 3110 м) не обошлось. Благодаря слаженной работе прилетевших на подмогу профессионалов своего дела аварию быстро ликвидировали и продолжили углубление скважины. Мы с Жумажановым первого января на тракторе с прицепленным вагончиком собирали по домам угутских буровиков. В вагончике на ходу топилась дровами буржуйка – железная печь, только дым столбом валит из трубы в мороз под минус сорок градусов.

12 января при достижении проектного забоя 3500 метра на скважине начали геофизические исследования, и мы с жумажановской вахтой вылетели в Сургут на празднование Нового года по старому стилю, но ненадолго. 25 января тем же составом обратно на проведение заключительных работ по спуску эксплуатационной колонны труб и ее цементации. Отобранные образцы породы (керна) и геофизические исследования показали наличие нефтяных пластов. Мы, инженеры объединения, в такие длительные выезды на полевые объекты экипировались с полной выкладкой по-военному. С собой брали спальники, рабочую спецовку, рюкзак с личными принадлежностями, сухим пайком от супруги, радиоприемник «Спидола», книги или свежие журналы и газеты для информации членов бригады, работающих по месяцу без выезда с буровой.

Завершение скважины спуском эксплуатационной колонны (350 труб диаметром 146 мм и весом 105 тонн) и ее крепление цементом в количестве 50 тонн является ответственной и наиболее сложной операцией в процессе всего строительства скважины. 31 января начали подъем, разборку и выброс, то есть оттаскивание от скважины использованных при бурении труб. Температура воздуха -20 приемлема для ведения работ, мощности парового котла для обогрева уязвимых мест оборудования достаточно, технологический процесс ни при каких условиях останавливать нельзя.

1 февраля – спуск эксплуатационной колонны 450 метров, температура минус сорок градусов, ветер. На ходу в топливопроводе густеет дизтопливо и не поступает к силовым дизелям и электростанции, которые глохнут. Все погружается во мрак, авральное положение! Котельная продолжает работать на инжекторе, то есть без электронасоса.

При свете факелов (аварийные аккумуляторы бережем для запуска электростанции) вдоль топливной линии длиной 50 метров прокладываем не предусмотренную проектом паровую линию из насосно-компрессорных труб (НКТ-73) диаметром 73 мм и производим теплоизоляцию бумажными мешками из-под цемента. Через шесть часов авральной работы, не позволив буровой замерзнуть, запускаем электростанцию и силовые дизели. Да будет свет и мощь дизелей! По радиации запросили из Сургута паропередвижную установку на шасси автомобиля КраЗ (ППУ) и автоцистерну с прицепом арктического дизтоплива из резерва Генерального директора объединения. Пархомович Виктор Михайлович лично контролировал обстановку на Р-3 Угутской и без проволочек заказ был выполнен. В ночь пара машин вышла из Сургута по зимнику и к утру они были на буровой.

2 февраля – работа пошла веселей, спуск колонны на 2000 метров, температура воздуха минус 44 градуса. Подготовка и прогрев тампонажной техники – пять агрегатов на шасси КраЗ.

3 февраля – спуск колонны на 2600 метров, температура минус 44 градуса.

4 февраля – спуск колонны на 3200 метров, температура минус 45 градусов. Затарка двух смесительных машин (СМН-20) тампонажным цементом – 40 тонн. Затарка – сложный трудоемкий процесс: в течение восьми часов два рабочих-такелажника вручную подтаскивают к бункеру СМН мешки весом 50 кг каждый, разрезают ножом и высыпают цемент из мешка в загрузочную воронку. Всего 20 тонн в бункер одной машины.

5 февраля – заканчиваем спуск эксплуатационной колонны на забой 3500 метров. Немного теплеет до минус сорока градусов, но поднимается ветер, который усложняет и продлевает время подготовительных работ к цементажу кратно. Лучше бы мороз, но без ветра, который пронизывает до мозга костей. Работники одеваются теплей, но становятся неповоротливыми, движения, как в замедленном кино. Цемент в бункерах машин по температуре сравнивается с наружной, а по технологии ведения работ воду для затворения его необходимо нагревать до такой же температуры, но с обратным знаком, то есть до плюс сорока градусов. Паропередвижная установка не справляется с этой задачей, и приходится водяную емкость объемом 40 кубометров обкладывать сухостоем из бревен и греть костром. К началу ночи на 6 февраля, когда температура воздуха становится минус 38 градусов со шквалистым ветром, начинаем основные работы по приготовлению цементного раствора, закачку в колонну и продавку его в заколонное пространство вплоть до устья скважины. В работе на открытом воздухе в ночное время (почему-то цементаж по многолетнему опыту в основном проводится на ночь) в течение четырех часов задействовано 35 человек. Каждый специалист в своем деле: две вахты буровиков – 12 человек, тампонажники – 10 человек, тракторист, слесарь, старший дизелист, электрик, кочегар, машинист ППУ, сварщик, лаборант-коллектор, буровой мастер, ИТР – 4 человека (технолог, геолог, главный инженер экспедиции, главный технолог объединения). Лица полностью закрыты шерстяными масками, одни глаза сверкают от азарта в работе. На руках шубенки с верхонками, а в карманах полушубков запасные рукавицы для более тонкой работы. На ногах овчиные носки в валенках-катанках с литыми резиновыми калошами. Все работают слаженно, как часовой механизм, понимая друг друга с полуслова, кивая взглядом или понятными только для них жестами рук.

На морозе с ветром шум работающих дизелей буровой установки, трактора и шести спецмашин забивают человеческую речь. В современных условиях такие работы проводят со связью через наушники. Тут же у смесительной емкости с цементным раствором, замеряя его параметры приборами, работает совсем молоденькая лаборант-коллектор с голыми руками, отогревая их в промежутках в ведре с горячей водой. Женские ручки красные и пухлые, как у младенца. Кто-то из бригадных ухажеров одел ее в свой летний меховой комбинезон, и она стала похожа на Винни Пуха из мультика, но стойко переносила все тяготы от работы и шуток молодых помбуров. Запомнилось только ее имя – Чулпан, что в переводе с татарского – утренняя звездочка. Чулпан закончила училище при Тобольском нефтехимическом комбинате по специальности лаборанта и приехала в поселок Угут к старшей сестре. Они вместе работают на буровых Юганской НГРЭ и заочно учатся в Сургутском нефтяном техникуме. Упорные девчата из династии тобольских татар!

К утру напряженный процесс заключительных работ заканчивается, заметно теплеет до минус тридцати градусов, ветер стихает, снегопад, а люди от усталости падают с ног в натопленных вагончиках. У некоторых даже не хватает сил на завтрак в столовой, где повар приготовила по случаю завершения скважины сибирские пельмени. Самые стойкие парятся в рубленой по-черному баньке, нахлопывая промерзшие бока пихтовым веничком. На буровой непривычная тишина со слабым тарактением электростанции. Все окунулось в приятную двухсуточную истому-спячку, кратко называемую буровицкой аббревиатурой ОЗЦ – ожидание затвердевания цемента. За это время буровые вахты готовятся к переезду на другую точку – скважину.

Канторские работники (планово-экономический отдел, отдел труда, бухгалтерия и др.) по справкам метеослужбы актируют рабочее время полевых бригад, тем самым убирают из баланса календарного времени бурения дни сильных морозов и формально улучшают технико-экономические показатели. Премияльные получают даже те, кто работает в теплых кабинетах, не поднимаясь со стула. Риск остановить скважину, особенно в сильные морозы, может обернуться потерей полугодовой работы бригады и миллионами рублей затрат, а самое главное – отсутствием геологической информации о наличии в пластах нефти, так необходимой разработчикам-нефтяникам объединения «Юганскнефтегаз», то есть в настоящем времени компания «ЮКОС». Такие вот парадоксы в оплате социалистического труда в период ускорения геологического поиска. Для оценки качества заключительных работ 8 февраля на скважину прилетает геофизический отряд начальника Корниевского Петра Васильевича – выпускника Ивано-Франковского нефтяного института 1975 года. На многих скважинах, особенно при ликвидации аварийных ситуаций, геофизики выручали буровиков, давая информацию о глубинных пластах по результатам записи с приборов, спускаемых в скважину.

Отряды Николая Штогрин, Романа Витвицкого, Игоря Воронкова, Василия Дмитрука, Михаила Крылова своевременно проводили геофизические исследования и давали полную информацию о состоянии ствола скважины и залегающих нефтенасыщенных пластах.

И на этот раз по материалам (каротажным диаграммам) интерпретаторы Сургутской геофизической экспедиции под руководством Фидри Нелли Александровны (Ирина Коломасова, Тамара Зиновьева, Людмила Витвицкая) дали положительную оценку качества цементирования и рекомендовали к испытанию пласты с получением промышленного притока нефти. Сургутских геофизиков возглавляли начальник Швороб Василий Александрович и главный геолог Соколов Михаил Стефанович. В результате всех проведенных работ геологами в 1985 году было открыто крупное месторождение нефти – Угутское. Уже 35 лет нефтяники добывают там нефть, и хватит ее еще не на одно десятилетие.

9 февраля скважина Р-3 Угутская была официально закончена бурением. Буровая бригада Николая Годунова готова к переезду на скважину Р-173 Яккунь-Яхской площади, что в 200-х километрах от п. Угут по воздуху, а по зимникам все 300 км – на границе с Томской областью. Температура повесеннему теплая, всего минус десять градусов, и я на солнышке вместе с геофизическим отрядом Петра Корниевского в ожидании вертолета. Петр – мой коллега не только по работе, но и партнер-соперник по настольному теннису. Оба перворазрядники, мы не раз защищали спортивную честь объединения на соревнованиях городского и областного масштабов. В личных партиях мы сражались с переменным успехом, становясь победителями соревнований.

Вечером, обмороженный, с облезлым носом и пальцами рук, захожу домой и вижу в комнате за празднично накрытым столом родных, близких друзей и коллег по работе. И тут только я вспомнил, что мне сегодня исполнилось 38 лет! Супруга Ирина, работающая старшим диспетчером объединения, специально контролировала задание вертолетчикам о вывозе с буровой Р-3 Угутской освободившихся от работы специалистов.

Поздравить меня пришли семьями: однокашники по техникуму – Юрий Ларин, по институту – Владимир Бурко, Сергей Ефремов, Николай Кузьмин, Анатолий Елишев. Самой приятной неожиданностью был младший брат Владимир, работающий бурильщиком на Самотлоре в г. Нижневартовске. По сложившейся традиции первый тост за тех, кто в поле, второй – за виновника торжества и третий в память о родителях и близких, рано ушедших в мир иной.

В нашей династии Федотовых на то время насчитывалось 45 человек, пять старших из которых похоронены: основатель династии Иван Федотов (1820-1895), его сын и мой дедушка Кузьма Иванович (1860-1942) и бабушка Прасковья Никитична (1863-1957), мой отец Алексей Кузьмич (02.02.1902-04.07.1978) и матушка Дарья Алексеевна (19.03.1905-24.07.1981). Хорошая память о них жива у всех десяти детей, внуков, правнуков.

## ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

### Династия без грима продолжается...

Во многих отраслях отечественной промышленности работали и продолжают работать представители династии Федотовых, но большая их часть связана с нефтегазовой отраслью и важнейшей ее составляющей – бурением нефтяных и газовых скважин. Хотя и тяжелейшая эта профессия – буровика, особенно в геологоразведке, но интересная, до конца неизведанная и в то же время знатная и почетная. Скважина – это сложнейшее инженерное сооружение ниже уровня земли, это не оборудование и механизмы на устье скважины, которые можно увидеть, отремонтировать или заменить. Безаварийная проводка скважин на большие глубины требует от буровиков больших технических знаний, опыта и даже интуиции, выработанной многолетним трудом в полевых условиях. При распаде Советского Союза в «лихие» девяностые годы приватизации («прихватизации») большинство промышленных предприятий, формальной ваучеризации, денежной реформы с потерей накоплений непосредственных тружеников и создателей экономической мощи СССР кратно снизилась добыча полезных ископаемых – основная статья доходов в государственном бюджете. Увеличилась инфляция, безработица, Россия села на «нефтяную иглу». В 1999 году произошел самый большой кризис в геологии и нефтегазодобывающей промышленности. Было ликвидировано Министерство геологии в Москве и Главк в Тюмени, Объединения и экспедиции остались без бюджетного финансирования и были брошены на самовыживание. В Объединении «Обьнефтегазгеология» сложилась критическая во всех отношениях ситуация, грозившая катастрофой вплоть до банкротства и самоликвидации. Задолженность по зарплате составила четыре месяца. Но, к счастью, такого не произошло, однако добыча нефти по России снизилась в два раза до 305 млн тонн. Это был переломный год с небывало низкими показателями в производстве, особенно в бурении, и как следствие в уровне жизни населения. Наш сын Алексей, отслужив два года офицером-танкистом на монгольской границе, вернулся домой и готовился к свадьбе и началу самостоятельной жизни, на которую были плачевные надежды. Все нефтегазодобывающие компании России кратно снизили капитальные финансовые вложения в перспективу добычи нефти, то есть в эксплуатационное и разведочное бурение. Появилось много малых, совместно с иностранцами добывающих фирм, которые варварски, без соблюдения правил охраны и недропользования извлекали и продавали без оплаты налогов нефть и ее нефтепродукты – бензиновые фракции и масла. Правительство отменило 10-процентную ставку отчислений от прибыли продаж нефти на восстановление минерально-сырьевой базы, то есть на геологоразведочные работы. Единственная градообразующая компания ОАО «Сургутнефтегаз» (110 тысяч работников) не пошла по такому пути получения максимально быстрой прибыли от имеющегося фонда эксплуатационных скважин, а продолжила наращивание задела в бурении новых скважин.

Объем эксплуатационного бурения снизился только на 10% и составлял в те годы 50% от метража бурения по всей России, а по прогрессирующему горизонтальному бурению и зарезке боковых стволов из простаивающего фонда нерентабельных для промышленной эксплуатации скважин – до 75 %.

Такая позиция хозяйствования «Сургутнефтегаза» позволила не только сохранить добычу, но и приращивать ее ежегодно на 8-10%. Это стало возможным благодаря созданию в «Сургутнефтегазе» Управления зарезки боковых стволов и капитального ремонта скважин (УЗБСиКРС), а также Управления поисково-разведочных работ (УПРР), которое в составе одиннадцати буровых бригад обеспечило опережающий над добычей прирост запасов нефти. Нефтяники Сургута даже ввели в строй свой маленький нефтеперерабатывающий завод и обеспечили свой автотранспорт дизельным топливом, а попутным газом снабдили работу крупнейшей в России ГРЭС. На месторождениях они стали использовать попутный газ для выработки собственной электроэнергии для нужд добычи нефти. Все это в итоге в период кризиса позволило создавать новые рабочие места и задействовать сокращенных специалистов из соседней компании «ЮКОС» и ОАО «Обьнефтегазгеология», возглавляемого Пархомовичем В.М. Все это сократило уровень безработицы в регионе Среднего Приобья и позволило легче перенести кризис. Нефтяная компания «Сургутнефтегаз», руководимая местным сибиряком Богдановым Владимиром Леонидовичем, вкладывала в разведку на перспективу громадные финансовые средства, хотя в начале девяностых годов планировалось вхождение большой геологии Среднего Приобья (ОАО «Обьнефтегазгеология») в ее состав. По такому пути пошли многие геологоразведочные предприятия Тюменской области: Объединение «Мегионнефтегазгеология», Ноябрьская, Красноленинская экспедиции... Мелкособственнические амбиции управляющих чиновников из Министерства, Главка и Объединений не позволили сохранить большую геологию в том варианте, и «Обьнефтегазгеология» в 1999 году четырьмя бригадами набурила всего 48001 метр. В 1988 звездном году пробурили рекордное количество скважин (180) общим метражом 534951 двадцатью бригадами, прирастив запас нефти в количестве 306 миллионов тонн, что соответствовало половине добычи нефти в СССР. По заслугам единственному руководителю нефтяных компаний – Владимиру Богданову указом Президента Путина Владимира Владимировича было присвоено звание «Героя России».

Про геологов в последнее время незаслуженно забыли. Старшему поколению – ветеранам и работающим пенсионерам – пришлось уйти на заслуженный, хоть и безбедный и достойный отдых.

Молодым геологам снова, как и первопроходцам 50-60-ых годов, пришлось выйти в необжитые перспективные районы Восточной Сибири и шельфа морей Северного Ледовитого океана. Конечно, этот «уход» для всей нефтегазовой отрасли был драматичным. В течение двадцати лет «Обьнефтегазгеология» из бюджетной организации три раза преобразовывалась, меняя своих хозяев – работодателей – нефтяных компаний ТНК, НАФТА, Славнефть-Мегионнефтегаз. В 1990 году была ликвидирована Юганская НГРЭ в поселке Угут, бурившая максимально в год 68254 метра и подготовившая к эксплуатации крупное в те годы Тайлаковское месторождение, находящееся в заповедной зоне и только начинающее, спустя 20 лет консервации, разработку. Борьба за владение лицензией на разработку этого купного месторождения нефти привела к небывалому, можно сказать, спекулятивному росту стоимости акций ОАО «Обьнефтегазгеология».

Не дожидаясь максимального взлета акций, многие геологи из-за безденежья и задержки зарплаты за бесценок сдали их. Так получилось и в нашей с Ирой семье – финансов на заработанные в течение 35 лет акций хватило только на свадьбу сына Алексея и первое время учебы дочери Елены. «Коллеги» нефтяники «Сургутнефтегаза» и «Сургутгазпрома», которым мы безвозмездно передавали богатства разведанных недр, выглядели за счет акционирования намного рентабельнее и благополучнее. Такие вот парадоксы несправедливого распределения результатов труда и владения природными богатствами недр от олигархов и правительства. Крах большой геологии продолжался. В 1998 году была ликвидирована Восточно-Сургутская НГРЭ, бурившая максимально в 1988 году 128413 метров глубоких разведочных скважин. Добилась, отстаивая на всех уровнях, перехода в ОАО «Сибнефть» Ноябрьская НГРЭ, бурившая в год подъема 161606 метров. Отстаивая на всех уровнях от Салехарда до Москвы целостность северной разведки и ее востребованность в перспективных районах Ямала, начальник экспедиции Калашников Александр Андреевич перегрузил сердце и скоропостижно в сорокалетнем возрасте скончался. Крупнейшее в Сургуте автопредприятие геологии (600 машин) было распродано частным мелким фирмам и физическим лицам. Многие более мелкие предприятия геологии обанкротились и пошли с молотка. Соцкультбыт безвозмездно передали администрации города. Крупнейший и первый в Сургуте спортивный комплекс «Геолог» перешел в муниципальную собственность. Последним этапом преобразований стал перевод Сургутской НГРЭ, вышкомонтажного и строительно-дорожного управлений на цеховой уровень с непосредственным подчинением «Обьнефтегазгеологии» в составе нефтяной компании «Славнефть-Мегионнефтегаз» в г. Мегионе. Работа по договорам с нефтяными компаниями и организация своего добывающего нефть предприятия на Асомкинском лицензионном месторождении способствовали еще на 10 лет сохранить от полного банкротства геологию Сургута.

Были приобретены специально для наклонного эксплуатационного бурения две новые буровые установки БУ-3000 ЭУК, перенят опыт работы на них нефтяников «Сургутнефтегаза» и задействована старейшая бригада бурового мастера, кавалера трех орденов Трудовой Славы Соловьева Владимира Сергеевича – единственного в Сургуте удостоенного такого звания героя. Было пробурено 30 скважин и добычу нефти довели до 250 тысяч тонн, перекачивая ее за 30 км в НГДУ «Нефтеюганскнефтегаз». К 2020 году большая геология Сургута перестала существовать с передачей всех геологических документов в городской архив, а реликвии геологического музея в краеведческий музей Сургута, где они изредка ко Дню геолога (первое воскресенье апреля) выставляются к просмотру потомками. Потомкам есть на кого равняться, кем гордиться, знать и продолжать славные традиции рода и трудовую династию Федотовых, положивших начало с Бакинских промыслов, продолживших в течение восьмидесяти пяти лет работать в добыче нефти региона «второго Баку» (28 человек), открывать и осваивать в течение пятидесяти пяти лет нефтяную провинцию Западной Сибири («третье Баку» - 17 человек). Значительные нефтегазовые регионы Восточной Сибири и шельфа Северных морей разрабатываются одним из продолжателей династии – руководителем Департамента бурения ООО «Газпромнефть» Кулаковым Константином Владимировичем (10.04.1972 г.р.).

Надеемся, в дальнейшей перспективе он будет не единственным представителем нашей династии в этом новом нефтегазовом регионе. Род наш только разрастается и по состоянию на первое июля 2021 года в нем насчитывается 77 человек, половина которых еще не достигла возраста 25 лет, а самая младшая – Алена - родилась у Геннадия с Ириной 7 апреля 2021 года в седьмом поколении династии. Жизнь династии без грима продолжается....

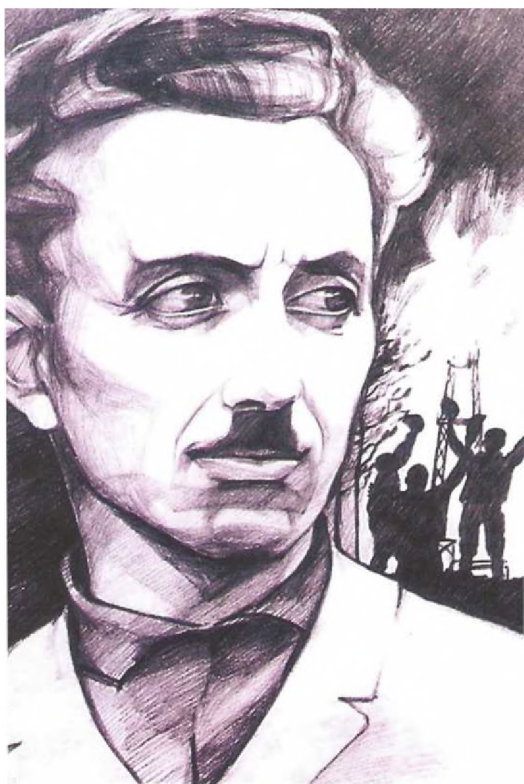
Картины, посвященные геологам-первопроходцам.  
Автор - Елена Викторовна Федотова,  
обладатель Гран-при выставок молодых художников в Сургуте и Москве.



Автопортрет.



Черное золото Югры.



Геолог-первопроходец  
Фарман Салманов.



Буровой мастер  
Нажмитден Жумажанов.



Геолог Евграф Тепляков,  
Почетный гражданин ХМАО-Югры.



Старший дизелист Иван Волков, орденосец.



Буровой мастер Владимир Соловьев,  
Кавалер трех орденов «Трудовой Славы».



Былое и думы.  
Супруги Пархомовичи.



Геолог-первопроходец земли Югорской Фарман Салманов.  
Картина неизвестного художника.

## СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ

---

Глава 1. Истоки.....	3 стр.
Глава 2. Сёстры.....	5 стр.
Глава 3. Братья.....	25 стр.
Глава 4. Детство и юность.....	40 стр.
Глава 5. Самоотпор – путевка в жизнь.....	76 стр.
Глава 6. Такова спортивная жизнь.....	110 стр.
Глава 7. Гранит науки.....	150 стр.
Глава 8. Сургут – нефтяная столица.....	158 стр.
Глава 9. Победный месяц май.....	169 стр.
Глава 10. Ускорение поиска и распад геологии Среднего Приобья.....	190 стр.
Глава 11. Династия без грима продолжается.....	198 стр.

УДК 82-312.6

ББК 84(2)6

Ф 34

Федотов Виктор Алексеевич

Династия

без

грима

Под редакцией Николая Васильевича Ганущака, декана  
филологического факультета Сургутского Педагогического  
университета, кандидата филологических наук.

Набор – Ольга Юрьевна Сёмина.

Дизайн-проект – Елена Викторовна Федотова.

Автор, редактор выражают искреннюю признательность за оказание  
финансовой помощи в издании книги Константину Владимировичу  
Кулакову – Директору Департамента бурения ООО «Газпромнефть».

Подписано в печать 15.07.2021 г.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «Типография «Здравствуй»

614068, г. Пермь, ул. Данщина, 7Д, тел. (342) 270-14-05

Заказ № 204. Тираж 500 экз.



102912001

Мегион ЦБ-КО



1p00k







Буровая установка 1930 г.  
Урал.



Буровая установка  
начала XXI века.



Современная морская платформа-установка  
для бурения скважин на шельфе морей.